

Лексикология и лексикография славянских языков

Зевгма в современной публицистической речи как отражение активных семантических процессов

Н. А. Аксарина

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Десемантизация, транссемантизация, валентность

Аннотация. Работа посвящена описанию влияния процессов десемантизации и трансемантизации, происходящих в лексико-семантической системе языка, на изменение семантической валентности слов, в том числе на активизацию употребления в публицистическом стиле зевгмы как изобразительного средства.

Степень активности тех или иных процессов, происходящих в лексико-семантической системе языка, неизменно обуславливает и специфику наиболее употребительных на данном этапе стилистических ресурсов. Так, если стилистический инструментарий русской поэзии XIX – первой половины XX веков составляли преимущественно приемы, основанные на переосмыслении семантики слова, то с середины XX века заметно возрастает употребление диссонансных приемов (катахрезы, зевгмы, оксюморона), в основе которых лежит переосмысление грамматической и лексико-семантической валентности слов и ФЕ. О системной обусловленности этих изменений свидетельствует активизация диссонансных тропов не только в художественной, но и в живой разговорной и публицистической речи. Нередки случаи использования журналистами такого семантически сложного приема, как зевгма: *Избирателям раздавали подарки и обещания; ...ушли и вода, и время, и деньги, выделенные на ремонт дамбы; в перерыве успев принять лекарство и решение; пользуясь возможностью и хорошим настроением губернатора; Команда готовит место, время, тему, и... публику; ...жильцам не светят ни фонари, ни внимание энергетиков; Художники продолжают писать картины и жалобы* и др. Частота употребления подобных конструкций убеждает в том, что современный адресат русскоязычных СМИ оказывается способным этот прием опознать и интерпретировать.

В механизме интерпретационной деятельности такого рода важную роль играют текущие процессы десемантизации (стремления к частичной реализации семемы в сознании носителей языка) и – более частное явление – трансемантизации (особой актуализации периферийного компонента со сменой иерархической ступени). Обычно изменениям

подвергается более широкое значение слова, валентного каждому члену ряда.

Большинство носителей языка не воспринимает валентность в конструкции зевгмы как дефектную, поскольку не ощущают семантического несоответствия между ее частями. В контексте *Художники продолжают писать картины* и *жалобы* несоответствие валентностей ослабляется за счет транссемантического выравнивания. Так, в валентности *писать картины* глагол реализуется в узком значении *Создавать произведение живописи*, тогда как валентность *писать жалобы* актуализирует более общее значение *Составлять какой-нибудь текст, сочинять, создавать какое-нибудь словесное произведение*. Валентность *писать картины* в данном случае воспринимается адресатом как основная (это отвечает представлениям о деятельности художников), и поэтому она коммуникативно неуместна в конце конструкции (*пишут жалобы и картины*). В соответствии с этим глагол в валентности *пишут жалобы* десемантизируется: сема *словесное произведение* имплицитно, а семы *составлять* и *сочинять* вообще не реализуются, вытесненные особо актуализированной семой *создавать*. Таким образом, в результате трансемантизации – постановки периферийного для этого значения видового признака *создавать* в позицию основного, родового – несовместимые валентности иерархически выравниваются. При этом компонент *создавать*, будучи регулярным и занимая в иерархически разное положение в структуре разных значений глагола *писать*, играет роль семантического интегратора.

Подобные изменения, происходящие в лексической семантике, обнаруживаются и при анализе прочих контекстов. Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что процессы де- и трансемантизации проявляют интегрирующие компоненты в несовпадающих валентностях.

Изменения в лексике современного русского языка, называющей лиц, в последнее десятилетие (на материале толковых словарей)

И. В. Баданина

Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)

Толковый словарь, существительное, значение лица, изменения

Аннотация. Два словаря отразили изменения, произошедшие в сфере названия лиц в русском языке в последние годы.росло число существительных, называющих человека с точки зрения его профессии, политических взглядов, различных занятий. Одновременно некоторые существительные утратили актуальность.

С интервалом около семи лет выпущены два толковых словаря под редакцией Г. Н. Скляревской. Авторы подчеркивают, что оба словаря отражают лексику, актуальную для синхронного периода развития русского языка. Имена существительные со значением лиц претерпели некоторые важные изменения, ставшие предметом нашего исследования. Количество таких существительных – около 1040 в словаре 2001 г. и более 1300 – в словаре 2008 г.

Сопоставление словарей позволяет выявить, какие сферы человеческой деятельности были актуальны на рубеже XX и XXI веков, но утратили это качество к 2008 году; какие, напротив, появились и востребованы в современный период; какие аспекты деятельности и интересов человека не претерпели изменений.

Наличие / отсутствие лексемы в одном или обоих словарях, характер сопровождающих ее функциональных, стилистических, экспрессивных, семантических помет в определенной степени отражают изменения в обществе – его структуре, политических тенденциях, сферах интересов людей. Кроме того, сравнение словарей позволяет увидеть направления развития науки, техники, отраженные в именах – названиях лиц.

Большинство лексем осталось без изменений: *адвентист, активист, акционер, антикоммунист, астролог, атаман, безработный, беспризорник, бизнесумен* и мн. др. В то же время зафиксированы и достаточно показательные изменения в лексическом составе и его функционально-стилистической характеристике.

Так, в словаре 2001 г. представлены, но отсутствуют в издании 2008 г. 106 лексем следующих тематических групп: **политика** – *антиловец, демлидер, империалист, марксист-ленинец; социальная сфера* – *антиобщественник, вредитель, интеллигентик, лишенец, октябренок; экономика* – *арендатор-единоличник, ваучерист, миллиончик, плановик; профессии, занятия* – *гуманитар, дружинник, летун, наставник, особист, юнат; юриспруденция* – *законотступник; искусство* – *китчмен; психологические свойства человека* – *манипулятор; уфология* – *контактерша; медицина* – *мануалист; церковь, религия* – *певчий, пречистая*.

Как можно видеть, в некоторых тематических группах еще сохраняли актуальность слова, называвшие реалии советского времени, в основном в связи с развитием гласности, однако за последние годы интерес к этой тематике уменьшился.

275 лексем зафиксированы только в словаре 2008 г. Они относятся к 16 тематическим группам, причем все тематические группы 2001 г., за исключением **уфология**, присутствуют и в 2008 г., количество же слов в них стало больше, особенно в группах со значениями **политика, экономика, криминал, социальная сфера, религия, церковь, спорт, финансы, коммерция, искусство, профессии и занятия**. В группу **профессии и занятия** (*водила, экс-министр, менеджерша, косметолог, магистрант* и т. д.) включены только слова, которые не представляется возможным квалифицировать более узко – как *иск., церк., полит., информ., спорт, экон., фин., мед., коммерц., парapsихол, научн.* и т. д., где также большинство лексем имеют значения различных видов профессий и занятий: *перформансист, аллерголог, трудник, геополитолог, кремленолог, веб-программист, хакерша, аналитик, банкирша, логистик, генетик, правоохранитель, дилерша, биоэнерготерапевт*. Таким образом, лишь в немногих тематических группах отсутствуют лексемы, называющие профессии и род занятий, – **социальная сфера, психологические свойства человека**: *вожжер, забугорник, салага, хиппушка, зомби, монстр*.

16 лексем совершенно изменили свои лексические значения: *демократка, партийный, плейбой, прислуга*. Обращает на себя внимание, что одним словом можно называть человека и целую организацию – физическое и юридическое лицо: *работодатель, претендент, страхователь, резидент*. Безусловно, большую роль в подобном сближении сыграли эти терминологические сочетания – *физическое лицо, юри-*

дическое лицо, но важно и то, что сегодня человек стал часто так же значим, самостоятелен, как организация.

Одни и те же слова могут называть людей и предметы, при этом новое значение, фиксируемое в словаре 2008 г., чаще предметное: *афганка, субъект, страховщик, редактор, хранитель*, но *демократка* (2001 – *дубинка*; 2008 – разг. женск. к *демократ* – 1 зн.).

40 лексем расширили свои значения за счет появления новых ЛСВ: *авангардист, биоэнергетик, брат, заказчик, русскоязычный*.

Напротив, 13 лексем фиксируются с уменьшенным их количеством: *выдвиженец, гангстер, демороссы, инопланетяне*.

У 18 лексем добавились пометы, у некоторых из них в словаре 2001 г. помет вообще не было, например *взломщик: жарг.* – 2001, *информ.* – 2008, *гарант: фин.* – 2008.

10 лексем лишились помет: *вертухай – лаг. жарг.* – 2001, *жарг.* – 2008.

У 5 лексем изменились пометы: *феминистка: спец.* – 2001, *соц.* – 2008.

Приведенные факты подтверждают давно сложившееся мнение лингвистов о лексике как о наиболее подвижном уровне языка, ранее других реагирующем на социальные, политические, экономические изменения. Немаловажный аспект этих изменений – различия в названиях мужчин и женщин, выявляемые при сопоставлении словарей. Хотя существительные мужского рода количественно преобладают, часть из них может называть также женщин в контекстах, где не требуется определять пол человека. В словаре 2001 г. отмечено 16 существительных жен. рода, отсутствующих в словаре 2008 г. Напротив, в этом последнем зафиксировано 30 слов жен. рода, которых не было в 2001 г. Шире стал и круг их тематики, что свидетельствует о том, что женщина продолжает осваивать различные сферы науки, профессиональной деятельности, ранее доступные только мужчинам.

Незначительное историческое расстояние, отделяющее выпуск двух словарей, выявляет существенные изменения в сфере имен – названий человека, что свидетельствует о стремительных темпах развития общества, о появлении все новых сфер человеческой деятельности.

Источники

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2001.
Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2008.

Лексические и семантические инновации ориентализмов в современном болгарском языке: аксиологический аспект

Л. К. Байрамова

Казанский государственный университет (Казань, Россия)

Ориентализмы, неологизмы, гибридность, аксиологический эффект

Аннотация. В статье анализируется семантика старых и новых ориентализмов в современном болгарском языке и делается вывод о том, что аксиологический эффект от появления лексических и семантических инноваций связан с объективным отражением изменений в болгарском социуме.

Ориентализмы в болгарском языке на современном этапе его развития продолжают функционировать и появляться, отражая определенные инновации в языке. Ранее мы уже указывали, что в болгарском языке до сих пор сохранился относительно большой пласт ориентальной лексики, которая представлена пятнадцатью лексико-семантическими группами [Байрамова 2007: 36].

Если анализировать ориентализмы в современном болгарском языке в инновационном и аксиологическом спектрах, то необходимо отметить следующие тенденции.

1. Ориентализмы, первоначально заимствованные с нейтральным значением, меняют свой аксиологический вектор на антиценностный: болг. *турж* (тур. *toğuk* – туец) – 1) *зоол.* тунак, туец; 2) *презр.* толстый; глупый, наивный человек.

2. Ориентализмы, первоначально заимствованные с положительным значением, меняют свой аксиологический вектор на антиценностный: болг. *бабайт* (тур. *babayıt* – богатырь, молодец), *разг.* – крупный и сильный мужчина; силач, мблodeц; а новое значение: о том, кто держит себя

невоспитанно, грубо, некультурно, демонстрируя свою физическую силу, здоровье (но видно, что он не может претендовать на интеллигентность, образованность).

3. Ориентализмы, первоначально заимствованные с отрицательным антиценностным значением, развивают далее это значение в сторону антиценности: болг. *катил* (ар. *katil*, тур. *katil* – убийца, преступник), *разг.* – 1) убийца, каторжник, преступник; 2) *неодобр. обидн.* – хулиган; глупый, тупой; бесчувственный, грубый; простофиля.

Как видно, семантические инновации ориентализмов, вошедших в болгарский язык относительно давно и употребляющихся до сих пор в современном болгарском языке, шли в сторону развития у ориентализмов отрицательного значения.

Судя по последним заимствованиям, зафиксированным, например, в «Речник на новите думи в съвременния български език» [Бонджолова, Петкова 1999], эта тенденция закончилась.

Можно отметить, что ориентализмы, первоначально заимствованные с нейтральным значением, приобретают но-

вое значение, также нейтральное: болг. *леген* (тур. *leğen* – большой таз) – 1) таз, лоханка, лохань; 2) кузов самосвала.

К современным ориентальным неологизмам относятся также лексемы со значением приверженцев, последователей, членов различных мусульманских, исламских организаций, партий, сект; при этом данные неологизмы в большинстве случаев аксиологически никак не отмечены: *ахмадиец*, *аятоллах*, *ислямист* и др.

Как возрождение в лексической неологии болгарского языка следует отметить появление неологизмов с суффиксом *-джи(я)*.

Исследователи турецких заимствований в болгарском языке, например Веса Кювлиева, и ранее отмечали роль этого турецкого суффикса в образовании новых слов [Кювлиева 1981: 129].

В современном болгарском языке подобные гибридные слова составляют определенный пласт неологизмов: *бензинджия* – работник на заправочной станции; *кабелджия* – собственник или руководитель кабельного телевидения; *таксиджия* – таксист; *фирмаджия* – собственник фирмы [Бонджолова, Петкова 1999].

При этом, как отмечает Веса Кювлиева, лексемы с суффиксом *-джи(я)* имеют тенденцию развивать новое значение: не ‘хозяйина, собственника, работника чего-л.’, а ‘любителя чего-л.; человека, пристрастного к чему-л.’, как выражение отрицательного качества человека.

«Така напр. в РСБКЕ думата *кафеджия* е изтъкувана само с едно значение: “съдържател на кафене”. В същност това е остаряло значение на думата, а съвременните значения – “продавач на мляно кафе” и “човек, който обича и пие много кафе” са останали незафиксирани. По същия начин е разработана и лексемата *бираджия* в том 1 на Речник на българския език, 1977. Тя е представена, само с една значение: “съдържател на бираджийница”. По-новото разговорно значение на тази речникова единица – “човек, който предпочита бира през други алкохолни напитки” е останало незабелязано и незарегистрирано. Аналогична семантична

структура притежава и ТЗ *ракиджия*. Тъй като суффиксът *-джия (-чия)* в съвременното словопроизводство показва повишена активност, лексикографът трябва да се съобразява с неговото семантично развитие» [Кювлиева 1981: 130]. Примеров приводится предостаточно: *картаджия*, *модаджия*, *курортаджия* и др. [Бонджолова, Петкова 1999].

В болгарском словаре новых слов (1999) зафиксированы и такие слова с указанным новым значением: *рокаджия* – приверженец рок музыки; *хазартаджия* – человек, который играет в азартные игры; и др.

Эти гибридные слова с суффиксом *-джи(я)* отражают и современные криминальные ситуации; *взломаджия* – совершающий преступление (ограбление) через взлом; *каналджия* – организатор канала нелегального трафика.

Ориентализмы, гибридные неологизмы в современном болгарском языке, как и неологизмы по своей сущности, отражают новые стороны культурного, экономического состояния в обществе: *европазар* – европейский рынок; *безхаберие* – отсутствие информации и интереса; незаинтересованность; *автоджамбаз* – вор автомобилей.

Модное музыкальное течение *кантри* выражено в современном болгарском языке неологизмом-ориентализмом *чалга* (вид популярной музыки на фольклорной основе).

Итак, лексико-семантические инновации ориентализмов в современном болгарском языке раскрывают новые тенденции, указывающие на появление ориентализмов с объективной, нейтральной (безоценочной) семантикой (*леген*, *чалга*), а также на появление гибридных новообразований, раскрывающих новые явления в болгарском социуме.

Литература

- Байрамова Л. К. Ориентализмы в лексике и фразеологии болгарского языка в сопоставлении с татарским языком. Казань, 2007.
Бонджолова В., Петкова А. Речник на новите думи в съвременния български език. Велико Търново, 1999.
Кювлиева В. Представяне на някои турски заемки и на производни с турски формати в Тълковен речник // Първа национална младежка школа по езикознание. София, 1981. С. 129–132.

Культурологические концепты русского, чешского и словацкого языков в зеркале фразеологического словаря

Д. Балакова

(Ружомберок, Словакия)

Я. Шинделаржова

(Усти на Лабе, Чехия)

Аннотация. Интерес к культурологическим межславянским отношениям требует не только общетеоретических осмыслений, но и конкретных лексикографических разработок. В современной славистике накапливается опыт создания многоязычных фразеологических словарей – например, восьмизычный словарь славянских сравнений под ред. проф. Ж. Финк.

В предлагаемом докладе предметом словарного описания стала идиоматика трех языков – русского, чешского и словацкого. Исходным является русский, основой описания становятся идиомы с национально маркированными концептами – напр., *бить баклуши*, *реветь белугой*, *разводить турусы на колесах*, *взыскующие града*, *втирать очки* и т. п. При сопоставлении этих идиом с чешскими и словацкими фразеологическими эквивалентами возникают сходства и расхождения разного масштаба, обусловленные как близостью, так и различиями соответствующих языков.

Особо важным моментом сопоставления является описание культурологической информации таких идиом на фоне двух западнославянских языков. Лексикографическое описание показывает, что в зеркале русского языка можно продемонстрировать и диахронические (resp. культурологические) сходства и различия чешской и словацкой фразеологии.

В докладе будут продемонстрированы различные типы таких сходств и различий, а также приведены образцы словарных статей.

Лексические средства в текстах информационно-аналитических жанров региональных газет

Л. В. Басова

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Язык СМИ, лексика, семантика

Аннотация. Исследование изменений в языке региональной публицистики на лексическом уровне. Отражение новых экстралингвистических реалий в современной газете и анализ их влияния на формирование современного публицистического дискурса в печатных СМИ региона.

Современная публицистика достаточно быстро реагирует на социально-экономические изменения, происходящие в

обществе. Однако нельзя не отметить столкновение противоположных качеств языка СМИ: способности быстро ме-

няться и выбирать языковые средства, зависящие от приоритетов общества, и консерватизма и стандартизации речи.

В языке тюменских газет сегодня прослеживается тщательный подход к отбору языковых средств. Не наблюдается еще недавно существовавшего стремления к активному употреблению разностилевой лексики. Яркое выражение существованию новой лексики, новых значений слов, новых оценок этих значений, с одной стороны, и некоторое обращение к штампам советской эпохи, с другой. Необходимо также подчеркнуть, что в целом в региональной публицистике просматривается положительная оценка действительности.

Анализ статьи В. Леонидова, помещенной под рубрикой «Акценты недели» в газете «Тюменская правда» (ТП, № 110. 27.06.08), «Первый подход к снаряду» подтверждает вышесказанное.

В публикации рассказывается о совещании Тюменской городской администрации с представителями бизнеса и общественности, «на котором был обсужден вопрос о разработке стратегии социально-экономического развития областного центра до 2020 года в соответствии с перечнем задач, поставленных главой государства».

Активно употребляются автором иноязычные заимствования: *инновационные технологии, технопарк, инвестиции, инвесторы, приоритеты*; новые сочетания слов: *образовательный комплекс, субъекты малого и среднего предпринимательства, частный сектор экономики, новообразования: нефтесервис*. Однако здесь в большом количестве присутствуют советские языковые штампы: *намеченные цели; поставленные задачи; уверенность в завтрашнем дне; темпы роста* и т. п.

Обнаруживаются в тексте и прецедентные феномены: *город будущего, невозможное стало возможным*. Трансформацию цитаты из популярной песни «Невозможное возможно», исполняемой Димой Биланом, следует отнести к новым прецедентным текстам. Тогда как словосочетание *город будущего*, несомненно, возникло в языке гораздо раньше.

Статья «пестрит» спортивными метафорами: *дан старт совместному с Федерацией проекту по созданию мощного центра поддержки инновации, стартовая позиция Тюмени достаточно основательна* (о стратегии социально-эконо-

мического развития Тюмени до 2020 года), *прирост населения: планку в 600 тысяч мы возьмем в начале будущего года, промышленность готова к рынку уже сегодня*. Кроме того, призванный привлечь внимание читателя заголовок публикации *Первый подход к снаряду* – спортивная метафора. Необходимо отметить, что спортивные метафоры активно функционировали в советском идеологическом дискурсе и служили своего рода фактором «национального единства», «избранности» нашей страны и ее народа ([Мальшева 2008]). Кроме метафор, объединенных темой «Спорт», в статье встречаются другие метафорические переносы. Подчеркнем, что используемые в статье для осмысления происходящих сегодня социально-экономических стратегий Тюменской области метафоры имеют положительную оценку и несут в себе «наследие» советской системы ценностей.

Наблюдается употребление в публикации сниженной лексики и характерных для разговорной речи сочетаний слов: *всячески поощрять, решить горы проблем, основанных на пустых мечтаниях*, – однако это единичные употребления.

Общая положительная оценка предлагаемого областным правительством социально-экономического развития региона прослеживается во всем тексте. Например, в последнем абзаце статьи автор информирует читателя о положении вещей: *...городское сообщество не склонно предаваться пессимизму, ...все вполне решаемо и преодолимо, Ничто так не вдохновляет людей, как ясная, четкая и достойная цель. Такой целью для населения все страны может и должна стать государственная стратегия социально-экономического развития до 2020 года. Неотъемлемой частью этой программы станет развитие нашего региона, нашего города*. Используемые лексические средства не только выполняют информационную функцию, но и реализуют прагматические установки, характеризующие социальную политику тюменской городской и областной администрации.

Литература

Мальшева Е. Г. Метафорическая модель «Спорт – это политика»: новое или возрожденное старое? (на материале текстов современных телевизионных СМИ) // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Материалы 2-й Международной конференции. М., 2008.

Интерактивный толково-энциклопедический словарь русского языка: возможности и ограничения

С. Г. Беликова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Интерактивная лексикография, РКИ, словарная статья

Аннотация. Рассматривается современное развитие русскоязычной интерактивной лексикографии, возможности использования ее достижений в целях РКИ, а также интерактивный толково-энциклопедический словарь (ИТЭС) как средство доступа к структурированному языковому материалу. Анализируются специфика словарной статьи, связанная с оптимизацией ее структуры за счет использования гиперссылок, которые позволяют дать лингвистическое, идеографическое описание слова и его перевод на родной язык пользователя, а также принципы формирования словника ИТЭС.

В работе в качестве исходного применяется тезис об **интерактивности как разноуровневом взаимодействии** с использованием телекоммуникаций, которое позволяет осуществлять обмен данными различных форматов (текстовые, аудио, видео, графические). Реализация принципа обратной связи как естественного требования коммуникации служит созданию прозрачной среды общения в условиях, когда взаимодействие между коммуникантами происходит сквозь «фильтр» несовпадения языковых систем. Одновременно с этим принимается тезис Ю. Хабермаса [Ю. Хабермас: «Теория коммуникативного действования» (в 2 т., 1981), «Моральное сознание и коммуникативное действование» (1983), «Ранние исследования и дополнения к теории коммуникативного действования» (1984), «Философский дискурс модерна» (1985), «Мораль и коммуникация» (1986), «Постметафизическое мышление» (1988), «Фактичность и значимость» (1992), «Разъяснение к этике дискурса» (1994)] о том, что с точки зрения идеалов коммуникативной рациональности интерактивность не является совершенной формой коммуникации. Тем не менее нынешний уровень технологического развития позволяет ставить и решать задачи, способные в значительной мере облегчить коммуникацию на иностранном языке. В русскоязычном Интернете уже суще-

ствуют или находятся в стадии реализации интернет-ресурсы, предлагающие в режиме свободного доступа интерактивные словари – переводные, тематические, терминологические, энциклопедические (www.slovari.ru, www.krugosvet.ru, www.wikipedia.org, <http://slovari.yandex.ru>, <http://www.encyclopedia.ru>, <http://elementy.ru/news/430687> и др.). Однако в силу ряда причин не каждый интерактивный словарь, доступный в Интернете, может быть рекомендован и использован в качестве источника достоверной информации или учебного пособия.

Интерактивные словари различаются по многим аспектам и параметрам: качеству, назначению, комплектации, технологической среде функционирования, уровням структурирования интерфейсов ввода и вывода, типам и предпочтениям конечных пользователей, входам доступа, используемой иллюстративной среде, а также качественными характеристиками текстов словарных статей. Тем не менее они обладают рядом общих параметров, позволяющих использовать в процессе обучения иностранному языку те из них, которые являются результатом регламентированной деятельности экспертов – создателей словарей и располагают стабильными коллекциями формально определенных структур / объектов знаний.

К числу преимуществ интерактивных словарей могут быть отнесены: эффективность и удобство, обеспечиваемые поисковой системой; возможность (потенциальная) снабдить словарную единицу аудиофайлом с ее произношением, а также графическими или видеоприложениями (для толковых интерактивных словарей); возможность не только перехода по гиперссылкам в пределах баз данных одного словаря, но и обращения к иным интерактивным словарям (мегаэнциклопедия), располагающим толкованиями интересующего пользователя слова. Интерактивный толково-энциклопедический словарь (ИТЭС), являющийся средством доступа к структурированному языковому материалу, может использоваться в качестве одного из высокоэффективных инструментов быстрого поиска толкования общеспециальной нетерминологической, общеспециальной, общеотраслевой терминологической, основной терминологической отдельных отраслей на русском языке (с возможностью перевода на родной язык пользователя). Подобный универсальный объединенный справочник способен выполнять ряд задач, совмещение которых в условиях традиционных технологий не реализуемо: толкование слов, перевод на язык-посредник / родной язык, подача энциклопедической информации об объекте толкования (включая визуальную), а также сведений об орфографии, этимологии, произношении (включая аудиообразцы), синонимах.

Параметры отбора терминов и терминологических словосочетаний, как и принципы составления словаря, определяются предметной областью, избранной для того или иного словаря. Основополагающие и вспомогательные факторы, влияющие на решение о включении термина в словарь, также находятся в прямой зависимости от предметной области. Одновременно с этим и независимо от конкретной

области в словарях подобного типа представляется целесообразным поиск системных возможностей отражения устойчивых словосочетаний и синтаксических конструкций, употребление которых характерно для научного стиля речи и число которых может быть ограничено минимумом, достаточным для уверенной коммуникации учащихся в условиях учебно-научной деятельности в процессе обучения.

Специфика словарной статьи ИТЭС тесно связана с теми возможностями оптимизации ее структуры, которые предоставляются благодаря использованию гиперссылок, переход по которым (в случае такой необходимости) позволяет получить дополнительное (лингвистическое, идеографическое и др.) описание слова.

Ограничения в создании и использовании ИТЭС могут быть подразделены на ограничения, обусловленные масштабом предстоящих работ, и ограничения технического характера. Они определяются современным состоянием программного и аппаратного обеспечения, а также степенью доступности Интернета для пользователей. Обеспечение разработчиков всеми необходимыми средствами представляется вполне реализуемой задачей, а возможности иностранных пользователей (в первую очередь иностранных учащихся) в значительной мере зависят от таких факторов, как гарантированный доступ к компьютеру и возможность не слишком затратного выхода в Интернет. Последнее обстоятельство ставит вопрос об использовании для ИТЭС автономного носителя как одного из возможных решений задачи на первом этапе. Впоследствии, как только сложатся соответствующие условия, станет возможным гарантированное использование ИТЭС в режиме онлайн, что создаст новые условия для дальнейшего совершенствования предлагаемого словаря.

Семантика отрицания как этнокультурный феномен (на материале русского и чешского языков)

С. М. Белякова

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Отрицание, русский, чешский языки, этнокультурный

Аннотация. Анализируются лексико-словообразовательные и фразеологические средства выражения отрицания в русском и чешском языках, дается их этнокультурная интерпретация.

Феномен отрицания представляется чрезвычайно важной сущностью, имеющей как логико-философский, так и этический план. Являясь языковой универсалией, отрицание имеет специфические средства выражения и коррелирует с этнокультурными особенностями социума. Негативная характеристика может быть не вполне этичной в речи, но отрицательная семантика в языке продуктивна, так как это не просто осуждение, а своего рода дидактика, утверждение посредством отрицания позитивных ценностей общества и нормативных требований к личности.

Семантика отрицания может быть выражена эксплицитно и имплицитно. Знаменитая формула И. Ильфа и Е. Петрова о «бездорожье и разгильдяйстве» ярко иллюстрирует этот тезис.

Среди богатого арсенала средств выражения отрицания – словообразовательные, лексические, фразеологические, синтаксические, интонационные языковые ресурсы. Русский и чешский как два родственных славянских языка обнаруживают здесь значительную близость. Однако они имеют и свою специфику, частично отражающую образ мышления и мировидения каждого народа.

В рамках данного исследования рассмотрена лишь часть «отрицательного спектра» обоих языков: абстрактные существительные с префиксами *без-* / *бес-* (чешское *bez-*) и *не-* (чешское *ne-*), то есть лексико-словообразовательные средства, а также устойчивые сочетания с частицей (союзом) *НИ* (чешское *ANI*) – фразеологические средства.

Анализ данного языкового материала позволил прийти к определенным выводам, которые могут быть интерпретированы в этнокультурном плане.

При сопоставлении имен существительных с указанными префиксами следует отметить близость их семантики как в русском, так и в чешском языках. Однако если в чешском языке они нередко являются весьма близкими синонимами,

то в русском отмечается большая категоричность значения приставки *без-* / *бес-* (ср.: *неграмотность* – *безграмотность*). Более того, подобные пары достаточно редкое явление в русском языковом узусе. В ряде случаев отмечаются омонимические отношения: *безнадежность* – *ненадежность*.

Весь корпус примеров может быть разделен на лексико-семантические группы, среди них наиболее представленными являются следующие: свойства характера человека (*безрассудность, безжалостность, беспомощность*), общественные явления (*безвластие, бесправие, безработица*), природные свойства и явления (*безветрие, безлесье, безоблачность*), физические характеристики (*беззвучность, бесцветность, бесконтактность*). Аналогичная семантика представлена и в чешском языке.

Общее оценочно-коннотативное значение слов с данными префиксами может быть как положительным, так и отрицательным, все зависит от семантики производящей основы, поскольку может отрицаться наличие и позитивного явления (или характеристики), и негативного. Например: *безгрешность* и *бездурность*. В ряде случаев отмечается и отсутствие оценки, нейтральность. И в русском, и в чешском языке преобладает отрицательная оценка (57% и 63% соответственно, то есть в чешском несколько больше). Далее следует нейтральная характеристика (30% и 23%), затем положительная (13% и 14%). Таким образом, следует констатировать более сильную семантику отрицательного префикса по сравнению с положительным значением корня. Это же можно интерпретировать как большую значимость отрицательных характеристик для славянского (русского и чешского) этнокультурного сознания.

Важной частью «отрицательного спектра» изучаемых языков являются конструкции с частицей (союзом) *НИ* в русском языке и *ANI* – в чешском. Это очень яркое, экспрессивное средство, усиливающееся за счет образности или

рифмы. Например: *ни кола ни двора, ни рыба ни мясо, ни жив ни мертв* и др. Ср. чеш.: *ani to ani ono, ani ryba ani rak, ani vidu ani slechu*. Основная семантика, выражаемая при помощи данных конструкций, – отрицание и неопределенность. Общее отрицание ситуативно, поэтому оно конкретизируется, при этом используются определенные эталоны минимума (они примерно одинаковы): рус. *ни гроша, ни грамма*, чеш. *ani floka, ani lotu*. Русским конструкциям с *НИ* в чешском могут соответствовать фразеологизмы иной структуры, например: *ни то ни сё – nemastny neslany, не видно ни зги – tma jako v pytli*.

Русские фразеологизмы с *НИ* представлены следующими структурными типами: 1) *ни А (не + глагол): ни аза не знать, ни в грош не ставить*; 2) *нет ни А: нет ни гроша, нет ни капли*; 3) *ни А ни Б*, где *А* и *Б* могут быть синонимами, антонимами или составлять бином: *ни стыда ни совести, ни швет ни порет, ни рук ни ног*. В имеющемся у нас материале чешского языка в большей степени представлен второй тип.

Сопоставление рассмотренных средств выражения семантики отрицания дает основание для вывода об их полярно-

сти в стилистической системе изучаемых языков. Абстрактные имена существительные с префиксами *без-* / *бес-* и *не-* (в особенности с суффиксом *-ость*) являются главным образом принадлежностью книжного стиля, тогда как фразеологизмы с *НИ* более представлены в разговорной речи, просторечии и диалектах, отражая тем самым традиционную народную культуру. Путем использования указанных префиксов отрицательно маркируются социально опасные свойства характера и человека и негативные социальные явления. При помощи конструкций с *НИ* ярко выражается жизненная философия прежде всего жителя села. Утверждаются практические ценности русского сельского социума: необходимость наличия имущества, хозяйства; умение хорошо работать; наличие семьи, родственников; человек должен иметь силы и здоровье, быть умелым и практичным и не быть невежественным и нерешительным. Что касается чешского языка, то названные черты отражены и в нем, но более точные выводы остаются пока в перспективе, что объясняется небольшим объемом доступного нам на сегодняшний день материала.

Конкурентные наименования на материале сообщений украинских СМИ

Т. В. Бобкова

Киевский национальный лингвистический университет (Киев, Украина)

Неологизмы, новообразования, диалектизмы, форма, значение

Аннотация. Анализируются различные типы конкурентных наименований, степень стабилизации которых в языке определяется их синтагматическими, парадигматическими и деривационными связями.

Расширение социального статуса и функций украинского языка происходит в условиях активного пополнения лексикона не только за счет заимствований из европейских языков, но и из собственных ресурсов. В докладе рассматриваются конкурентные наименования, функционирующие в украинском телевизионном пространстве. Материал исследования составляют тексты информационных сообщений, представляющих собой подготовленную и отредактированную речь дикторов. Под конкурентными наименованиями понимаются существительные, заменяющие существующие в языке и закрепленные за определенной формой понятия. Среди конкурентных наименований можно выделить: 1) собственно неологизмы, отображающие новое значение в новой форме, – *тягучка, заплічник*; 2) лексические новообразования, обозначающие новые значения за счет расширения существующего или его переосмысления, – *гвинтокрил, потопельник*; 3) просторечия, диалектизмы, устаревшие слова, заменяющие общепотребительные, – *перемови, копальня, урядник*.

В процессе усвоения в языке часть неологизмов-заимствований конкурирует и в дальнейшем может быть вытеснена удачными украинскими новообразованиями. Подобные процессы наблюдаются не только в отношении заимствований из европейских языков (*рюкзак – заплічник*), но слов с общеславянскими корнями (*переговори – перемовини*). В ходе исследования статус новообразований как неологизмов проверялся на основе их фиксации наиболее представительными по объему словарями, такими, как «Великий тлумачний словник сучасної української мови», «Російсько-український словник» и электронный «Украинско-русский словарь». Проведенный анализ неологизмов свидетельствует об активном вытеснении корня *іно-* корнями *інішо-* и *чужо-*, вступающими в свободное варьирование: *інішоземець / чужоземець, інішопланетянин / чужопланетянин*, в то время как словари фиксируют возможную взаимозаменяемость этих корней только в таких сочетаниях, как: *інішо (чужомовні) слова, звороти*. Появление в речи новых вариантов произношения также может влиять на форму слова и его написание (*зюмка* вместо *зйомка*). Вследствие влияния польского произношения начальный комплекс в слове *євро* произносится как дифтонг *eu-* или как монофтонг *e-* (*чемпіонат єуро 2012*).

При анализе лексических новообразований, кроме формальной фиксации в указанных словарях, учитывалось также наличие понятийного сходства, например: слово *корок* функционирует как «затор» вследствие метафоризации и расширения исходного значения «пробка, затичка». Зафиксированное в указанных выше словарях существительное

потопельник («утопленник; той, що потопає») используется для обобщенного названия пострадавших от наводнения (*на допомогу потопельникам західних регіонів*). В данном случае происходит замена составного наименования *потерпілі від повені* одним словом *потопельники*. Аналогично употребляется и существительное *безхатченки* в отношении потерпевших материальный ущерб от наводнения. Современные методики (Е. А. Карпиловская и др.) описания новообразований позволяют оценить степень их стабилизации в системе языка по функциональному потенциалу лексемы, представляющему суммарный показатель объема и характера ее парадигматических, деривационных и синтагматических отношений в системе языка и тексте, номинативной и коммуникативной активности. При этом основным параметром жизнестойкости является соответствие неологизма словообразовательной норме и регулярным моделям словообразования. Применение указанных параметров позволяет определить среди конкурентных наименований перспективные и неперспективные с точки зрения их стабилизации в украинском лексиконе. Например, зафиксированы два синонима – *тягучка* и *корок*, обозначающие «дорожный затор», а также производные от *корок* – *закоркувати проїзд, закоркований міст* при отсутствии подобных связей у неологизма *тягучка*. Количество производных, образованных от конкурентного наименования, дает возможность прогнозировать степень его стабилизации в системе.

Кроме описанных выше тенденций, пополнение лексикона происходит также за счет привлечения слов, находящихся на периферии языковой системы – диалектизм, просторечий и устаревших слов, употребительность которых значительно ниже слов общелитературного языка (*перемови – переговори*). Разумеется, конкурентные наименования не могут характеризоваться полным набором системных связей по сравнению с существительными, закрепленными речевой практикой (ср. *шахта* и *копальня*). В целом функционирование конкурентных наименований в текстах информационных сообщений характеризуется отсутствием регулярности и стабильности, что способствует возникновению паронимических отношений. Об этом свидетельствуют также данные проведенного психолингвистического эксперимента. Сорочка одному респонденту в возрасте от 18 до 40 лет из разных регионов Украины были предложены для распознавания 20 конкурентных наименований. По результатам эксперимента полностью весь список наименований не был опознан ни одним респондентом: двое опрошенных распознали по 17 слов, 73,2% всех респондентов распознали больше половины списка, а третья часть опрошенных – 65% всех слов. С другой стороны, не было ни одного слова, не распознан-

ного вообще, то есть в той или иной мере все слова были распознаны респондентами. Особый интерес представляют попытки респондентов мотивировать значение конкурентных наименований по аналогии со значением и звучанием существующих в системе морфем и слов. Результаты эксперимента показывают, что наибольшую трудность при распознавании представляют конкурентные наименования, образованные путем расширения или переосмысления существующего значения (*потопельник, корок*). Низкий процент распознавания конкурентных наименований объясняется отсутствием привычного для респондентов контекста.

Проведенный анализ групп конкурентных наименований позволяет сделать следующие выводы. 1. Появление в речи конкурентных наименований способствует пополнению лексикона современного украинского языка как за счет новообразований, так и расширения функциональности пери-

ферийных единиц. 2. Уточнение толкований существующих понятий и повсеместное вытеснение конкурентными новообразованиями общеупотребительных слов ведет к неизбежному пересмотру словарной нормы. 3. Грамматические характеристики конкурентных наименований по сравнению с соответствующими эквивалентами системы в основном остаются прежними за редким исключением изменений категории рода и числа. 4. Следствием функционирования конкурентных наименований является расширение внутри-системных связей – синтагматических, парадигматических (синонимических рядов), деривационных.

Литература

Карпиловська Є. А. Функціональний потенціал конкурентних моделей словотворення: параметри стабільності похідних // Функціональні аспекти словаутварення. Мінськ, 2006. С. 92–101.

Церковнославянское наследие в терминосистемах русского языка

А. В. Борисенко

Ужгородский национальный университет (Ужгород, Украина)

Книжно-письменная традиция, церковнославянский язык, калькирование, терминологические элементы

Аннотация. В сообщении рассматриваются некоторые особенности использования церковнославянских морфем в процессе калькирования иноязычных слов в русском языке. Основное внимание уделяется функционированию этих морфем в терминосистемах.

Непрерывность связи с церковнославянской книжно-письменной традицией справедливо считается характерной особенностью русского литературного языка, который в процессе своего становления и развития не только не вытеснил церковнославянский язык, но и в известной степени принял его в себя [Чердаков 2001: 25]. О тесной связи современного русского литературного языка с литературно-языковым наследием прошлого свидетельствует сохранение определенного количества слов и морфем церковнославянского происхождения, а также их активное функционирование. По мнению ряда исследователей, русский литературный язык на всех этапах своего развития черпал из церковнославянского книжные средства прежде всего для плана выражения (см., например: [Устюгова 2000: 21]). Цель нашего сообщения – показать некоторые особенности использования церковнославянских морфем в процессе калькирования (материалы для анализа взяты преимущественно из словаря [Арапова 2000]).

В истории древнерусского, а также русского литературного языка соотносительные церковнославянизмы и русизмы претерпевали активное взаимодействие, которое в конечном итоге приводило к семантической (*страна – сторона*) или к стилистической (*злато – золото, град – город*) дифференциации. Стилистически окрашенный член пары (чаще это был церковнославянизм) со временем выходил из употребления, однако эта закономерность не распространялась на терминосистемы. Поскольку «термин лежит принципиально вне эмоционального поля», церковнославянизмы *град, хлад, здрав* становятся здесь нейтральными научными терминологическими элементами [Суперанская, Подольская, Васильева 1989: 93, 28].

В терминоведении особое место занимает калькирование, являющееся наряду с прямым заимствованием и переводом весьма продуктивным способом передачи иноязычной лексики. Примечательно, что значительное количество калек из числа укрепившихся в русском языке имеет в своей структуре церковнославянские компоненты разных языковых уровней – морфологического, лексического и фонетического. В докладе основное внимание уделяется использованию церковнославянских морфем с отчетливо выраженными фонетическими признаками, такими, как неполногласие, рефлекс *tj и *dj, начальные гласные соотносительных корней.

В нашем материале имеется около 50 калек с неполногласными корнями: *градостроительство* (фр.), *домовладелец* (нем.), *златорунный* (греч.), *младограмматик* (нем.), *многогласие* (греч.), *многочлен* (нем.), *обратимость* (нем., фр.), *отвлеченный* (лат.), *полновластие* (лат.), *прикратник* (лат.), *птицелечник* (лат.), *рабовладелец* (англ.), *посредник*

(нем.). В ряде случаев в калках используются соотносительные полногласные и неполногласные корни. Такие калки обычно различаются временем возникновения и иногда – языком-источником: *головоногие* (1816) – *главоногие* (1812); *золотоцвет* (1792, лат.) – *златоцвет* (1780, нем.); *холодильник* (1804, лат.) – *хладильник* (1845, нем.). Факторов, последовательно регулирующих сохранение одного члена пары и утрату другого, нам установить не удалось, но в целом и в терминосистемах просматривается общая закономерность, характерная для соотносительных русизмов и церковнославянизмов: прямое значение чаще выражается полногласными корнями (*змееголовый, клювоголовый, корнеголовый, кругологоловый, остроголовый, плоскоголовый, свиноголовый, собакоголовый, цельноголовый, щитоголовый, ямкоголовый; золотоскатель, золотосносный, золотопромышленность, золотосодержащий*), а переносное – неполногласными (*златоцвет, главнокомандующий, хладнокровие*).

Полногласные и неполногласные морфемы в терминологии сосуществуют с интернациональными корнями, имеющими близкие значения. Например, у корней *-хлад-* / *-холод-* (*хладагент, холоднокровные*) есть греческий синоним *-крио-* (*криогенез, криолит, криология*); в терминологии, связанной с понятием *дерево*, сосуществуют славянские морфемы *-древ-* / *-дерев-* и греческие корни *-ксил-* (*ксилема, ксилит*) и *-дендр-* (*дендрарий, дендрит*).

Среди калек зафиксировано много корней с южнославянским рефлексом *tj и *dj: *водонасыщенный* (нем.), *газоо-вещение* (нем.), *кровообращение* (нем.), *круговращение* (нем.), *общераспространенный* (нем.), *самоощущение* (нем.), *сокращение* (нем.); *возрождение* (фр.), *временепровожждение* (нем.), *жизнеутверждающий* (нем.), *лесонасаждение* (нем.), *мертворожденный* (нем.), *самовозбуждение* (нем.). В данной подгруппе преобладают примеры калькирования немецких слов.

Единичными случаями представлены калки, корни которых квалифицируются как церковнославянские по начальному гласному: *зерноядный, плотоядный*.

Среди других морфем можно выделить церковнославянские приставки. К ним относятся прежде всего приставки с неполногласными сочетаниями *пре-*, *пред-*, *чрез-*: *преломляемость* (лат.), *преобразователь* (фр.), *прерыватель* (фр.); *предвзятый* (нем.), *предплечие* (фр.); *чрезмерный*. Кроме того, к церковнославянским относится приставка *из-*, соотносимая с русской приставкой *вы-*: *изысканный* (1812, фр., лит.) – *выисканный* (1823, фр., письма), *исходящий* (нем.).

Среди суффиксальных морфем собственно церковнославянским является суффикс причастий *-ущ-* / *-ащ-*: *воинствующий* (фр.), *всеохватывающий* (нем.), *вызывающий* (фр.),

дикорастущий (нем.), *жаропонижающий* (лат.), *основополагающий* (нем.). Другие суффиксы точнее квалифицировать как книжные, поскольку их исходные морфы имеют общеславянское происхождение: *-тель* (*предатель*), *-тельн-* (*страдательный*), *-тельство* (*правительство*), *-енство* (*духовенство*) и др.

Таким образом, использование церковнославянских морфем в качестве термозлементов можно рассматривать в ряду аргументов, подтверждающих непрерывность связи русского литературного языка с литературно-языковым наследием прошлого.

Сакральная ономастика в славянских языках и культурах

И. В. Бугаева

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева (Москва, Россия)

Сакральная ономастика, агнионим, зортоним

Аннотация. Сакральная ономастика – не изученная на сегодняшний день область лексики и ономастики, содержащая в себе богатую историческую, культурологическую, религиоведческую информацию. Цель исследования – изучение структуры и особенностей номинации православных святых, церковных праздников и названий храмов в славянских языках и культурах.

Сакральный ономастикон представлен именами собственными, характеризующимися категорией святости, то есть агнионимами. Разряды агнионимов представлены сложной системой, в которую входят имена святых, зортонимы (название церковных праздников), экклезионимы (название храмов и монастырей), иконимы (наименование икон), которые составляют ономастическое пространство, объединенное значением *святости*.

По структуре все имена собственные, содержащие сему святости, в официальной форме представляют собой многокомпонентную номинативную формулу, включающую разные дифференцирующие и уточняющие элементы. Такая номинативная формула является микротекстом, который при определенных исторических и религиоведческих знаниях раскрывается. Полные наименования основных сакральных онимов в славянских языках являются кальками греческих названий, но несмотря на это наблюдается разница в построении номинативных формул, незначительная на первый взгляд, но существенная с точки зрения богословия. Проиллюстрируем это на примере названий церковных праздников в русском, сербском, чешском и болгарском языках. Приведенные в полной номинативной формуле, зафиксированной в официальных документах и церковных календарях, и в редуцированной, употребляемой в разговорно-бытовых ситуациях, они могут служить материалом для этнолингвистического и богословско-исторического анализа. Так, наименование праздника Рождества Христова представлено в полной форме: рус. *Рождество Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа*; серб. *Рождество Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*; чеш. *Narození Pána Našeho Ježíše Krista*; болгар. *Рождество Христово*. Редуцированные формы: рус. *Рождество*; серб. *Божић*, болгар. *Коледа*. Еще один пример: рус. *Вход Господень в Иерусалим (неделя ваий)*; серб. *Улазак Господа Иисуса Христа у Јерусалим*; чеш. *Vjezd Pána do Jeruzálema*; болгар. *Вход Господен в Иерусалим*. Редуцированные названия: рус. *Вербное воскресенье*; серб. *Цвети*; чеш. *Kvetná neděle*; болгар. *Връбница, Цветница*. Как видим, различаются лексические и морфолого-словообразовательные характеристики ядерных слов номинаций и мотивационные признаки второстепенных околядерных единиц.

Интерес для сравнительно-сопоставительного анализа представляет описание номинативных формул имен святых. Самой подробной и информативной является официальная номинация святых, сложившаяся в Русской Православной Церкви. Число номинативных компонентов может доходить до четырех и более: *святитель Тихон, епископ Воронежский, Задонский чудотворец*. Каждая единица номинативной формулы информативно значима, занимает фиксированное место в структуре наименования, выполняет определенную функцию. Дифференцирующие компоненты могут редуцироваться, ядерные (обычно имя и чин святости либо номинатор типа *Победоносец, Богопримец* или локализатор типа *Радонежский, Саровский*) сохраняются. Другие

Литература

- Чердаков Д. Н. Русский вариант теории литературного языка и его истоки // Русский язык конца XVII – начала XIX века: Сборник статей. 2 / Отв. ред. З. М. Петрова. СПб., 2001.
- Устюгова Л. М. Слова с полногласными и неполногласными корнями в системе словообразования русского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000.
- Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода: Опыт словаря. М., 2000.
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 1989.

поместные церкви лаконичнее именуют святых. Каждая поместная церковь также пополняет общий православный именник. Так, впервые с именем *Людмила* была прославлена чешская княгиня Людмила. А уже в 2000 г. была прославлена русская новомученица Людмила (Петрова). Болгарская Православная Церковь прославила своих святых с именами *Боян* (мученик Боян, князь Болгарский). Сербская Церковь дала святых: *св. Душан Прийович, св. Милоград Вукойичич, св. Добросав Сокович, прот. Слободан Шильяк, св. Родолюб Самарджич, св. Ратомир Янкович, св. Будимир Соколович, св. Велимир Миятович, м. Яглица Пивская, св. Гойко Кривокапич, св. Бранко Добросавлевич, св. Ристо Ярамаз* и др. Некоторые канонические имена подверглись славянской ассимиляции на сербской почве: *прот. Марко Попович, св. Сава Шильяк, прот. Михайло Евчевич, св. Андрия Шильяк*. Другие канонические имена переводились на славянские языки. Например: *Фотиния – Светлана, Хрисия – Злата, Феодор – Божидар, Феодосий, Феодот – Богдан* и т. д. Так, в 1912 г. в Болгарии прославлена *Злата (Хриса, Христия) Могленская*, а в соборе Боснийских новомучеников прославлены *прот. Богдан Лалич, св. Божидар Йович*.

Околядерные дифференцирующие единицы номинативной формулы призваны различать тезоименитых святых, например: *святитель и чудотворец Николай, епископ Мир Ликийских; равноапостольный Николай, архиепископ Японский; страстотерпец Николай II Александрович, император Российской; священномученик Николай (Восторгов), иерей*. Но могут возникать и сложности в идентификации святых, если используются разные номинаторы. Например: *св. Николай Велимирович, св. Николай Жички, св. Николай Охридски* – все это варианты именования одного человека. Такая вариативность свидетельствует о том, что святой прославлен недавно и номинативная формула как агнионим еще не устоялась.

Аналогично анализируются сакральные топонимы, наименования храмов, монастырей, названия икон.

Агнионимы на разных языках в православной среде имеют одинаковую ценность, значимость и информативность. Но в зависимости от исторических событий, местных условий степень такой информативности и значимости может различаться. Связано это с особым почитанием того или иного святого в конкретной христианской стране или регионе.

Таким образом, когнитивный статус имен собственных связан с объемом хранящейся в нем информации. В агнионимах как именах собственных, соотносимых с категорией святости и принадлежащих религиозной сфере, содержится историческая, религиоведческая и культурологическая информация. Значимость и ценность религиозного ономастикона, как и любого другого, заключается в том, что он важен не только как объект лингвистических исследований, но и как историко-культурное явление. Особенность религиозного ономастикона состоит в том, что он наднационален и является частью христианской картины мира.

Грань взаимодействия языка и действительности

Д. В. Будняк

Университет Яна Кохановского (Кельце, Польша)

Характер изменений, тенденции развития, экстралингвистические факторы, дополнительные значения

Аннотация. Язык, лексика дают человеку возможность выражать мысли, создавать новые понятия, повышать культурный уровень, а самое главное – понимать друг друга. Главная и определяющая особенность русского языка XIX–XX веков – динамика лексико-семантической системы. Историзм неразрывно связан с широким охватом контекста эпохи или языковой системы в целом на разных этапах ее развития. Исследование истории значений отдельных слов доставляет для исторической семантики ценный материал. Исследование семантической истории литературных слов создает базу для историко-идеологического словаря русского литературного языка.

Слова на той или иной стадии развития образуют объединенную систему морфологических и семантических рядов в их сложных соотношениях. Отдельные слова, как смысловые структуры, существуют лишь в контексте этих систем, в их пределах они обнаруживают по-разному свои смысловые возможности. Все слова в составе лексической системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они соотношены друг с другом как члены одного и того же семантического ряда. В сущности, полное раскрытие смысловой структуры слова, т. е. не только его отношения, но и его значений, всех его грамматических форм и функций, возможно лишь на фоне всей лексической системы и в связи с ней. Чаще всего история слова изображается как изолированный процесс, совсем оторванный от общих закономерностей исторического развития данного языка. Важную роль в развитии словарного состава русского литературного языка в данный период играли семантические преобразования и сдвиги в кругу уже известных слов. Здесь можно обнаружить два явления: тенденцию к определенному сужению значения слов, к специализации и терминологизации, а также стремление к расширению значений слов, к появлению новых дополнительных значений и тем самым – к расширению их лексической сочетаемости. Так, например, терминологическое значение приобретают слова: *промышленность, среда, производство, производительность; przemysł, ekonomika przemysłu, gałąź przemysłu, przemysł ciężki, lekki, obronny, produkcja, narzędzia produkcji, asortyment; асортимент, виробництво, продукція, знаряддя, економіка, галузь промисловості* и др. Расширение значений слов также охватило значительный слой лексики XIX–XX веков. Наиболее ярко это видно на примере научно-терминологических лексем, которые, приобретая дополнительные значения, подвергались детерминологизации

и тем самым предопределяли возможность создания новых сочетаний в литературной и разговорной речи. *Мир языка и лексики* находится в руках человека, который готов пользоваться им, выступать в роли создателя культуры. Это ставит человека на грань взаимодействия языка и действительности. Как мы не можем отрицать мир действительности, так мы не можем отрицать и мир языка. *Мир языка и лексики* всегда открыт для человека. *Язык и лексика* раскрывают способ миропонимания и формируют мировоззрение. И таким образом они функционируют как инструмент интерпретации, понимания и принятия внешнего мира. История развития человечества свидетельствует о значительных изменениях в отношении к слову и попытках сознательно регулировать словарный состав языка. Словарный состав языка – это продукт длительного исторического развития. В нем обнаруживаются разные по происхождению, употреблению группы слов и оборотов. Лексика XIX–XX веков – живая, как сама жизнь, – непрерывно обогащалась и развивалась. Вот почему степень и характер изменений в каждом отдельном языке в каждую определенную эпоху должны рассматриваться с учетом конкретной исторической обстановки, в которой происходит функционирование данного языка, развивающегося по своим внутренним структурным закономерностям. Таким образом, исследуя тенденции развития русского языка, кроме внутренних закономерностей нужно всегда учитывать еще и многообразные проявления связи развития языка с развитием общества, особенности воздействия на язык различных экстралингвистических факторов. Русский, польский и украинский языки XIX – начала XX веков пополнились огромным количеством лексических новообразований, которые возникали по образцу наиболее активных и жизнеспособных словообразовательных типов.

Немецко-славянские языковые контакты в зеркале фразеологии (опыт словаря)

Х. Вальтер

Университет г. Грайфсвальд (Грайфсвальд, Германия)

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

1. Славяно-германские языковые контакты – один из следователских лейтмотивов славистики с момента ее рождения. Внимание лингвистов при этом было сосредоточено в основном на лексических германизмах типа рус. *парикмахер, кунсткамера*, чеш. *flek, facka, trumpeta*, хорв. *barva, škoda* и т. п. Их анализ во многом велся с позиций языкового пуризма.

2. Фразеологические заимствования из немецкого языка остаются до сих пор практически неисследованной зоной проблематики славяно-германских отношений. Историки славянских языков в лучшем случае уделяют внимание лишь тем устойчивым словосочетаниям, которые включают в свой состав компоненты-германизмы, напр. рус. *взять на цугундер*.

3. Калькирование фразеологизмов с немецкого языка остается неизученным не только из-за чисто лингвистических трудностей их анализа, но и во многом из-за давно сложившегося убеждения (или, скорее, предубеждения), что идиоматика как языковая подсистема является сугубо национальной сокровищницей народной и литературной речи. Поэтому любое словосочетание, имеющее славянский компонентный состав, воспринимается как «свое», а не «чужое».

Разграничение фразеологии по оси этой актуальной оппозиции тем самым изначально заторможено.

4. Длительное сосуществование многих славянских народов с соседями-германцами оставило тем не менее следы не только в виде прямых лексических заимствований, но и в других уровнях языковой системы. Особо активно здесь влияние синтаксических моделей на структуру славянских языков. Мощно германизированным, например, оказывается синтаксис наиболее «славянского» по лексическому «корнесловному» составу чешского языка. Именно в виде синтаксических моделей фразеологические кальки массивно проникают в некоторые славянские языки – напр., в чешский, хорватский, словенский, где обороты типа *mít smůlu, mít štěstí, dávat pozor; imati sreću; imati smolo* и т. п. органически освоены литературными языками. Характерно при этом, что «маркерами» заимствования являются и параллели таких оборотов в разговорной речи, где «ославяненные» компоненты соответствующих оборотов сохраняют исконно германскую языковую плотность, напр. чеш. *mít pecha, mít kliku, dávat bacha*; словен. *imati peh* и т. п.

5. Развитие сравнительной и исторической фразеологии славянских языков требует не только анализа многочис-

сленних конкретних фактов калькирования, но и выявления специфики механизмов этого лингвистического процесса с учетом специфики каждого славянского языка в его ретроспективе, детальной дифференциации прямого и опосредованного (т. е. прошедшего через каналы других языков) и калькирования. Важнейшей теоретической и практической задачей является разработка объективной методики анализа собственно фразеологического калькирования, ос-

нованной на принципе структурно-семантического моделирования.

В докладе демонстрируются приемы диагностики фразеологического калькирования и даются конкретные примеры анализа калек с немецкого в славянские языки. Этот анализ опирается на опыт работы над «Историко-этимологическим словарем немецкой фразеологии (в сопоставлении со славянской фразеологией)», который составляется докладчиками.

Черчилль чи Хурхіл? (англiцизми в сучасній чеській мові як вияв чеської ментальності)

Е. А. Ващенко

Киевский славистический университет (Киев, Украина)

Функционирование языка, англоамериканизмы, процесс «чехизации», лексическая интерференция

Аннотация. В последние десятилетия XX и в начале XXI в. все европейские языки охватил «англоамериканский бум». Чешский язык, естественно, не остался в стороне от данного процесса. Англицизмы и американизмы все чаще встречаются во всех сферах человеческой деятельности: экономике, политике, технике, туризме, моде и т. д. Но перенасыщенность и злоупотребление англоамериканизмами становится очевидным явлением. Создается впечатление, что чешский язык сдает свои позиции.

В історії кожної мови суттєву роль відіграє держава, економічна та політична структури суспільства, ті важливі зміни в житті народу, котрі не можуть не впливати на розвиток та стан мови. Так звані екстралінгвістичні фактори, тобто фактори, що відносяться до реалій, реальної дійсності, в умовах якої відбувається функціонування та розвиток мови, іноді можуть відігравати вирішальну роль в історії мови.

Упродовж свого існування чеське суспільство пройшло складним періодичним (diskontinuitním) розвитком. У ньому чергувався період кріпосного права (1781 р.) з німецьким підданством, період демократичного розвитку з періодом тоталітарного режиму. Разом із суспільством занепадала та розвивалась чеська мова. В цьому вона, по-своєму, є унікальною. Її еволюція в часі та просторі проходила та проходить в діаметрально протилежних напрямках – в конвергентному та в дивергентному. Ця мова, з одного боку належить до слов'янської групи мов та за кількістю, тих хто говорить нею є найбільшою мовною групою Європи. Одночасно вона є продуктом західної цивілізації. Хоча її географія та історія, здавалось би, зумовлює симбіоз із німецькою мовою, все ж таки наслідую загальну модель європеїзації, що виявляється у великій кількості запозичень з грецької, латинської, німецької, російської мов.

Після проголошення незалежної держави (1989 р.), вступу до Євросоюзу (2004 р.) з одного боку та все більш помітною участю країни в процесах глобалізації з іншого, з девізом «otevřáme se světu a svět se otevírá nám» у країну приходить новий потік інформації, а чеська мова переживає новий міжнародно-неологічний бум і поповнюється англоамериканізмами.

Можна сміливо стверджувати, що на зламі XX-го та XXI-го сторіч виникла нова лінгвістична аксіома, яку вже не треба доводити і як de facto:

1) англійська мова – *lingua franca*¹ сучасності;

2) англійська мова – мова глобалізації та інтеграції, котра зайняла передові позиції;

3) англійська мова (американський варіант) є головний лексичний донор, а англоамериканізми все частіше зустрічаються у всіх сферах людської діяльності: економіці, політиці, комп'ютерних технологіях, туризмі, моді, кіно тощо.

Звісно англійські запозичення і раніше зустрічались у чеській мові, але в більшості у науковій чи енциклопедичній літературі, при перекладах художньої літератури, або були у вжитку у мові спеціалістів. Багато з них настільки адаптувались, «чехізувались», що чехи перестали їх сприймати як запозичення чи як «інородне тіло»: *volejbal, fotbal, lazer, fanoušek, vagon, tramvaj, buldozer...* у свою чергу від них почали утворюватись похідні: *volejbalový, tramvajový, tramvaják, tramvajačka, tramvajácký, tramvajenka...*

Найулюбленіший вигук чехів *ahoj*, який вживається щодня також є запозиченням з англійської мови та існує у мові майже два сторіччя².

Та після 1989 р. чеська мова опиняється у вирі англоамериканської лексикоманії. Кількість нових лем, що з'явилась за останні десятиліття лише підтверджує стрімкий процес лексичної інтерференції: *body-bullding, damping, dumping, e-mail, fashion, fax-mail, gambler, garden party, greenpeece, happening, hardcopy, hendikep, handicap, hendikepovaný, handicapovaný, jukebox, juke-box, keep smiling, keyboard, klipr, clipper, legíny, leggings, SERP, VD, sms, esemeskovat, vyemeskovat, za-, vyzúmovat, naloudovat, přisnepovat, apgrejdovat, zazipovat, vyrendrovat, vydylítovat, vyexportovat, naimportovat, georeferencovat, ortorektifikovat, udělat double click, kliknout...* Англоамериканізми стають лексичними лакунами та створюють певний прошарок безеквівалентної лексики, а далі у процесі адаптації утворюються бонемізовані новотвори.

Звісно, відношення до такого перенасичення англіцизмів у чеському суспільстві неоднозначне. І погляди на цей мегапроцес у чехів діаметрально протилежні.

- Молоде покоління взагалі не вважає це за проблему і не акцентує на цьому увагу. Сьогодні в розмовній мові тинейджерів, студентів можна почути *jdu si callnout, jsem ve worku, pišu SMS...* Окрім самостійних лексем, чеська молодь вживає англійські сталі вирази, ідіоми, сентенції: *Step by step, TIP TOP, Don't Worry, Be Happy* (слова з пісні Bobby McFerrin), *It's my life, time is money* тощо. Причому, мало хто з них пригадає вірне графічне написання того чи іншого виразу. Виняток складає та молодь, яка займається питаннями чеського мовознавства та вболівають за культурне надбання країни.

- Середнє покоління – розділилось на три групи: одні вважають, що країна має розвиватись, а з розвитком приходять нові реалії, котрі не мажуть не викликати інтернаціоналізацію сучасного лексикону і відносять цей процес до позитивного явища, інші навпаки, не сприймають дане явище, вважаючи неприпустимим масоване вживання англіцизмів. З'явилися нові пуристи, які намагались створити власне чеські неологізми для всього нового. Так, у 1995 р. читачі газети DNES пропонували, щоб, наприклад, такі лексеми, як: **Internet** був замінений чеськими еквівалентами: *bezedno, dataráj, chytrozvyš, krokdotmy, lidipoj, mozko-násobitel, propojsvět, rozumuvýprodej, sblížník, světrozum, údajobludiště, vědyklíc, všejednom, zeměbůh*; **piercing** замінити на: *cedníkace, dourizace, kožozavěšovací, krášlopich, módobodání, modotr, rešetomání, sebebich, skrzomas, tělovrtna, všehopich*; **make-up** на: *bubumaska, hrúzo-maská, ksichtohyzd, lícodes, lžitvár, marfušník, marne, maskác, mužolapka, nicplet, pletokras,*

¹ Lingue franca [lingva franka] – smíšená řeč větší vícejazyčné komunity, zejm. směs arabštiny, řečtiny, italštiny, francouzštiny a španělštiny užívaná do 19. století v přístavech Středozevního moře.

² Ahoj [ohoe] – heslo užívané na válečných lodích námořních asi v tom smyslu jako u vojska pozemního volání «Kdo tu?». Вигук був зафіксований у «Ottůvě slovníku naučném» у 1888 р.

*proměšok, pretvářka, samcovábník, uhropryc, voklavoko, vráskokryt, znovuzrod*³. Треті зайняли нейтральну позицію і вважають, що до цього треба відноситись толерантно, а мова з часом сама вирішить, що залишити, а про що забути.

- Старше покоління – категорично проти. Адже мало хто з них добре володіє англійською мовою. І те, що вони зустрічають на шпальтах газет та часописів, чують по радіо та по телевізору, бачать на рекламних бігбордах «*pedá se k porozumění*».

Перенасиченість англіцизмами в чеській мові вже стає настільки очевидним, що складається враження про те, що

чеська мова складає свої позиції. Фр. Данеш вказує на те, що сучасний вплив англійської мови на чеську є «*přímo masivní*» [Данеш 1997: 20]. З цим важко не погодитись.

Література

Ottův slovník naučný: ilustrovaná encyklopaedie obecných vědomostí. V Praze: J. Otto, 1888–1909. Díl 1. A – Alpy. 1888.

Daneš Fr. Situace a celkový stav dnešní češtiny // *Daneš Fr.* a kol. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997. S. 18–24.

Kučera K. K nejnovějším vlivům angličtiny na český jazyk. Přednášky z XXXIV. a XXXV. běhu LŠSS. Praha, 1995. S. 77–82.

Семантично-фразеолошка анализа неких лексема са религиозним значењима у српском језику (*анђео, ангел / демон, бес*)

Н. Вулович, Р. Баич

Институт српског језика Српској академији наук и уметности (Београд, Србија)

Анђео, бес, лексикографска дефиниција, фразеолошка јединица, православна теологија

Анотација. В статье рассматриваются значения и лексикографический анализ лексем *ангел, анђео, бес* и *демон* и их дериваты и фразеологизмы. Основной корпус взят из трех самых больших словарей сербского языка. Указывается на соотношение семантического содержания данных лексем и фразеологизмов сербского языка со сербской православной культурой.

С обзиром на то да унутрашња форма језика представља изражавање народног духа и културе, занимљиво је видети како се у језичкој слици осликавају обичаји, веровања и култура једног народа. Познато је да је један од најсложенијих проблема односа језика и културе откривање улоге националне религије у култури и језику.

Циљ нашег истраживања јесте да се кроз анализу лексема *ангел / анђео* и *бес / демон*, као и њихових деривата, укаже на присуство и улогу православне културе у српском језику. Избор ових лексема у оваквој врсти истраживања сматрамо оправданим из два разлога. С једне стране, постојање ових бића своју потврду има у Светом Писму и православном Предању и тим путем је и ушло у српски језик. То су најчешће и (етимолошки) примарна значења ових лексичких јединица. С друге, пак, стране, ове лексичке јединице показале су се продуктивним у творби и имају много како својих деривата, тако и фразеологизама.

Основни корпус за наше истраживање представљају ове одреднице и њихови описи у три најрелевантнија и најобимнија речника српског језика: Речник српскохрватског књижевног и народног језика Српске академије наука и уметности (РСАНУ), Речник српскохрватског књижевног језика (РМС) и једнотомног Речника српског језика (РСЈ). У раду ћемо најпре анализирати лексикографске обраде лексема *ангел, анђео, бес* и *демон*, као и њихових деривата. Ради појашњења примарних значења посматраних лексема најпре ћемо пренети предање о анђелском свету – поткрепљено цитатима из Светог Писма и учењима Светих Отаца. Поређењем одређења и дефинисања лексема *анђео* у Предању Православне цркве са дефиницијама из Српског митолошког речника покушаћемо да разграничимо и појаснимо где су сличности и разлике у перцепцијама ових појмова у православљу с једне и митологији с друге стране.

Наведене лексеме имају полисемантичку структуру и један од наших задатака јесте и да покушамо да одговоримо на то како је дошло до развоја секундарних значења ових лексема. Биће коментарисане дефиниције ових лексема у трима наведеним речницима и уочене проблематичне нијансе при њиховој лексикографској обради. Између осталог, задржаће се пажња и на (не)адекватности синонимских делова дефиниција. У вези са овим, осврнућемо се и на лексему *ђаво* која се јавља као синоним лексеме *бес*. Корпус ћемо проширити дериватима које ови речници не бележе а који се појављују у савременој православној литератури. Такође, нарочито нас интересује у којима од ових лексичких и фразеолошких јединица и у ком степену – постоји повезаност са номиналним (примарним) значењем базичних лексема.

С обзиром на то да многе од ових одредница у наведеним речницима имају квалификатор *заст.*, размотрићемо да ли

је са становишта савременог српског језика овакво квалификовање увек адекватно и оправдано. Тако, на пример, овај квалификатор стоји у РСАНУ и РМС код лексема *ангел*. Сматрамо да је ово неоправдано и покушаћемо да аргументујемо примерима из савремених текстова, те да предложимо неки други квалификатор уместо постојећег (*заст*). У неким случајевима где је употреба овог квалификатора оправдана, може се поредити фреквентност у коришћењу ових лексема некад и сад. Све ово доводи нас и до питања на које такође одговарамо у нашем раду: у текстовима ког жанра се испитиване лексеме најчешће односно најређе појављују?

Интересантно је и постојање народних веровања у вези са анђелима и демонима / бесовима, различитих од православно-предањског, а веома заступљених у лексикографским обрадама ових лексема – како у њиховим дефиницијама, тако и у наведеним примерима. Задржаћемо се и на варијантама значења која ове лексеме и њихови деривати имају у народном језику. У вези с тим, открива се разлика између употребе синонимних лексема *бес* и *демон*, на што такође указујемо у нашем истраживању, настојећи да одговоримо и на питање зашто је то тако.

Индикативна је и чињеница да лексема *демон*, према ексцерпираном материјалу, није фразеолошки продуктивна, а синоним *бес*, на супрот томе, гради деветнаест израза. Покушаћемо да ово објаснимо поређењем неких примера и врста текстова у којима се појављују ове две лексеме. Користићемо и постојеће слично истраживање урађено у вези са руским језиком.

Фразеолошке јединице, као вишелексемни спојеви и експресивне јединице, садрже културне чињенице наталожене и сачуване у колективном сећању једног народа. У овом раду, дотаћи ћемо се делића тог сећања који се односи на представу лексема *ангел, анђео, демон* и *бес* у духовној култури и народној свести говорника српског језика. Утврдићемо о каквим врстама фразеологизама се ради, да ли су неки од њих библијског порекла, што истовремено значи да су семантички повезани са неким од примарних значења испитиваних лексема, нпр. *анђео чувар (хранитељ), ушао бес (ушло сто бесова) у њега (у њих)*, или њихова значења производе из секундарних семантичких реализација (нпр. *од беса, с анђелом*). На пример, применом лексичке еквиваленције могу се издвојити именичке фразеолошке јединице (*анђео љубави, анђео мира*), адјективне (*леп као анђео, добар као анђео*) и сл. Придевско фразеолошко поређење *леп као анђео*, рецимо, указује на интернационални културни стереотип *анђeosки* у овом поређењу, дакле, ради се о тзв. «анђeosком стереотипу» који постоји у многим културама. Јасно је да се конотативни садржаји *лепо*, односно *ружно*,

³ Из подібним явищем чеська мова вже зустрічалась у XVIII та XIX ст. ст., коли брусичі надмірно піклувались тодішнім станом чеської мови: *kapesník y nosocistoplena, filozof y myslivír, pyramida y vežovlice, brýle y vyzrelka*. Йозеф Добровський назвав брусичів «gramatickými brídily a příštipkáři slov».

у значењу лексема *ангел* / *анђео* и *демон* / *бес* одређују у корелацији с добрим, односно с рђавим, злим. Дакле, ови појмови не изражавају само значења «телесно леп» и «телесно ружан», већ претпостављају, као што је то случај са лексемом *анђео*, склад телесног, моралног и интелектуалног плана личности.

Може бити понуђена и мини-анкета просечним говорницима српског језика о значењима ових речи, како би се на тај начин утврдило и кретање могућих измена у данашњим поимањима ових лексема. У истом циљу, консултоваћемо и

дефиниције и примере дате за исте лексеме и у неким другим језицима, нарочито словенским, па и упоредити: да ли је правац кретања евентуалних измена сличан истима у српском језику? Да ли постоји разлика? Да ли је она условљена верски или културолошки?

На крају ћемо дати наш предлог лексикографске обраде испитиваних одредница и покушати да одговоримо на питање: да ли се кроз овакву анализу може бар делимично сагледавати и правац кретања српског народа у духовном смислу?

Новые наименования профессий в польском языке и их русские эквиваленты

С. Г. Гась

Университет им. А. Мицкевича (Познань, Польша)

Займствование, адаптация, интернационализация

Аннотация. В докладе рассматриваются некоторые особенности употребления новых наименований вакантных должностей в объявлениях на польском и русском языках. Автор доклада сравнивает варианты наименований в польском языке с русскими эквивалентами, определяет уровень освоения заимствований в языковых системах.

В данном докладе анализируются наименования вакантных должностей в объявлениях о приеме на работу, размещенных на сайтах www.gazetargasa.pl, www.job.ru, www.job.pl и др. Объявления как жанровая разновидность имеют ряд специфических свойств, в том числе краткость, точность, эффективность. Именно этим можно объяснить активное функционирование новых, не устоявшихся еще в польском или русском языках наименований вакансий в интернет-объявлениях. Использование одной лексемы вместо подробного описания должностных обязанностей оправданно не только в коммуникативном плане, но и в экономическом. Так, вместо перечисления обязанностей повара в пиццерии можно употребить лексемы *pizzer*, *pizzerman*, а человека, развозящего пиццу по домам, можно кратко назвать *skuterman*. На определенную «новизну» рассматриваемых в докладе лексем указывают неустойчивые варианты написаний. Кроме того, одновременно могут функционировать два и более варианта наименований (ср. *pizzer*, *pizzerka*, *kucharz-pizzer*, *pizzerman*, *piccer*, *osoba do robienia pizzy*, *piekarz do wypieku pizzy*, *osoba do wypieku pizzy*, *pizzer-kasjer*, *pizzero-kasjer* в польском языке и *пиццмейкер*, *пиццмейкер*, *пиццайоло*, *повар-пиццмейкер*, *пицца-мастер*, *повар-пиццмейкер* в объявлениях на русском языке). Заметим, что с точки зрения адресата данных текстов упомянутая экономия языковых средств не всегда является эффективной. Например, в одном из выпусков информационной программы *Teleekspres* в качестве забавного языкового казуса было прочитано объявление о приеме на работу *pizzera*.

Новые наименования вакантных должностей чаще всего представляют собой заимствования или псевдозаимствования, отражая тем самым общую тенденцию к американизации [Ożóg 2008: 70] и интернационализации языка [Waszakowa 2005]. В таких условиях требования к адаптации нового заимствованного слова не являются уже столь жесткими [Никитина, Казкенова 2003: 413].

Среди лексических заимствований в польском языке особо выделяются лексемы, сохраняющие графические, фонетические и др. особенности языка-источника (например, *helpdesk*, *sales executive*, *team leader*). По мнению К. Вашаковой, одной из причин употребления иноязычных элементов может быть языковая мода, граничащая со снобизмом [Waszakowa 2005: 14]. К ним прилегают заимствования, частично освоенные (например, *copywriter*), а также семантические кальки (например, *lider zespołu*). Заметим, что в объявлениях на русском языке такие заимствования также не являются редкостью, однако очень часто одновременно объясняется значение слова на русском языке (ср. *специалист службы поддержки Help Desk*, *специалист технической поддержки HelpDesk*). Кроме того, в узусе русского языка частотны графические варианты (ср. *copywriter* и *копирайтер*), при этом использование русского алфавита может способствовать фонетической или грамматической адаптации заимствованного слова.

Безусловно, процесс освоения одного и того же слова в русском и польском языках может быть неодинаков. Так, в польском языке лексема *sushi* сохраняет графическую, фонетическую, морфологическую и т. д. «чужеродность». В связи с этим повара японского ресторана в польском языке именуют *kucharz sushi* и *sushi master*. В объявлениях на русском языке наряду с аналогичными лексемами *суши-повар*, *суши-мастер* функционирует лексема *сушист* (или как вариант *повар-сушист*, ср. *повар-кондитер*), что свидетельствует об адаптации заимствования.

Появление в объявлениях разнообразных наименований должностей связано с общей тенденцией к узкой специализации и со стремлением к экономии языковых средств (ср. *pizzer* – *пиццмейкер*, *kucharz sushi* – *суши-повар*, *grillowy* – *гриль-повар*, *повар на гриль*). Иногда работодатели вынуждены прибегать к описаниям (ср. *osoba do robienia pierogów* – *повар в пельменную*, *повар в пельменный цех*, *dystrybutor ulotek*, *kolporter ulotek* – *раздатчик листовок*, *rasprowstpaniel* – *распространитель рекламных листовок*). Возможно, что в некоторых случаях наименование должности, состоящее из нескольких слов, призвано повысить престиж профессии (ср. *мастер по наращиванию и дизайну ногтей*, *мастер ногтевого сервиса*).

Особо следует рассмотреть проблему употребления лексем женского рода. В объявлениях на польском языке весьма частотно параллельное употребление форм мужского и женского рода (например, *pizzer* / *pizzerka*, *barman* / *barmanka*). Вызвано это, вероятно, внеязыковыми факторами (борьба с дискриминацией по половому признаку). Однако функционируют и только женские эквиваленты (например, *tipszarka*), связанные со стереотипами женских и мужских профессий. В объявлениях на русском языке преобладают существительные мужского рода (*пиццмейкер*, *бармен-девушка*, *мастер ногтевого сервиса*), призванные подчеркнуть престижность профессии.

Мы показали, что употребление наименований вакантных должностей и в польском, и в русском языке тесным образом связано с жанровыми особенностями объявления. Количество вариантов наименований одной и той же вакансии в обоих языках не всегда совпадает. Уровень адаптации заимствованных слов в польском и русском языках также различается.

Литература

- Никитина С. А., Казкенова А. К. Заимствованное слово в словообразовательной системе современного русского языка // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. СПб., 2003. С. 413–419.
- Ożóg K. Zmiany we współczesnym języku polskim i ich kulturowe uwarunkowania // Język a kultura / Pod red. A. Dąbrowskiej. T. 20. Wrocław, 2008. С. 59–79.
- Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.

О творби назива за животиње у српском језику (семантичко-творбени модели)

М. С. Гочанин

Институт српског језика Српској Академији наук и уметности (Београд, Србија)

Назив за животиње, творба, семантички модели, творбени процеси

Анотација. На основу материјала, узетог из Словара српскохрватског литературног језика (РСМ), у докладе разматрају се тенденције при образовању називних животиња. Анализирају се семантичке и словообразоватељне модели, постојеће у називима животиња, и разматрају се мотивисаност ових лексема и словообразоватељне технологије (дезивација, словосложеница).

Тема овога рада односи се на називе за животиње и то на онај ниво језичког система који се тиче творбе речи. Замишља се да се осветле творбени процеси у наредним називима животињама односно да се укаже како на елементе изванјезичке стварности (семантика) тако и на елементе језичког система (творбени елементи) који имају већу или мању улогу у овим процесима. Називи за животиње екскерпирани су из Речника српскохрватског књижевног језика (Матица српска, Нови Сад, 1967–1976; у даљем тексту РСМ) и има их нешто мање од 3000.

Као задатак намеће се спровођење семантичке и творбене анализе назива за животиње у РСМ. Уочава се одмах да се сви називи за животиње могу поделити у две групе: 1) називи врста животиња, термилошки лексички фонд (у Речнику праћени ознаком зоол.); 2) називи животиња према некој карактеристици, општи лексички фонд. Рад на утврђивању семантичко-творбених модела назива животиња обухвата обе групе назива.

Анализа семантичког модела усмерава се у правцу што обухватнијег приказа мотивационих токова у грађењу назива животиња, што је понекад на уштрб строгих лингвистичких критеријума. Речи се, као што је познато, најчешће творе извођењем и слагањем. Једна реч јесте твореница ако се њени творбени елементи могу препознати као такви. За такву реч кажемо да је мотивисана, а њено значење редовно је у вези са њеним творбеним елементима. Међутим, називи живих бића, у овом случају животиња, имају ту особеност да само означавају (именују) некога, али немају никакво значење, тако да се у РСМ након назива неке животиње не даје значење него «опис» те животиње. Тај «опис» врло често указује на мотивацију творбе назива одређених животиња. «Описи» су заправо мали етимолошки записи и они су послужили као главно средство за откривање семантичке структуре односно мотивисаности назива животиња. Тако за назив *смоквица* наведено је објашњење да је то *птица која се храни смоквама* из чега је јасно да је реч мотивисана. Ово ослањање на етимологију чини да семантичка анализа која се врши не буде само синхрониска, већ и дијахрониска. Отуда међу називима животиња који се могу навести у појединим семантичким пољима има и оних код којих семантику творбених елемената просечан говорник српског језика тешко може препознати и чија се мотивисаност може одгонетнути заправо само помоћу дефиниција у РСМ. Тако на пример у називу *ослокоњ* прва творбена основа *осл-* може се довести у везу са речју *осао* (= магарац) која се данас ретко употребљава. Понекад се из «описа» у РСМ не може са сигурношћу утврдити да ли постоји мотивација

или не, већ се она са већом или мањом вероватношћом може претпоставити. Такви називи би се могли означити као потенцијално-мотивисани. На пример, за назив *оравка* у РСМ је наведено само да је то *врста птице*, али може се претпоставити да је то *птица која радо једе ораве*. Из анализе ће бити искључени сви они називи за које у «опису» нема ниједне информације која би, по нашој процени, указивала на мотивацију тог назива, односно они називи за које се у РСМ мотивисаност тешко може претпоставити. За назив *међарица* у РСМ објашњава се да је то *птица из рода грмуша*, из чега је тешко претпоставити да ли је поменути назив мотивисан речју *међа*. То не значи да сви ти називи нису, са дијахроног аспекта, мотивисани, већ да РСМ за такав став не даје потребне аргументе.

У другом делу рада биће извршена творбена анализа назива животиња утврђивањем творбених модела. Називи за животиње биће груписани према томе да ли је дати назив реч која је изведена или сложена. Код изведеница сви називи биће груписани с обзиром на суфикс помоћу којег је назив изведен. Све сложенице биће подељене на праве сложенице и оне које су настале комбинацијом извођења и слагања.

У првом делу рада, критеријуми за утврђивање тога шта јесте, а шта није твореница лабавији су него у овом делу који се бави творбом. То се може разумети као недоследност за коју, ипак, постоји оправдани разлог. Наиме, у првом делу рада реч је о утицају изванјезичке стварности на творбу назива животиња, а у другом делу реч је о одабиру језичких средстава и правила за њихово комбиновање у процесу творбе назива животиња. Утицај изванјезичке стварности веома је тешко сместити у одређени образац и представити га егзактно, док таквих проблема нема са елементима језичког система. Отуда су примери за творбене моделе само они за чију мотивацију постоји недвосмислена потврда у објашњењу наведеном у РСМ; а у првом делу наводиће се и примери за које се са већом или мањом сигурношћом може претпоставити да су мотивисани. Ово се чини са намером да се што боље представи утицај изванјезичке стварности на грађење назива животиња. Називи са значењем субјективног става (деминутиви, хипокористички, аугментативи и пејоративи) јављају се са карактеристичним суфиксима и наводиће се само у овом, другом делу рада, будући да се њима означава иста она животиња коју именује творбена основа, односно код таквих назива нема никаквог утицаја изванјезичке стварности, већ је реч искључиво о одабиру одговарајућих језичких средстава односно суфикса.

Фразеологичке иновације у савременој рускојезичкој штампи Украјине: национална семантика

А. М. Григораши

Национални педагошки универзитет им. М. П. Драгоманова (Кијев, Украјина)

Фразеологизам, иновација, структура, семантика, национална окраска

Анотација. Фразеологичке иновације, прочно вошедшие у савременни руски језик и зафиксираније одговарајућим речником, достаточнo често получају нове значења, везане са «националној почвој». Основне путје их возникновения такове: 1) у основи образования новой фразеологической единицы лежить уже апробированная структурная фразеологическая модель; 2) появление у фразеологической единицы национального значения, возникшего непосредственно на «местной» почве.

В словарних материјалах В. М. Мокиенко «Новая русская фразеологија» зафиксирован ряд фразеологических иновациј с опорним компонентом *золото*: «**Белое золото**. Нов. публ. патет. 1. О хлопке. 2. О бивнях слонов»; «**Бесцветное золото**. Нов. публ. патет. О природном горячем газе»;

«**Голубое золото**. Нов. публ. патет. О лаванде (как ценном сырье для производства эфирного масла)»; «**Зеленое золото**. Нов. патет. 1. Книжн. и публ. Лес, лесные богатства. 2. Публ. Чай. 3. Травянистые пастбища Австралии»; «**Коричневое золото**. Нов. публ. патет. Бурый уголь»; «**Мягкое**

золото. *Нов. книжн. или публ. патет.* Пушкина»; «**Сладкое золото.** *Нов. публ. патет.* Сахар»; «**Черное золото.** *Нов. книжн. или публ. патет.* 1. Нефть. 2. Каменный уголь» [Мокиенко 2003: 35]. В украинской русскоязычной прессе **черным золотом** называют украинский чернозем: *Во время Второй мировой войны фашисты поездами вывозили из Украины ее богатства, в том числе чернозем. Природный потенциал страны самый уникальный в мире: занимая 0,44% мировой суши, Украина обладает 30% планетарных черноземов. Это наше «черное золото» бесценно* (Владимир Литвин. «Станет ли Украина пищевой свалкой?» Рубрика «Ситуация». – Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск. 23.10.08. С. 7). На базе этой модели, что говорит о ее безусловной продуктивности, в русскоязычной прессе Украины возникает сугубо «национальная» фразеологическая инновация, объяснение которой традиционно дается непосредственно в газетном контексте: *Стабильность на рынке «жидкого золота» обещает заместитель генерального директора Ассоциации «Укрпром» Ирина Кузнецова. Так что в сентябре самые популярные марки подсолнечного масла мы сможем купить по 10,3 грн за литр* (Анастасия Ефименко. «Что будет с ценами в сентябре». Рубрика «Покупки». – Сегодня. 29.08.08. С. 4).

В словарных материалах В. М. Мокиенко зафиксирована фразеологическая инновация **большая тройка** со словарными пометами *нов. полит. или публ.* и со значением 'о трех ведущих монополиях США' [Мокиенко 2003: 125]. Совершенно в ином, бытовом, значении этот фразеологизм функционирует в русскоязычной прессе Украины: *Например, в России 3 года назад операторы «большой тройки» (МТС, Beeline, Мегафон) открыли новую услугу: возможность получать информацию о местоположении заданного абонента. С согласия последнего, разумеется. Большую популярность она получила у родителей – каждый запрос о местоположении стоит около 5 рублей (на наши – 1 гривна)* (Андрей Рябцев, Андрей Подорув. «Загулявшего мужа можно вычислить по мобильнику». Рубрика «Расследование «КП». – Комсомольская правда в Украине. 29.08.–4.09.08. С. 11). В данном случае, о чем говорит и газетный контекст, **«большая тройка»** – это три наиболее популярных оператора мобильной связи.

Как фразеологическая инновация в словарных материалах В. М. Мокиенко зафиксирован фразеологизм **три «к»** со следующими словарными пометами и значениями: '1. *Публ. ирон.* По мещанским, бюргерским представлениям – основные занятия женщины: «киндер» (*нем.* «дети»), кухня, кирха (церковь). 2. *Жарг. иутол.-ирон.* Изысканные и недоступные советскому человеку западные напитки (как основа западной «шикарной» жизни): кальвадос, коктейль, кока-кола' [Мокиенко 2003: 38]. На базе этой продуктивной мо-

дели в современной русскоязычной прессе Украины возник фразеологизм **три Т**, отражающий политическую ситуацию в стране, поскольку базовый компонент устойчивого сочетания **Т** расшифровывается как фамилии известных политиков Украины, к тому же принадлежащих к одной политической партии: *От БЮТ в числе кандидатов на депутатские кресла окажутся три Т: Тимошенко, Турчинов, Томенко. Из нынешних депутатов, говорят источники, в новые списки попадут человек 10–15. Самых стойких БЮТовцев со зова 2006 года было 24, но среди них оказались люди, которые на внеочередных выборах вошли в Блок Кличко, ушли в парламент или Кабмин (Лидия Денисенко. «Спикер Романова из БЮТ и без косы». Рубрика «Губерния». – Газета нашего района. 11–17.04.08. С. 2).*

В словарных материалах В. М. Мокиенко зафиксирована фразеологическая инновация **человек с ружьем** со следующими словарными пометами и значениями: '1. *Народн.* Солдат, вооруженный человек. 2. *Устар. публ. патет.* Красноармеец, боец революции. 3. *Актуализ. и переор. одоб.* Военнослужащий Советской армии или революционной армии другой страны. 4. *Актуализ. и переор. неодобр.* Вооруженный грабитель, бандит' [Мокиенко 2003: 141]. В русскоязычной прессе Украины этот фразеологизм употребляется исключительно с негативными коннотациями (**человек с ружьем** – 'охранитель тоталитарного режима') и противопоставляется в газетном контексте **человеку с гитарой** – 'борцу с тоталитарным режимом': *Протестующий человек с гитарой – это, пожалуй, символ свободы не только в СССР, но и во всем мире. «Не надо бояться человека с ружьем, – уговаривал Ленин голосом лауреата Ленинской премии Штрауха в фильме «Человек с ружьем». Не знаю как начат ружья, но человека с гитарой советские диктаторы боялись панически. И правильно делали. В конечном итоге человек с гитарой победил человека с ружьем* (Константин Кедров. «Человек с гитарой против человека с ружьем». Рубрика «Память». – Известия в Украине. Украинский выпуск. 14–16.12.07. С. 16).

Таким образом, процесс возникновения фразеологических инноваций на страницах современной прессы в целом бесконечен. Журналисты умело используют продуктивные модели образования фразеологических единиц, а также достаточно часто наделяют уже известные и апробированные на газетных полосах устойчивые сочетания специфически «местными», «национальными» значениями для более полного и понятного описания политической, экономической, социальной, культурной, бытовой и множества других ситуаций.

Литература

Мокиенко В. М. Новая русская фразеология. Орле, 2003.

Сенсорные номинации как средство социальной стратификации в языке СМИ

О. Н. Григорьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Сенсорные номинации, стратификация, метонимия, цветообозначения

Аннотация. В докладе представлены способы номинации социальных групп в языке СМИ, основанные на использовании перцептивной лексики. Наиболее продуктивными являются метонимические перифразы, включающие колоративные прилагательные. Многие из них свидетельствуют об определенной исторической эпохе.

Согласно теории социальной стратификации, которая возникла в начале XX в., общество делится на отдельные социальные группы (страты) в зависимости от профессиональных, образовательных, морально-этических, религиозных, имущественных и других признаков. Среди языковых средств, используемых для наименований внутри этих страт, значительное место занимают сенсорные номинации, основанные на метонимии: *белые воротнички, голубые каски, красные мантии* и т. д. Такие словосочетания могут именовать не только лиц, но и любые реалии, связанные с их жизнью: названия газет, партий, товаров, денег и т. д.

Метонимическая замена может быть явной (словосочетание называет деталь одежды или предмет, характерные для лиц, принадлежащих к определенной социальной группе) и скрытой (словосочетание или субстантивированное прила-

гательное не содержит прямого указания на источник переноса – *красный офицер, зеленые, розовый электорат* и др.).

Образование перифрастических наименований лиц по деталям одежды имеет давнюю традицию, такие словосочетания несут на себе отпечаток определенной исторической эпохи: *черные люди* (в XII в. мелкие ремесленники и рабочие), *голубые мундиры* (в XIX – нач. XX в. жандармы), *синий чулок* (восходит к литературному кружку у леди Монтегю в 1780-е гг. в Англии), *красный каблук* – (щеголь, франт; моду на такой каблук ввел Людовик XIV); *красные косынки* (в 1920-е гг. девушки, преданные делу Революции) и т. д.

Исследованные номинации, среди которых наряду с цветообозначениями представлены лексические единицы поля осязания и поля обоняния, выступают как классификационные маркеры, или «символы принадлежности» [Левада

2006], внутри определенных социальных групп, выделяемых по следующим признакам:

1. Расовая принадлежность: *белые (люди), черные (люди), желтые*.

2. Приверженность определенной идеологии: *красные, белые, коричневые, зеленые, оранжевые, красные галстуки, белые балахоны (куклуклановцы)*.

3. Отнесенность к религиозной конфессии: *белое и черное духовенство, зеленый ислам*.

4. Профессиональная принадлежность: *белые халаты (врачи), белые воротнички (госслужащие), синие воротнички (квалифицированные рабочие), серые воротнички (работники обслуживающих подразделений), оранжевые каски (строители), оранжевые жилеты (работники на железнодорожных путях), зеленый палец (садовод), острое перо (журналист), мастер холодного цеха, мастер горячего цеха (повар), сладкая профессия (кондитер), ароматная профессия (парфюмер), красные мантии (члены Конституционного суда)*.

5. Принадлежность к роду войск: *серые шинели (пехота), черные береты (подразделения морской пехоты), синие береты (воздушные войска), зеленые береты (воздушно-десантные войска – ВДВ), красные береты (парашютисты армии Великобритании), оранжевые береты (сотрудники Министерства чрезвычайных ситуаций России), зеленые фуражки (пограничники), голубые каски (войска миротворцев), белые каски (войска ООН), черные маски (отряды ОМОН)*.

6. Уровень дохода: *малиновые (красные) пиджаки* (так называемые «новые русские» начала 1990-х гг.).

7. Социальное происхождение: *белая кость, черная кость, голубая кровь, белые перчатки, красный каблук*.

8. Сексуальная ориентация: *голубые, розовые*.

Неискушенному читателю не всегда ясно, чем мотивирована та или иная номинация цвета. Алексей Цветков, основатель «Фиолетового интернационала», сам объясняет смысл названия своей организации: «Во-первых, английское слово “вайлет” – “фиолетовый” созвучно со словом “вайленс” – “насилие”. А во-вторых, фиолетовый – цвет, еще не использовавшийся в политической палитре».

Слова, значение которых возникло путем метонимического переноса цвета, являются сложными для восприятия еще и потому, что среди них много омонимов. Так, *желтый политик* – это и «политик из азиатской страны»,

и «продажный политик», а *желто-голубой* – «украинский политик» (по цвету флага). *Черный* – и «относящийся к Африке», и «анархического толка». По той же семантической модели, что и *желто-голубой*, образовано прилагательное *звездно-полосатый* (по цвету флага США) – «американский». От него образовано существительное *звездно-полосатые* и упрощенное – *полосатые* в значении «американцы».

Прилагательные *полосатый* в значении «арестантский» и *звездный* в значении «всенародно признанный» создают непредвиденный эффект языковой игры, причем это происходит не в пределах одного текста, а на уровне ассоциаций: слово, встреченное в тексте в одном значении, индуцирует в сознании другое значение того же слова. *На поле появились первые «полосатики»: звезды политики и власти почему-то выбрали на игру полосатую «арестантскую» форму* (Томская неделя. 15.06.02).

Прилагательное *кислый* обычно участвует в хитроумной семантической игре, которая может быть спровоцирована названием партии («Яблоко») или фамилией политического лидера (Лимонов). Отметим, что для слова *яблоко* типичной ассоциацией является именно *кислый*. *Почему образованное сообщество сделало такой кислый выбор, какие черты яблочной политики позволили ГА (Явлинскому) стать и столь непропорциональное здравому смыслу время оставаться символом демократии?* (НЛО. 24.05.00). *Кислая лимоновщина* – заголовок (Русский журнал. 26.06.03).

Источником появления новых номинаций такого типа являются события современной жизни и потенциальные возможности лексики чувственного восприятия.

Литература

- Балашова Л. В.* Общественно-политическая лексика как источник метафоризации вне политического дискурса // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006.
- Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5.
- Лаенко Л. В.* Перцептивный признак как объект номинации // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». 2004. № 3.
- Левада Ю. А.* Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006.
- Соболева Л. И.* Линвокультурологические особенности некоторых сенсорных номинаций // VI Международная научная конференция «Язык и социум» 3–4 декабря 2004 г. Минск, 2004.

Прагматическая характеристика инвективных слов в толковых словарях и аспекты их лексического значения

С. В. Доронина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Инвектива, словарь, пометы, денотат, коннотации

Аннотация. Задача функциональной классификации инвективной лексики требует исследования прагматических помет в толковых словарях и возможной зависимости этих характеристик от денотативных, коннотативных и стилистических особенностей слов.

Функциональная оценка лексики вызывает значительные затруднения и, следовательно, расхождения в интерпретации. Известна трудность в определении стилистических характеристик лексики, особенно нижних страт языка. Характеристика инвектив представляет еще большую сложность, поскольку она является отражением недостаточно изученных этических норм, не имеющих устойчивых способов выражения.

Попытки классифицировать лексику по степени инвективности незначительны. Л. Арбатский [Арбатский 2007] сообщает о существовании в светском обществе XIX столетия нескольких «индексов оскорбительности» выражений. В развитие этого «кодекса» в рамках словаря разработана шкала степени оскорбительности русских бранных слов и выражений, включающая смертельные оскорбления, бытовые грубости, мягкие порицания и т. д. Безусловно, предложенная шкала лишена каких-либо объективно-научных оснований и отражает субъективные языковые представления автора. Однако сама попытка классификации инвектив по степени оскорбительности представляется значимой.

Разная степень оскорбительности лексем косвенным образом отражается в функциональных пометах толковых

словарей. Классификация прагматических значений слов «ироничное – неодобрительное – пренебрежительное – презрительное – грубое – бранное» по сути является отражением градации эмоциональной оценки, содержащейся в экспрессивном слове. Являются ли шкала инвективности и экспрессивности тождественными – открытый вопрос. Инвектива – это такой речевой акт, в результате которого реципиент испытывает чувство унижения и обиды. В принципе, чем более резкую (эмоционально насыщенную) негативную оценку получает реципиент, тем более оскорбительно для него звучит та или иная номинация. И. А. Стернин [Стернин, Попова 2007] полагает, что экспериментальный путь выявления функциональных компонентов значения является наиболее перспективным и надежным. Но экспериментальное исследование, по-видимому, следует предварить исследованием соответствующих лексикографических помет в толковых словарях разных типов с целью получения предварительных выводов относительно возможных критериев, влияющих на повышение степени инвективности слова.

Для исследования зависимости инвективности от денотативного компонента значения была сделана тематическая

классификация инвективных лексем ([Толковый словарь... 2004], всего 320 слов, сплошная выборка) и охарактеризован общий экспрессивный фон каждой тематической группы. Негативнооценочная лексика была разбита на 18 тематических групп. Проведенная классификация позволила сделать следующие лингвистически интересные наблюдения.

Полученные синонимические ряды характеризуются различной степенью вариативности помет. Так, функционально не маркированными являются следующие группы: «отношение к другим лицам» – *ненавистник, завистник*; «отношение к вере, религии» – *безбожник, фанатик*; «отношение к людям другой национальности» – *антисемит, англофоб*; «своеволие, деспотизм» – *крамольник, самодур*. В данных семантических группах отсутствуют как прагматические пометы, так и пометы функционально-стилистические.

Прагматическая помета «неодобрительное» доминирует в группах «бюрократизм, формализм» – *буквоед, крючкотвор*; «мелочность, надоедливость» – *зануда, привереда*; «чуждость, шегольство, легкомыслие» – *кривляка, щеголь, пижон*; «жадность» – *торгаш, скряга*.

Помета «бранное», непосредственно характеризующая инвективное свойство лексемы, встречается лишь в пяти семантических группах. Так, в группе «отсутствие ума» указанную функциональную характеристику имеют лексемы *балбес, балда, дубина, кретин, болван, дурак, дура, идиот, олух, осел*; в группе «обман, хитрость, лживость» – лексемы *бестия, уда*; в группе «развратность (по отношению к женщине)» – *шлюха, проститутка* и др.; в группе «жестокость, злобность» – *аспид, ведьма, гадюка, грымза, ехидна, злодей, злыдень, ирод*; наконец, в группе «общая негативная оценка личности» помета «бранное» характеризует большую часть синонимического ряда – *гадина, гад, мыра, козел, сука, собака* и др.

Помета «презрительное» не доминирует ни в одном семантическом классе и в целом встречается в [Толковый словарь... 2004] крайне редко. Однако при сравнении данных с характеристиками слов в [Ожегов, Шведова 1996] оказывается, что другой лексикографический источник предпочитает помете «бранное» помету «презрительное», при этом наделяя наиболее резкими прагматическими характеристиками все те же семантические группы. Такое совпадение свидетельствует о зависимости прагматической оценки лексем от их денотативной семантики. А различие может быть объяснено функциональной близостью харак-

теристик «бранное» и «презрительное» либо известной терминологической омонимией.

Зависимость прагматических особенностей инвективных лексем от коннотативного компонента значения наиболее ярко иллюстрирует анализ различий внутри синонимических рядов. Так, в синонимическом ряду «пьянство» все эмоционально-оценочные лексемы, противопоставленные нейтральному *пьяница*, одновременно являются и пренебрежительными. В некоторых случаях оказывается значимым образный компонент коннотативного значения. Так, в семантической группе «злобность» презрительными / бранными являются, как правило, зооморфные (*гадюка, змея, аспид, ехидна*), а также мифологические метафоры (*ведьма, ирод, мегера*), Антропоморфные метафоры (*инквизитор, палач*), напротив, остаются прагматически не маркированными. Коннотативное значение «интенсивность проявления качества» не позволяет выстроить исследуемую лексику по градуальной шкале и, следовательно, не влияет на дифференциацию прагматической оценки лексем.

Наблюдения позволяют утверждать о взаимозависимости в [Толковый словарь... 2004] прагматических и функционально-стилистических помет. Так, в группе «отсутствие ума» при тождестве денотативных и близости коннотативных (интенсивность, эмоциональность, образность) компонентов значения в группу презрительных номинаций попадают лексемы с пометой «просторечные» (*жмот*), а в группу неодобрительных – разговорные (*бездарь, бестолочь*). Возможно, именно поэтому прагматическая оценка в ТСУ осуществляется непоследовательно, подменяясь функционально-стилистической. Анализ семантических групп в [Ожегов, Шведова 1996] не подтверждает, что между прагматическими и стилистическими пометами возможны коррелятивные отношения. Известная условность помет в современных толковых словарях требует экспериментального исследования данного вопроса.

Литература

- Арбатский Л. Ругайтесь правильно! Современный словарь русской брани. М., 2007.
 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2004.
 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996.
 Стернин И. А., Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

Названия фирм в области гостиничного бизнеса – выражение самочувствия и устремлений современного болгарского предпринимателя

Г. И. Драгоева-Тальская

Университет им. проф. д-ра А. Златарова, Бургас (Бургас, Болгария)

Названия гостиниц, классификация, межкультурные контакты

Аннотация. В названии гостиниц заключен смысл, являющийся показателем того, что именуемый считает стоящим. Большинство названий выражает стремление к престижности и / или отражают какой-нибудь красивый образ. Заимствования, главным образом из английского, как и обращение к неболгарской культуре, можно расценивать двояко.

Весьма активные изменения в укладе жизни бывших социалистических стран, в частности Болгарии, вкупе с глобальным развитием техники находят свое отражение и в языке. Наблюдается массовое пополнение лексического пласта языка новыми номинациями.

Развитие частного предпринимательства привело к появлению огромного количества компаний, зарегистрированных под своим фирменным названием. Активизация и развитие рекламы, обязательной для осуществления любого бизнеса, делает эти названия достоянием каждого, больше того, навязывает их. Современный человек буквально залит огромной массой фирменных наименований. Можно ли по ним судить о мотивах, движущих субъектом при выборе имени? В любом наименовании заключено какое-либо послание. Наименования являются выражением и результатом поисков субъекта при выборе имени для объекта. Они являются показателем моральных ценностей именуемого, хотя и не всегда явственно.

В настоящей работе мы остановились на названиях в сфере гостиничного бизнеса. Нами собраны названия средств размещения на морских и горных курортах Болгарии. Мы пытались определить критерии, по которым слагалось дан-

ное название, и по ним судить о том, что являлось ценным, стоящим для именуемого. Сравнение новых названий, пришедших на смену старым наименованиям гостиниц, может показать, в какую сторону сместились моральные ценности индивида – предпринимателя указанной деловой области.

Каким должно быть название гостиницы? Болгарская антропонимия утверждает, что в личном имени человека заложены два основных значения – пожелание или защита [Илчев 1969: 10–14]. Это можно утверждать, особенно в отношении пожелательности имен, и о названиях гостиниц. Фирменное название имеет много общего и с рекламой, конкретнее с понятием торговой марки. Наподобие марки, оно может быть построено на определенном «образе», чья цель – привлечь и убедить потенциального покупателя в необходимости приобрести именно этот продукт [Доганов, Палфи 1992: 189–195]. С другой стороны, гостиничное название может иметь характеристики логотипа – оно бывает звучным, запоминающимся.

Рассматривая собранный материал, мы исходили из понимания актуальной ситуации на болгарских курортах. Они не выросли на пустом месте, и, соответственно, процесс наименования не начинается сейчас. Курорты возникли десят-

ки лет назад. То, что происходит в настоящий момент, – это их массовая застройка, в результате которой число средств размещения неизмеримо увеличилось. Старые гостиницы обновляются. Существенное изменение – это смена формы и субъектов собственности.

При анализе названий гостиниц были выделены отдельные группы:

По семантическому признаку это 1) названия, содержащие в себе стремление к величию и престижу: на всех курортах к старым или новым индивидуализирующим названиям прибавляется расширение *палас, плаза, гранд, роял, реже дворец* и / или в самом названии заложена ассоциация с аристократией, империей, с чем-то состоятельным и значимым: *Империал, Нобел, Гранд Арена, Роял Плаза Боровец, Элит*. 2) Название строится на каком-либо привлекательном образе. Это красивые женские, редко мужские личные имена, названия цветов, птиц, драгоценных камней – как на болгарском, так и на иностранном языке. Сюда следует отнести и названия, состоящие из целого словосочетания, выражающие более сложный поэтический образ: *Горный романс, Сий вю*. Смежный между первой и второй группой вариант – это когда к старому названию, основанному на красивом образе, прибавляются расширения, чтобы показать новые высокие претензии объекта. Помимо перечисленных выше расширений выявляются еще *бийч, ризорт, бей, парк, гарден* – английские слова, указывающие на специфику местоположения отеля. 3) Отдельно следует отметить гостиничные названия по фамилии, реже имени владельца. Здесь имеем дело не с красивым образом, а с простой, но не лишенной самоуважения идентификацией объекта *Шатев, Икономов SPA*. 4) Топонимы или название чего-то памятного – болгарские местные, не местные, иностранные – почитание к родной стране в первом случае и романтика путешествия или самоидентификация как место мировой известности во втором – *Хемус, Карибы, Сантакруз*. 5) Защитным (охранительным) названием являются имена святых (*Св. Петка, Св. Георгий*). 6) Бывшая ведомственная база какого-либо предприятия функционирует как гостиница. Название сохраняется (*Керамик*). 7) Названия международных гостиничных цепей. В этом случае для идентификации конкретной гостиницы к имени места, где она расположена, присоединяется корпоративное название,

иногда и другие расширения (*Иберостар сани бийч ризорт*). 8) Названия с неясной семантикой, но, как правило звучные, в том числе и образованные по принципу аббревиатур: *Пажоко, Ивел, Викон*.

По происхождению названия бывают болгарские, иностранные и компилятивные (*Гранд Манастира*). Подавляющее большинство иностранных заимствований из английского языка (*Блак сий*). Присутствуют также названия французского, испанского и итальянского происхождения, что можно объяснить положением этих стран – как утвержденных туристических направлений.

«Престижные» расширения типа *палас* и *бей* чаще встречаются на больших курортах по сравнению с маленькими и городами-курортами. Чаще, но необязательно, они величают более крупные отели. На горных курортах и на менее крупных морских чаще можно увидеть названия сложного поэтического образа на болгарском языке типа *Голубое лето*. На Солнечном берегу они практически отсутствуют.

Производит впечатление огромное влияние неболгарской культуры при выборе имен. Доминирует английский язык. Поскольку это фирменные названия, то они по нормативным требованиям должны писаться болгарскими буквами, что приводит к трудночитаемым для болгар буквосочетаниям и абсолютно непонятным для тех, кто не владеет английским языком. В ряде случаев владельцы вообще отказались от национального алфавита. Как можно расценивать это явление? Конечно, это проявление заниженной национальной самооценки. С точки зрения родного языка такие названия звучат дико и обидно. Хотя в них и заключен красивый образ, они остаются непонятными для носителей языка или в них теряется экспрессия. Но, с другой стороны, в этом массовом явлении можно увидеть свидетельство интернационализации гостиничного бизнеса. Он ориентирован на международную публику и открыт для мира, в котором английский язык является средством коммуникации. В преклонении перед чужой культурой можно увидеть «отражение культурных контактов» [Опарина 1999: 49].

Литература

Опарина Е. О. Язык и культура. М., 1999.

Досанов Д., Д. Палфи Д. Рекламата каквато е. Варна, 1992.

С. Илчев. Речник на личните и фамилните имена у българите. София, 1969.

«Ласточкина трава» в славянских этнокультурных представлениях

С. Ю. Дубовина

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Славянские ботанические словари, народная ботаника

Аннотация. Большой интерес для лексико-семантических исследований представляет один из участков ботанических словарей славянских языков – названий растений зоонимного и орнитологического происхождения. В настоящем докладе мы остановимся на мотивациях и связях этнокультурного характера, послуживших причиной номинации «ласточкиных» растений.

В «Ботаническом словаре» Н. И. Анненкова [Анненков 1878] приводится около десяти восточнославянских названий, словопроизводство которых связано с именем *ласточка*. Они относятся к растениям *Chelidonium majus*, *Vincetoxicum officinale*, *Asclepias*, *Agrimone eupatorium*, *Ranunculus ficaria* и некоторым другим видам. Наибольшее количество «ласточкиных» названий (*ластовичник, ластовишная трава, ластовичный корень, ластивячче зилле...*) принадлежит *Chelidonium majus*, больше известному как *чистотел*. Подобная характеристика растений *ласточкиными* подтверждается и данными иных славянских языков, отраженными в изданиях М. Мельника, М. М. Ганчарыка, Д. Симоновича, В. Чайкановича, С. Маковецкого, Б. Ахтарова, А. Т. Илиева, П. Козарова, В. Махка, Р. Зелинской, Б. Шулека, П. Булата (см. [Мейер 1781: 338], [Мельник 1922], [Ганчарык 1927], [Симонович 1959], [Маковецкий 1913], [Ахтаров 1932], [Илиев 1892], [Козаров 1925], [Machek 1954], [Zelińska 1957], [Šulek 1877], [Bulat 1932]).

Рассмотрим эти наименования пристальнее, обратившись к анализу их этносемантической сущности. Есть ли связь между естественно-реальными характеристиками самих трав, их опытным применением и традицией именования? Каким образом отражены реальные качества растений в родственных славянских языках? Какое место в именовании занимает мифология?

Как отмечают ботаники, *ласточкины* названия соотносят с *Chelidonium majus* во многих языках мира, «хотя уловить эту связь трудно» [Растения полей и лесов 1987: 132]. Ср. нем. Schwalbenkraut, франц. Herbe aux hirondelles и др. под.

Общую семантику символов, связанных в устной традиции славян с образом ласточки, определяет положительное начало. Считалось, например, что ласточка, как и голубь, сотворена Богом и любима им, поэтому обида ее влечет за собой неприятности. Свитые на доме гнезда ласточки предвещают счастье проживающему в нем семейству, и разрушать их великий грех. Тому же, кто рискнет разорить ласточкино гнездо, следовало наказание – веснушки на лице. Верили: если ласточки покидают местность, там следует ожидать мора людей.

Во время отлета птиц крестьяне замечали направление птичьих стай и по времени их отлета устанавливали различные хозяйственные работы. О ласточках рассказывали, что в первый день осени они «прячутся в колодцы», «улетают в вырий». На Руси ласточку называли *святою, божьею* и приветствовали соседство с нею: где она поселится, тому дому приносит благословение, счастье и предохраняет его от грозы и пожара. Ласточка – медиатор двух миров, вестник иной жизни: если ласточка влетит в комнату через окошко, то это признак, что в дом придёт новая душа, а если через дверь, то убудет.

В Полесье, на Украине считают, что о ласточках и пчелах следует говорить *ѓмэрла*, в то время как о всех других птицах и насекомых – *сдохли*.

Упоминание о ласточках содержится в широко известных у восточных славян легендах о распятии Христа: «О ласточках говорят, что они чириканьем своим предостерегали Спасителя от преследователей Его... Есть также предание, что ласточки крали у римлян гвозди, коими распинали Христа. Поэтому ласточек, по народному мнению, грешно бить или разорять их гнезда» [Чубинский 1872: 59].

Естественно, что *ласточником* называли ту траву, которая обладает многими лекарственными достоинствами. Под таким названием *чистотел* известен был, по-видимому, еще в античной Греции. Так, у Феофраста *Chelidonium majus* упоминается как растение, цветение которого находится в зависимости от небесных светил. Оригинальное объяснение по этому поводу дает Д. Симонович: «Античное название этого растения от греч. *chelidionion* или *chelidon* – ласточка, т. к. считалось, что это растение дает знать о себе, когда появляются ласточки, а вянет, когда они улетают» [Симонович 1959: 116].

Современная медицина широко применяет лекарства, содержащие алколоиды хелидонин и целеритрин, изготовленные из листьев и корней *ласточника* – *Chelidonium m.* Целебными свойствами обладает и растение *Vincetoxicum officinale* – антияд, нейтрализующий действие токсичных веществ. В ботанической номенклатуре оно фигурирует также под именем *Asclepias*, в память о легендарном врачевателе античности Асклепии. Н. И. Анненков приводит следующие названия *Vincetoxicum* – *ластовень* (курск.), *ласточник* (могил.), *ластовичный корень* (без указ. места). Им соответствуют польское *zwycięży jad* (от *zwyciężyć* ‘победить’ и *jad* ‘яд’), являющееся переводом прямым латинского *Vincetoxicum* от *vinco* ‘побеждать’ и *toxicum* ‘яд’. Другое польское название – *lastawicznjak*. В сербскохорватском языке растение носит названия *ластавина*, *ластавичьяк*, *ластовичји корен*, *ластовка*, *ластовчен корен*, *ластовично корење*.

Среди известных народной медицине полезных качеств *ласточковых трав* известна способность положительно влиять на зрение людей, быть противоядием, очистительным средством, магическим талисманом в заговорах на любовь; сводить веснушки, появляющиеся в наказание за обиду, причиненную ласточке.

Подробнее остановимся на способности *ласточковой травы* влиять на зрение.

В ветхозаветной книге Товита повествуется, как в довершение скорбей, печалей и насмешек, постигших благочестивого Товита, ему пришлось пережить новое испытание – потерю зрения. Это несчастье случилось в то время, когда Товит ночью лежал на дворе с «открытым лицом» и в глаза ему попали экскременты птиц, свивших гнездо под крышею дома. От этого у него на глазах сделались бельма, и он ослеп. Наименование птицы передается греческим *στρογγυλον*, то; лат. *hirundo*, *hirundinis*, *f* и переводится как «воробей» или «ласточка», хотя семантика еврейского слова *циппорим* была шире и означала мелких птиц вообще (Пс. VIII, 9; Быт. XV, 10; Лев. XIV, 4) или ‘птиц, близких к жилищу человека’.

А. К. Мейер, автор ботанического словаря 1781 г., писал: «Хелидония есть греческое от существительного имени

χελόν – *ласточка* происходящее имя, ибо многие утверждают, будто бы ласточка восстанавливает ею зрение своих птенцов» [Мейер 1781: 338].

Указание на способность ласточки влиять на зрение людей отмечено в украинских поверьях П. П. Чубинским: «як напаскуде ластівка на очи, то той осліпне».

Пример лекарственного употребления сока *Chelidonium* при глазных болезнях приводит исследователь полтавской флоры Ф. М. Августинович. Отмечая, что в простонародье растение называется *чистяк*, он пишет: «Порошок из сахара, напитанного соком чистотела, употребляется для уничтожения бельма; он вдвухается помощью гусяного пера в глаз утром и вечером» [Августинович 1853].

Известно, что существует болезнь «куриная слепота», когда с наступлением сумерек человек перестает видеть или видит очень плохо. Между тем в Беловежской Пуще «куруную слепоту» лечили свежим соком чистотела, который на Украине и в Белоруссии так же, как и в России, называли *ластивьяче зілле*. На подобное применение указывают также биологи и ботаники [Астахова 1977: 80].

С влиянием ласточки на зрение соотносится весенний ритуал встречи с первой ласточкой у славян, когда, завидя первую ласточку, умываются водой с приговором в надежде избавиться от веснушек.

Литература

- Августинович Ф. М. О дикорастущих врачебных растениях в Полтавской губернии. Киев, 1853.
- Астахова В. Г. Загадки ядовитых растений. М., 1977.
- Ахтаров Борис. Материал за български ботаничен речник. София, 1932.
- Ганчарык М. М. Беларускія назовы расьлін // Праца навуковага таварыства па вивучэнню Беларусі пры Беларускай дзяржаўнай акадэміі сельскае гаспадаркі у Горках. Ч. 1. Т. II. Горы-Гокркі, БССР, 1927. С. 194–217.
- Илиев Атанас Т. Растително царство в народной поэзия, обичаите, обредите и поверията // СБНУ. VII. 1892.
- Козаровъ П. Български народни названия на растенията. Сборникъ на българската академия на наукитѣ. Отделенъ отпечатокъ. София, 1925.
- Маковецкий Ст. Список растений Подольской губернии // Записки Подольского общ-ва естествоиспытателей. 1913.
- Мейер А. К. Подробный ботанический словарь или травник. Ч. 1–2. М., 1781, 338.
- Мельник Микола. Українська номенклятура висших рoстин. У Львові, 1922.
- Растения полей и лесов / Текст Вацлава Ветвички, иллюстрации Даниелы Тоушовой. Прага, 1987.
- Симонович Драгутин. Ботанички речник имена биљака са именима на руском, англеском, немачком и француском језику. Београд, 1959.
- Чубинский П. П. Труды этнографо-статистич. эксп. в Западнo-Русский край. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1872.
- Bulat P. Pogled u slovensku botaničku mitologiju // Etnološka biblioteka. 18. U Zagrebu, 1932.
- Machek Václav. Česka a slovenská iména rostlin. Praha, 1954.
- Šulek B. Pogled iz biljastva u pravijek Slavenah // Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti – Zagreb, Rad JAZU, 1877. T. XXXIX. 1–64. Zagreb, 1877.
- Zelińska Regina. Polskie i łacinskie nazwy krajowych roślin leczniczych // Państwowy zakład wydawnictw lekarskich Warscawa, 1957.

Кодификация vs. словарное богатство языка: проблема модели современного нормативного словаря

М. Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Словарь, норма, литературный язык, лексикография

Аннотация. Критикуется положение дел в современной толковой лексикографии. Ставится проблема современного представления о норме и о модели нормативного словаря.

«Словарный бум» двух последних десятилетий резко изменил общую картину положения дел в русской лексикографии. Однако это не означает безусловного прогресса. Несмотря на очевидные достижения (в частности, появление целого ряда словарей нового типа), этот «бум» высвечивает, скорее, картину кризиса. Большое количество раз-

ных (в том числе и хороших) словарей не решает главной задачи, а лишь ставит носителя языка в тупик. Иметь дома много разных словарей – удел специалистов. «Обычному» же носителю языка нужен один универсальный словарь. Однако вместо одного предлагается целый ряд – назовем хотя бы три: «Большой толковый словарь русского языка»

под ред. С. А. Кузнецова (СПб.: Норинт, 2003), «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой (М.: Русский язык, 2000); «Большой академический словарь русского языка» в 20 (?) т. (гл. ред. К. С. Горбачевич; т. I – СПб.: Наука; Наука / Интерпериодика МАИК, 2004).

Хотя названные словари декларируют свой нормативный характер, объем отражаемого ими нормативного лексикона существенно различен: в первом из названных – 130 тыс. слов, во втором – 140 тыс., в третьем – 150 тыс. При этом «Русский орфографический словарь» под ред. В. В. Лопатина (2-е изд., испр. и доп. М., 2004) включает ок. 180 тыс. слов. Получается, что представления о норме у составителей толковых и орфографических словарей расходятся на десятки тысяч (!) единиц. Столь значительные расхождения означают, что в отечественной лексикографии не просто сосуществуют различные принципы представления словарного богатства языка; они означают, что в ней отсутствуют общепринятые представления о норме. А если они отсутствуют в науке, то на что должны опираться языковая политика, школьное и вузовское обучение?

Это положение дел предстает в особенно невыгодном свете на фоне спекулятивных сообщений о том, что «недавно в английском языке зафиксировано миллионное слово», заявлений, будто русский язык «вянет на корню» (М. Эпштейн). Споры нет, рассуждения последнего (см.: [Эпштейн 2004], [Эпштейн www], [Эпштейн 2006]; полемика с автором: [Дымарский 2007]) не выдерживают критики. Понятно, что миллионное слово может быть зафиксировано в языке – не важно, каком – в том и только в том случае, когда ни функционально-стилистическая принадлежность, ни вхождение в какие бы то ни было пары с чисто грамматическими различиями, ни количество зафиксированных употреблений, ни временные и географические рамки функционирования слова в качестве критериев для включения / невключения его в словник не действуют – учитывается только факт появления в каком-либо источнике слова, которое ранее не фиксировалось. Понятно, что отечественные нормативные словари придерживаются существенно иных принципов отбора словника. Но если полвека назад эти принципы формулировались вполне определенно, то сегодня желанная определенность вызывает обоснованные выше сомнения.

Так, может быть, и нам стоит затеять **полный** словарь русского языка – за исключением, скажем, сугубо специальной терминологии и общенной лексики? Включить в него – с соответствующими пометами – все то, что словарями, претендующими на нормативность, с той или иной мерой последовательности отвергается:

– устаревшую лексику, включая устаревшие лексико-семантические варианты (*ЛСВ*): например, слово *левак* в значении, фиксируемом у Ожегова, – явно устаревшее, зато актуально его новое значение ‘тот, кто занимается побочной – обычно незаконной – трудовой деятельностью, используя рабочее время, орудия или продукты обществен-

ного труда’, фиксируемое Т. Ф. Ефремовой; толкование можно дополнить, но в данном случае важно не это, а то, что «полный» словарь должен будет включить оба *ЛСВ*;

– разговорную лексику, ведь современные словари успешно игнорируют ее целыми пластами: например, слово *оборотка*, знакомое каждому, кто часто имеет дело с бумагами, зафиксировано в Словаре под ред. В. В. Лопатина, но отсутствует во всех трех названных новейших толковых словарях; толкования слова *торпеда* во всех словарях не включают *ЛСВ*, знакомого любому автомобилисту; то же можно сказать о слове *секретка*; ряд легко может быть продолжен;

– областные и региональные слова и *ЛСВ*, в словаре оказались бы, например, такие слова, как *кулек* в значении ‘полиэтиленовый пакет для продуктов’ или *мобилка* (оба примера – из разновидности русского разговорного, функционирующей на Украине, причем второе слово фигурирует на вывесках: «Ремонт мобилок» – записано в октябре 2008 г. в Ялте), *замельдовать* ‘зарегистрировать’, *термін* (ударение на втором слоге) ‘назначенная встреча, прием у врача, преподавателя, чиновника и т. п.’ (оба примера – из разновидности русского разговорного, функционирующей на территории Германии).

Ясно, что перечисление пластов лексики, которые подлежали бы включению в «полный» словарь, может быть продолжено. Но ясно и то, что «полный» словарь русского языка, хотя он и может – теоретически – быть осуществлен, противоречил бы важнейшим для отечественной русистики представлениям о месте литературного языка в системе изводов национального языка, о норме, нормативности, нормализаторской деятельности. Впрочем, здесь уместен вопрос: каким именно представлениям? Тем, которые были сформулированы в эпоху В. В. Виноградова? Тем, которые остались от них сегодня и которые существенно варьируют от одного лексикографического труда к другому? Или тем, которые должны быть сформулированы для нового состояния, достигнутого русским языком, но русистикой еще не вполне осмысленного?

Ответ представляется не столь очевидным, как может показаться на первый взгляд. Между тем без ответа на эти вопросы «словарный бум» и впредь будет порождать в лучшем случае лексикографический разнобой.

Литература

- Дымарский М. Я. Чужой родной язык: Несколько замечаний об одной концепции развития русского языка // Русское слово и русский текст: история и современность: Сб. науч. ст., посвященный чл.-корр. РАО, проф. В. А. Козыреву. СПб., 2007. С. 136–149; <http://dymarsky.mylivepage.ru/file/1647/4837>.
- Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004.
- Эпштейн М. Н. Слово как произведение: О жанре односложия. Гл. 1 // <http://oldruss.ru/antolog/intelnet/ds.odnoslovie1.html>.
- Эпштейн М. Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1.

Изменившийся словник чешско-русского словаря общеупотребительной лексики как отражение изменившейся внеязыковой действительности

А. И. Изотов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Богемистика, чешско-русский словарь

Аннотация. В докладе анализируется словник «Большого чешско-русского словаря» (около 150 п. л.), вышедшего в чешском издательстве LEDA в 2005 году и представляющего собой существенно переработанную чешско-русскую часть четырехтомного словаря, изданного в 1973 году в Москве в издательстве «Советская энциклопедия» совместно с чехословацким Государственным педагогическим издательством (Státní pedagogické nakladatelství).

В 2005 году чешское издательство LEDA в сотрудничестве со Славянским институтом Академии наук Чешской республики под названием «Большой чешско-русский словарь» в одном томе переиздало в существенно переработанном виде чешско-русскую часть четырехтомного словаря, выпущенного в 1973 году в Москве в издательстве «Советская энциклопедия» совместно с чехословацким Государственным педагогическим издательством (Státní pedagogické nakladatelství) и переизданного в 1976 в Праге Государствен-

ным педагогическим издательством совместно с советским издательством «Русский язык». В словаре около 62 тысяч словарных статей, 120 тысяч чешских слов и выражений, 240 тысяч русских эквивалентов.

Потребность в подобном издании давно назрела, потому что словарь 1973 и 1976 годов, хотя и выходил он немалыми даже по тем временам тиражами, давно стал библиографической редкостью. Кроме того, хотя он был подготовлен опытным коллективом лексикографов, его словник, состав-

ленный в 1960-е гг., уже давно перестал отражать изменившуюся языковую (и внеязыковую) действительность в достаточной полноте.

Видимо, по пуристическим соображениям в словарь 1970-х годов не вошли весьма распространенные чешские разговорные и сленговые выражения, которые мы регулярно встречаем в чешских газетах, журналах, видим на рекламных стендах, слышим с телеэкрана. Например, отсутствующее в словаре 1970-х годов сленговое слово **gympl** 'гимназия' вынесено в название популярного современного телесериала. Задав поиск [Gg]jmpl.* в подкорпусах **современных** письменных текстов Чешского национального корпуса (см. <http://ucnk.ff.cuni.cz/>), мы обнаружили 122 контекстов с этим словом в подкорпусе SYN2000, 112 контекстов в подкорпусе SYN2005 и 189 контекстов в подкорпусе SYN2006pub.

В этом плане следует безусловно одобрить авторов «Нового чешско-русского словаря», активно включающих в словник обиходно-разговорную лексику.

Так, на первых 606 страницах словаря (буквы А–О), соответствующих первому из двух томов чешско-русской части изданий 1973 и 1976 годов, мы обнаружили около 250 новых словарных статей, снабженных пометой *slang.*, *hovor.* или *ob.* Помета *slang.* характеризует слово как сленговое, помета *hovor.* – как относящееся к так называемому разговорному варианту литературного чешского языка, помета *ob.* – к обиходно-разговорному чешскому языку. Отметим, что сотни слов, которые в изданиях 1973 и 1976 годов имели помету *ob.*, в новом словаре получили помету *hovor.*, что наглядно свидетельствует о демократизации чешской литературной нормы.

Всего же на первых 606 страницах мы обнаружили около пяти тысяч (!) новых словарных статей, среди них более тысячи новых терминов, прежде всего медицинских, спортивных и компьютерных.

Довольно много новых терминов по химии, биологии, физике, экономике, ботанике, технике, лингвистике, истории, музыке, зоологии, праву, анатомии, геологии – их число измеряется десятками (названы в порядке убывания).

В новых статьях в достаточном количестве (более 10 раз) представлены философские, психологические, математические, военные, строительные термины, а также термины, связанные с церковью, религией, торговлей, минералогией, садоводством, изобразительным искусством.

Единичные новые термины были обнаружены по астрономии, электротехнике, текстильному производству, кулинарии, политике, археологии, связи, литературоведению, логике, метеорологии, мифологии, полиграфии, физиологии, географии, металлургии, охоте, библеистике, фотографии, авиа-

ции, товароведению, горному делу, портновскому ремеслу, антропологии, дипломатии, фармакологии, радио, транспорту, стекольному делу, кинематографии, землемерию, мореходству, педагогике, железнодорожному транспорту.

Реестр географических названий в конце словаря увеличился более чем в два раза – почти до двух с половиной тысяч статей (правда, при этом исчезла транскрипция, так что теперь, хотя мы, например, и идентифицируем **Ajaccio** в качестве **Аяччо**, для того, чтобы узнать, что это слово по-чешски читается [aʒaksjo], нам придется его искать в словаре ином).

Переходя от терминов к общеупотребительной лексике, следует отметить, что значительное число новых статей относится к реалиям, появившимся либо ставшим актуальными в последние десятилетия. Здесь лидируют, пожалуй, слова, связанные с развитием техники, прежде всего бытовой (*аудиоплеер, компакт-диск, дискмен*).

Новые словарные статьи отражают новые профессии, виды занятий, развлечения, ставшие модными темы для обсуждения (*аэробика, аквапарк, бэйби-ситтер, глобализация, инфифада, клонировать, мафиози*).

Множество новых словарных статей связано с хлынувшим в Чехию потоком чужих реалий. «Чужое» стало ближе, и речь идет не только о бывших когда-то экзотикой *мюслях, кальвадосе, камамбере* или *орешках кешию*. Более 100 новых статей – названия лиц по национальности, гражданству, месту жительства (*афганец, африканер, афроамериканец*).

Очень много прилагательных, образованных от названий чужих стран, городов, рек, островов и т. д. (одних только новых прилагательных, отсылающих к названиям американских штатов, – более двух десятков). Вообще следует отметить, что американская тематика (американизмы и то, что маркируется в массовом сознании как американизмы) представлена более чем обильно, зачастую речь идет даже о графически не освоенных (освоенных не до конца) лексемах, ср.: **georgijský** [džórdž-] джорджийский; **bowling** [bou-], **-u m** боулинг *m*; **cash** [keš] *přísl.* (platit) наличными; **cheeseburger** [čízburgɛr], **-ru m** чизбургер *m*.

Словарь фиксирует возросший интерес европейцев (в том числе и чехов) к мусульманскому миру, восточным культурам, мистике (*аятолла, акупунктура, Аллах, чакра, гурӯ, хадж, харакири, нумерология*).

Добавленные в словник статьи отражают и появившиеся (актуализовавшиеся) социальные проблемы (*СПИД, анаша, гашиш, героин, марихуана, наркодилер*).

Таким образом, обращение к материалу двуязычного словаря может быть весьма показательно не только в собственном языковом, но и в культурно-страноведческом аспекте.

О лексеми племе и њеним твореницама у старијој грађи српског језика и њиховом односу према грађи из савременог српског језика

В. З. Йованович

Институт сербского языка САНУ (Белград, Сербия)

У раду се анализирају лексеме из породице речи са именицом *племе* у основи. На основу летимичног увида у грађу која се односи на период од средине 18. до средине 20. века, приметили смо да у српском језику постоји јасно творбено-семантички издиференцирано гнездо са именицом племе као мотивном речју. Творенице су настале морфемском творбом, а припадају различитим морфолошким категоријама (именицама, глаголима, придевима, прилозима). Основно или првобитно значење именице племе (од прасловенског *pleme*) 'заједница људи које повезује заједничко порекло, језик и територија; заједница људи који своје порекло везују за заједничке претке' налази се у великом броју примера у грађи за изразу «Речника српскохрватског књижевног и народног језика» Српске академије наука и уметности, а у активној употреби у овом значењу именица племе се до данас очувала у Црној Гори. У твореницама којима се означавају појмови са људском референцијом уочавамо семантичку поларизованост у неколико праваца, која је настала као последица развоја новог значења на бази старог значења. Наиме, поред поменутог примарног значења и других значењских нијанси које се заснивају на примарном значењу, лексеме из овога гнезда употребљавају се (или су

се употребљавале) у значењима која се односе на друштвену хијерархију засновану на политичком или економском статусу или у значењима која се односе на отменост мушкарца или жене, стечену на основу лепих манира, нарочито држања и сл. Поменућемо и значење које се односи на хуманост и морал, нпр. *племенит* 'који је испуњен добротом, честитиошћу, бригом за друге људе, који је добра, мека срца, човечан, пожртвован, великодушан, савестан, правичан'. Компонента позитивности у садржају неких лексема односи се и на појмове из животињског, биљног и неживог света.

Истина, неке од лексема из ове породице нису распрострањене у савременом српском језику, а велики број значења још увек живих лексема губе се или су се већ изгубила из употребе. Разлози за њихово убрзано нестајање из језика свакодневне комуникације су екстралингвистичке природе, међу којима централно место заузимају друштвено-политичке и економске промене у српском друштву. Циљ рада је да се на основу грађе од краја 18. века до данас анализирају значења лексема *племе* и њених твореница, односно њихова творбена средства, као и да се утврди употребна вредност ових лексема са аспекта развоја савременог српског језика.

Номинативный репертуар языка и проблема речевого воздействия

А. К. Казкенова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан)

Номинативная единица, речевое воздействие, номинативно значимая ситуация, ономаσιологическая структура

Аннотация. Выполнение воздействующей функции номинативными единицами определяется структурно-семантическими признаками, свойственными тому или иному виду номинаций.

Функция воздействия – одна из важнейших функций языка. На ее реализацию направлен целый арсенал языковых средств всех уровней – от фонетического до текстового.

Особое место в ряду этих средств языка занимают номинации.

Номинативные единицы весьма разнообразны, и их разнообразие функционально оправдано. Существующие в языках способы номинации отражают разные способы познания и осознания окружающего мира и закрепления их результатов в языковых знаках.

Изучение речевого воздействия позволяет по-новому взглянуть на номинативные возможности языка. Выбор слова не случаен, он должен соответствовать интенциям говорящего. Номинация – это не просто обозначение, это интерпретация события, его оценка со стороны говорящего, выражение отношения к происходящему. По сути, разные виды номинативных единиц имеют разные функции, разную воздействующую силу, причем силу разного направления.

Способность языка воздействовать становится особенно актуальной в информационном обществе. Развитие рекламы, PR-технологий, участие современных СМИ в процессах манипулирования как общественным, так и индивидуальным сознанием ставит перед современной лингвистикой задачу изучения языковых механизмов воздействия на интеллект, чувства и волю адресата.

Как нам представляется, функциональные различия между номинативными единицами следует выявлять в номинативно значимых ситуациях. К последним мы относим ситуации вхождения номинативных единиц в речь / язык, различные проявления языкового обыгрывания, детское словоупотребление, а также случаи эстетического использования языковых средств (прежде всего в художественной литературе).

Все эти ситуации, не тождественные друг другу, объединяет в данном случае тот факт, что наименование, попадая в одну из них, обретает оттенок новизны, функционально и прагматически значимый. Кроме того, в номинативно значимых ситуациях слово еще лишено индивидуальных ассоциаций и, скорее, выступает как представитель того или иного вида номинаций.

Опираясь на опыт описания способов номинации русского языка (см. работы Д. Н. Шмелева, Е. С. Кубряковой, Л. А. Капанадзе, И. С. Горопцева, Б. А. Серебrenникова, А. Ф. Журавлева, Л. К. Жаналиной и др.), мы выбираем «компромиссный» вариант описания системы способов номинации и представляем ее как полевую структуру (см. схему), где ядро составляют производные слова (1), словообразовательная структура которых соответствует ономаσιологической структуре. Далее располагаются фразообразования, также членимые (2). За ними – факты развития многозначности (3) и заимствования (4). На самой периферии поля находятся произвольные звуковые комплексы (5).

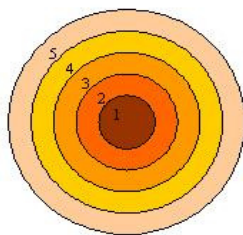

Схема. Способы номинации русского языка

Структура поля обусловлена следующей закономерностью: степень прозрачности ономаσιологической структуры пропорциональна знаниям говорящего об обозначаемом

объекте. Особенно отчетливо эта особенность устройства данного поля проявляется при сравнении его крайних зон. Если для образования немотивированного наименования объем знаний об обозначаемом объекте может быть ничтожным (или знания о нем могут вовсе отсутствовать), то для образования производного слова необходимо знать по крайней мере, к какому классу явлений относится обозначаемый объект и чем он отличается от других объектов в рамках этого класса.

Ярко выраженная «интерпретационность» производных номинативных единиц определяет их большую воздействующую силу. Производные значения и слова связывают событие с некоторой частью опыта адресата, «перестраивают» этот опыт, тем самым воздействуя на его сознание, эмоции и волю. Но при этом между ними есть существенные прагматические различия: если производные слова – это уже констатация связи между новым и известным, то метафоры и другие проявления развития многозначности более «гипотетичны», менее категоричны.

Фразообразование – это, по сути, «маленький комментарий» того или иного факта. Сверхсловные единицы ближе всего к синтаксическому описанию обозначаемого объекта.

Особое воздействие способны оказывать немотивированные единицы, а также иноязычные по происхождению обозначения. Так, заимствование своей непрямой формой позволяет завуалировать нечто, что говорящий в данный момент хочет скрыть от адресата (это может быть понятие, вызывающее негативные ассоциации, так называемые социальные эвфемизмы, это может быть и недостаточное знание вопроса со стороны говорящего!). В целом воздействие, оказываемое заимствованиями, является отражением сложившегося отношения языкового коллектива ко всему «чужому».

В таблице показаны виды номинативных единиц, их лингвистические признаки и варианты их возможного воздействия.

Таблица. Номинативные единицы и их признаки

Номинативные единицы	Признаки номинативных единиц	Возможное воздействие
Произвольные звуковые ряды	Немотивированность	Новизна, абсурдность, парадоксальность
Иноязычные заимствования	Мотивированность, непрямая производность	Новизна, престижность, непонятность, потенциальная угроза
Переносные значения (результаты развития многозначности)	Мотивированность, производность, нечленность	Гипотетичность, ситуативность, установление связей между новым и известным
Сверхсловные наименования (результаты фразообразования)	Мотивированность, производность, членность, аналитичность	Комментирование, приближающееся к описанию
Производные слова (результаты словообразования)	Мотивированность, производность, членность, синтетичность	Констатация некоторой связи между новым и известным

Таким образом, выполнение воздействующей функции номинативными единицами определяется структурно-семантическими признаками, свойственными тому или иному виду номинаций.

В докладе предполагается подробнее осветить различия в выполнении функции воздействия разными видами номинативных единиц русского языка, показать это различие на конкретных примерах.

Метафорический образ эмоций в славянских языках: опыт сопоставительного анализа*

Л. А. Калимуллина

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

Эмоции, регулярная многозначность, семантические модели

Аннотация. В работе рассматриваются основные модели семантического (метафорического) сдвига в сфере эмотивной лексики славянских языков. Особое внимание уделяется семантическим моделям, в основе которых лежат представления о разнообразных аспектах физиологической и физической жизнедеятельности человека.

Выявление типов регулярной многозначности в пределах того или иного лексического множества приобретает особую актуальность в том случае, когда оно осуществляется с опорой на материал ряда языков, как родственных, так и неродственных. В этом отношении большой интерес представляют метафорические наименования эмоций, которые занимают значительное место среди эмотивных предикатов. Предметом нашего исследования является специфика семантической деривации в сфере эмотивной лексики русского, болгарского, чешского и польского языков. В процессе вторичной номинации эмоций в славянских языках оказываются задействованными такие понятийные сферы, как «Мир человека», «Предметный мир», «Природный мир», которые сложным образом взаимодействуют друг с другом. Так, если иметь в виду сферу «Человек», то наибольшую продуктивность обнаруживает такая модель семантического сдвига, как «физиологическое (сенсорное) ощущение → эмоция» и, в частности, «вкусовое ощущение → эмоция». Поскольку с органом вкуса напрямую связано пищеварение, то вторичными предикатами эмоций зачастую являются лексемы, обозначающие принятие пищи и жидкости, например: болг. *уталожа* '1. утолить (жажду); 2. перен. успокоить', пол. *smakować* '1. отвеживать, пробовать; 2. (*w czym*) перен. находить удовольствие в чем'; чеш. *přejísti se* '1. объесться; 2. перен. приесться, надоесть' и др. Не менее важной по степени продуктивности является модель семантического сдвига «осязательное (тактильное) ощущение → эмоция»; ср.: болг. *закача* '1. задеть, зацепить, коснуться; 2. перен. тронуть кого-л.; 3. перен. задеть, поддразнить (*кого-л.*); пристать (*к кому-л.*)', пол. *dotknąć (кого-чьего)* '1. дотронуться до кого-чего, прикоснуться к кому-чему; 3. обидеть, задеть', чеш. *bezcitný* '1. потерявший чувствительность (об осязании); 2. безжалостный, бессердечный' и др. С рассмотренными выше моделями семантического переноса сближается и такой тип метафорических преобразований, как «болевое ощущение → эмоция», при этом лексемы с интегральным значением 'болеть', 'боль' составляют наибольшую долю анализируемых вторичных предикатов эмоций; ср.: болг. *претръпвам* '2. (о боли) успокаиваться; 3. перен. переставать бояться, привыкать', пол. *zaboleć* '1. заболеть, разболеться; 2. причинить боль, огорчить', *bolesny* '1. болезненный, мучительный; 2. скорбный, печальный', чеш. *bolest* '1. боль; 2. перен. скорбь, печаль' и др. Указанная модель метафорического переноса реализуется преимущественно посредством лексем, обозначающих болевые ощущения, которые связаны с органами осзания, причем возникновение первых может быть обусловлено влиянием как внешних, так и внутренних факторов, например: болг. *раня* '1. ранить; 2. перен. ранить, задеть, обидеть (кого-л.); нанести душевную рану', пол. *urazać się* '1. ушибаться (большим местом); 2. перен. обижаться', чеш. *jitřiti* '1. вызывать нагноение; 2. перен. берeditь раны; 3. возмущать, возбуждать; волновать' и др. Лексические единицы, репрезентирующие такой тип метафорического переноса, как «физическое страдание / смерть → эмоция», хотя и образуют небольшую по численности парадигму, тем не менее отличаются яркой внутренней формой, обозначая эмоциональные переживания высокой интенсивности, в первую очередь горе, мучение и т. п., например: болг. *убивам се* '1. убивать себя; 2. перен. убиваться, горевать', пол. *katusze* '1. пытки, истязания; 2. муки, мучения', *zastrzelić* '1. застрелить; 2. перен. разг. огорошить, ошарашить', чеш. *bičovatí* '1. бичевать, сечь; 2. перен. мучить' и т. д. Наличие семантических переходов данного типа может быть объяснено тем, что «болезненное состояние ассоциируется с эмоциональным дискомфортом (душевыми, нравственными мучениями, тревогой, смятением, страхом, скорбью и т. п.).

Физическое воздействие на объект, связанное с причинением боли, ассоциируется с каузацией эмоционально, психологически дискомфортного состояния. Само ощущение боли, рана, нарыв воспринимаются как источник нравственно-го страдания, беспокойства и т. п.» [Балашова 1998: 154].

Следует особо отметить и такую модель семантического сдвига, как «физические характеристики человека → эмоция», которая представлена прежде всего такой своей разновидностью, как «движение → эмоция». Эта модель является весьма значимой для передачи эмотивной семантики (нами зафиксировано около 40 соответствующих лексем), при этом наибольшую способность к метафоризации демонстрируют предикаты с первичным значением 'идти, ходить': пол. *obejść* '1. обойти; 2. (*kogo-co*) коснуться *kogo-чьего*; заинтересовать *kogo*', чеш. *tápati* '1. ходить неуверенными шагами; 3. перен. сомневаться, колебаться', *nadběhnouti* '1. пойти наперерез; 2. перен. разг. добиться расположения, понравиться' и т. д. Глаголы, обозначающие другие виды движения, представлены лишь единичными примерами: болг. *залитна* '1. зашататься, качнуться, покачнуться; потерять равновесие; 3. перен. разг. влюбиться в кого-л.', пол. *zaskoczyć* '1. заскочить; запрыгнуть; 3. поразить, удивить', чеш. *dolézati* '1. подползать; 2. разг. приставать, надоедать' и т. д. Особое место внутри рассматриваемой парадигмы занимают метафорические эмотивы, первичное значение которых связано с номинацией движений, характеризующихся высокой интенсивностью, например: пол. *kokosić się* '1. вертеться; 2. нервничать, злиться', *ciskać się* '1. метаться, бросаться; 2. разг. горячиться, кипиться, злиться' и т. д. Данная семантическая модель связана с отражением древнейших представлений о символическом характере движения: «Нога, которая приближает человека к предмету его желаний, обувь, которую он при этом ступает, и след, оставаемый им на дороге, играют весьма значительную роль в народной символике. Понятиями движения, поступи, следования определялись все нравственные действия человека» [Афанасьев 1982: 31]. Следует подчеркнуть, что в отличие от вторичных предикатов, образованных по рассмотренным выше моделям семантической деривации и называющих преимущественно негативные эмоции, близкие по своему субъективному качеству, указанные лексемы обозначают самые разнообразные эмоциональные явления как положительного, так и отрицательного знака: интерес, волнение, любовь, гнев и т. д. Это свидетельствует о том, что в сознании носителей славянских языков представления об ассоциативной связи определенных эмоций и движения характеризуются меньшей степенью стереотипности, чем, например, представления о корреляции эмоций и физиологических явлений.

Таким образом, в славянских языках закреплены ассоциативные параллели преимущественно между эмоциональными процессами и различными «проявлениями» человека, как внутренними, так и внешними (его самочувствием, действиями, деятельностью и т. п.). По справедливому мнению Дж. Лакоффа, «структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах, более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера» [Лакофф 2004: 13].

Литература

- Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М., 1982.
Балашова Л. В. Метафора в диакронии (на материале русского языка XI–XX вв.). Саратов, 1998.
Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. М., 2004.

* Работа поддержана грантом РГНФ № 07-04-00246а.

Национально-специфическая лексика в русско-литовских и русско-латышских словарях

Р. Квашите

Шяуляйский университет (Шяуляй, Литва)

Национально-специфическая лексика, безэквивалентная лексика, русско-литовские соответствия, русско-латышские соответствия, перевод

Аннотация. Национальную специфику народа отражает лексика, называющая своеобразные реалии материальной и духовной культуры, неизвестные другим народам. Наиболее приемлемым для наименования национально-специфической лексики признан термин *безэквивалентная лексика*. Данная лексика фиксируется в лексикографических источниках – в статье сопоставляются русско-литовские и русско-латышские словари. Кроме безэквивалентной лексики в двуязычных словарях встречаются слова, приобретающие национальную специфику в определенном контексте.

Национальную специфику любого народа отражает лексика, называющая своеобразные реалии материальной и духовной культуры, неизвестные или несвойственные другим народам (к данной лексике можно отнести и географические названия, а также антропонимы, но они не будут объектом исследования). До сих пор в лингвистических источниках отсутствует единое мнение по поводу наименования национально-специфической лексики. Терминологическое многообразие свойственно многим языкам, в том числе и русскому; такие единицы чаще всего называют *лакунами* [Маслова 2001: 111] или *безэквивалентной лексикой* [Мечковская 2000: 52]. В работах литовских и латышских языковедов также доминируют вышеупомянутые термины: латышские *lakūna, bezekivalenta leksika*, в новейшем словаре лингвистических терминов – *kultūraizgūvums* ‘культурное заимствование’ [Valodniecības terminu... 2007: 198], а в литовском языке – *beekvivalentė leksika* [Gudavičius 2000], [Kvašytė 2003]. Кроме того, в лингвистической литературе имеют место термины *этнографизм* и *эзотизм*, довольно тесно связанные с данными реалиями. Все же следует отметить, что *эзотизм* больше подходит для обозначения лексики отдаленных в родственном отношении языков, в свою очередь *этнографизм* выделяется уже в самом национальном языке (такая помета имеется и в толковых словарях). В отдельных публикациях на латышском языке встречается не имеющий устойчивой традиции термин *reģionālģeogrāfiskā leksika* ‘регионально-географическая лексика’ [Migla 1996] (о введении такого термина уместно говорить в том случае, если охватываются и географические названия). Поэтому наиболее приемлемым для описания национально-специфической лексики кажется термин *безэквивалентная лексика*.

Безэквивалентная лексика находит отражение в устных и письменных текстах, а также фиксируется в лексикографических источниках. Если в текстах такая лексика может дополняться достаточно развернутым комментарием, писаться в кавычках или выделяться другим шрифтом (трудно сказать, какой из видов более распространен на практике, так как подобных исследований не проводилось, можно лишь предположить, что это зависит от намерений автора, а также от типа публикации), то словари подвержены более строгой регламентации, поэтому здесь выбор способов фиксации ограничен. В толковых словарях лишь иногда приходится столкнуться с проблемой передачи таких слов, напр. при разграничении по регионам в рамках страны – иногда одна или другая реалия наиболее распространена лишь в отдельных местностях, а в переводных словарях требуются полные и то же время точные данные о называемой реалии в доступной для носителя другого языка и соответственно чужой культуры форме. Но еще более интересно преподнесение безэквивалентной лексики в двуязычных переводных словарях. В данном случае сопоставляются русско-литовские и русско-латышские словари.

Собранную безэквивалентную лексику можно рассматривать по лексико-семантическим признакам – в таком случае

выделяется несколько тематических групп слов по сфере их употребления «1) национальная кухня; 2) одежда; 3) музыкальные инструменты; 4) народные танцы; 5) традиции и обычаи; 6) фольклор и мифология; 7) явления истории народа. Сюда также относятся названия географических объектов, животных и растений, климатических явлений, а также неодинаковая степень детализации их названий» [Gudavičius 2000: 79–80]. Часть из них имеет соответствующие пометы в источниках исследования, напр.: *ист.* – история, *кул.* – кулинария, *муз.* – музыка, *этно.* – этнография. Кроме того, нередко в словарной статье после переписанного по-литовски или по-латышски слова и добавленного соответствующего окончания дополнительно дается комментарий, напр.: «русский национальный женский головной убор» и т. п. Нередко приходится встречаться и с подбором другого эквивалента, лишь отчасти связанного с русской реалией, – в данном случае перевод ориентирован больше на носителя литовского (латышского) языка, так как опирается на аналогию. Далее уместно привести несколько примеров: *кokoшник* – лат. *kokošņiks* (*krievu sieviešu tautastērpa galvasrotā*); *гусли* муз. – лат. *gusļi*; *частушка* – лат. *častuška* (*krievu tautas dziesma*), лит. *dainiška* – производное слово от литовского *daina* ‘песня’ с суффиксом *-uška*); *самовар* – лат. *patvāris* и лит. эквиваленты *virtulys, virtuvas*; *былина* – лат. *biļina*; лит. *bylina* (*rusų didvyrių epas*). Часть данной лексики включена в словари иностранных слов, напр. *častuška*.

Кроме описанного пласта безэквивалентной лексики встречаются также слова, которые сами по себе не являются национально-специфической лексикой. Такой они становятся в определенном контексте, т. е. когда употребляются для описания традиций, особенностей народа, в фольклоре или в художественных текстах, напр. название дерева *береза*. Так как в русском языке *береза* является символом женственности и красоты и само слово женского рода, возникают трудности при его переводе как на литовский, так и на латышский язык, в которых данное слово мужского рода – соответственно *beržas* и *bērzs*.

Таким образом, фиксация безэквивалентной лексики в русско-латышских и русско-литовских словарях свидетельствуют как о стремлении раскрыть национальную специфику русского народа, так и о попытках сделать ее понятной для носителей литовского и латышского языков.

Литература и источники

- Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 2000.
Gudavičius A. Etnolingvistika. Šiauliai, 2000.
Krievu–latviešu valodas vārdnīca. Rīga, 1998.
Kvašytė R. Latvių nacionalinės realijos kitų kalbų šaltiniuose // Filologija. 2003. Nr. 8. S. 15–24.
Migla I. Latvijas reģionālģeogrāfiskā leksika vācu valodā. Disertācijas kopsavilkums filoloģijas doktora grāda iegūšanai. Rīga, 1996.
Rusų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1996.
Valodniecības terminu skaidrojošā vārdnīca. Rīga, 2007.

Первый русский археологический словарь.

В. А. Городцов как антрополог и лингвист

Ю. Г. Кокорина

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

Терминологический словарь, археология, В. А. Городцов, история лингвистики

Аннотация. Данная работа посвящена анализу первой словарной работы по археологии на русском языке – выступления выдающегося отечественного антрополога В. А. Городцова на 11-м Археологическом съезде в Киеве в 1898 году.

Наличие упорядоченной терминологии определяет зрелость науки, что в полной мере относится и к археологии.

До настоящего времени на русском языке издан только один научный археологический словарь, переведенный с ан-

грийского [Брей, Трамп 1990]. Остальные словари имеют научно-популярный характер. Это отличает ситуацию в археологической науке России от состояния дел в других странах, где с конца XIX века издаются археологические словари и энциклопедии, являющиеся полноценными научными изданиями.

Однако первая попытка создания научного археологического словаря была предпринята более ста лет назад. Ею может быть названа система описания артефактов и создания соответствующих дефиниций, с которой выступил В. А. Городцов на 11-м Археологическом съезде в Киеве в 1898 году. Это была первая теоретическая работа выдающегося российского антрополога. В. А. Городцов предложил систему описания древнерусской керамики и дал определения различным видам сосудов (*корчаги, горшки, чаши* и другие), их частям (*край, горло, дно* и т. п.), а также типам нанесенного на них орнамента. В основу своей системы В. А. Городцов положил принципы классификации, взятые из биологии, выделяя, например, роды, виды и семейства орнамента. В условиях отсутствия разработок по системному подходу и теории симметрии такой путь являлся принципиально новым. Исследователь призывал реконструировать мышление древних мастеров, создававших и украшавших керамические сосуды. При этом он предложил действенный инструмент для таких исследований.

Примечательно, что в своем докладе В. А. Городцов выступил не только как антрополог, но и как лингвист. Его словарь построен не по алфавитному принципу, а на логико-понятийной основе: от самого крупного сосуда (*корчага*) до самого маленького (*чашика*). Правая часть начинается с отсылки к таблицам с иллюстрациями, далее следует непосредственно определение, затем – указание на распространенность того или иного вида сосудов в современной В. А. Городцову эпохе и в археологических культурах России. После этого указываются отличительные особенности того или иного вида керамики. Обязательные для современных толковых словарей грамматическая характеристика термина и характеристика термина по его употребительности, стилистической окраске и происхождению [Гердт 1996: 298] отсутствуют. Имеет место только семантическая характеристика термина.

В определениях, данных В. А. Городцовым, используются признаки, наиболее важные и существенные для данной области знания – археологии, названы части сосудов, их размеры и форма. Например, *Корчагами мы называем большие сосуды с выдающимися плечами и вогнутым верхним краем, образующим сравнительно небольшое отверстие.*

В определениях, данных В. А. Городцовым, наряду с названиями частей сосудов и их метрикой приведены в ряде случаев указания на функцию предмета: *К категории горшков нами отнесены все сосуды с высокими боковыми стен-*

ками, удобные, по современным понятиям, для приготовления пищи [Городцов 1901: 598].

В. А. Городцов выделяет основные характеристики для построения типологии горшков, которыми мог бы воспользоваться любой пользователь словаря. То есть предложенный В. А. Городцовым в его докладе словарь носит учебную функцию, которая присуща специально издаваемым словарям [Кудашев 2007: 43].

Последовательность дефиниций частей сосудов в докладе задана расположением соответствующих элементов на сосуде от края до дна, а потом даны элементы для держания или подвешивания. В ряде случаев В. А. Городцов приводит синонимы терминов, которым дает определение: *край, бережок; шея, шейка; дно, днище.*

Особую ценность представляют описания истории отдельных частей сосудов начиная с каменного и до железного века. Такая работа до настоящего времени является уникальной.

Определения, данные В. А. Городцовым, являются родовидовыми, в них определяются понятия и термины категории предметов [Волкова 1986: 144]. Это обусловлено тем, что в его работе рассматриваются предметы и их части.

Показательно и внимание В. А. Городцова к терминологии, существующей в других языках. В его докладе приведены названия сосудов, известные по этнографическим параллелям, как на русском, так и на польском языке [Городцов 1901: 601]. Дефиниции содержат многочисленные ссылки на отечественную и зарубежную археологическую литературу, что не только подчеркивает эрудицию В. А. Городцова, но и усиливает образовательную функцию словаря.

Впоследствии то, что было опубликовано В. А. Городцовым в 1901 году в России, было открыто заново в 1970-е годы во Франции Ж.-К. Гарденом [Gardin 1976] и нашло продолжение в работах семинара «Морфология древностей» на кафедре археологии МГУ под руководством доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН Ю. Л. Шаповой. Создание научного словаря археологической терминологии является задачей как отечественных археологов, так и лингвистов.

Литература

- Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.
 Волкова И. Н. Моделирование определений в терминологических стандартах // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986.
 Гердт А. К. Научно-техническая терминология // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
 Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Археологический съезд. 11-й. Труды. М., 1901.
 Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальных целей. Helsinki, 2007.
 Gardin J.-Cl. (avec collaboration J. Chevalier, J. Christophe et M.-R. Salome). Code pour l'analyse des formes de poteries. Paris, 1976.

Русская народная фразеология Латгалии

Е. Е. Королёва

Даугавпилсский университет (Даугавпилс, Латвия)

Словарь, фразеологизмы, диалектный, просторечный, церковный

Аннотация. В докладе представлен фразеологический материал диалектного словаря, подготавливаемого к печати. Словарь дает представление об этнокультурном сознании русского населения Латгалии.

Латгалия – юго-восточная часть Латвии, край, где исторически создалась ситуация прочных межэтнических и межязыковых контактов, поскольку здесь проживают разные этносы. Это край богатых народных традиций, ремесел, фольклора, языкового многообразия. Сравнительное изучение этого многообразия возможно только на базе тщательного изучения языковых и обрядовых традиций отдельных народов и их языков. К сожалению, этнолингвистическое исследование этого феномена в Латгалии еще только начинается. Этнолингвистический подход предполагает изучение бытового и обрядового поведения народа, его менталитета, языковых и поведенческих стереотипов, аксиологии, взгляда на себя и на окружающий мир сквозь призму языка.

Автор готовит к изданию «Словарь пословиц и поговорок, сравнительных конструкций и народной фразеологии

русских Латгалии». Это первый шаг на пути этнолингвистического изучения русского народного языка Латгалии. Это уникальное собрание устойчивых словосочетаний самого разного характера: от клишированных до образных и афористических, аккумулирующих народную мудрость и многовековой опыт народа, особое мировидение и культурно-языковую картину мира. Словарь фиксирует изречения, почерпнутые из речи русских старообрядцев, православных и представителей других конфессий, из языка жителей города и села, людей разных поколений. Эти фраземы отражают как глубокую историю, так и современные инновационные процессы. Когда-то в состав Латгалии входил Пыталовский район Псковской области, поэтому в наш словарь мы включаем материал, записанный нами у старожилов Пыталова, проживавших в эпоху Первой Латвийской республики

на территории Латвии, а сейчас живущих на территории России.

Словарь строится на материале, собранном в полевых условиях и на улицах латгальских городов. Сбор материала начат мною в 1977 году.

Диалектный характер словаря проявляется в наличии диалектно окрашенных слов: *Кажён человек своё беремя должён нести*. Дгв. *Хошь гори работа, а уже старики не пустят, каждый праздник праздновали и всё срабатывали*. Крк. Особенно интересны и разнообразны в этом отношении темпоральные детерминанты: *сыспокои веков, сыспокои веку, сыспокои веков, сыспоку веков, сысстари веков; при колхозах, при немцах, при совете, при старом Ульмане, при Ульмане, при первом Ульмане, при новом Ульмане*.

Определенный пласт идиом (сравнительно небольшой) составляют фольклоризмы: *Каждый старался, кабы была зямля, отпахивали и сеяли своим беляньким рученькам*. Прл. *Шнт. И помер, сложил голову свою буйную*. Млт. *Вот лежу ночью и чую – смертынька моя идет*. Дгв. *Меня родители не отускали ни снег полоть, ни под окнами бегать* (о гадании молодежи на Рождество). Фклт.

Поскольку большая часть наших информантов – это староверы, пласт церковных фразеологизмов в их речи достаточно велик: *апостольские законы, бить поклоны, держать устав, земные поклоны, класть приходные поклоны, крещенская вода, молебственный устав, моленное погребение, молитвенный дом, молитвенный храм, рабские люди*. В настоящий момент говоры испытывают сильное влияние просторечия: *Падчерка своей хворобой умерла*. Кумбл.

Просторечие используется даже в разговорах на церковную тему: *У нас правильный крест и молитвы правильные, а православные болты откидывают*. Дгв. Представлен и материал современного молодежного сленга: *Сто пудов она меня завтра не выпишет*. Дгв. *А этот Димка страшный как моя смерть*. Дгв. *Я чувствую, завтра в школу на рогах пойдем*. Дгв. Сленговые элементы встречаются и в речи

горожан среднего и старшего поколения: *Ноль по модулю*. Дгв. *Ну, тогда все, мне будет труба с дымом*. Дгв.

Новые реалии нашей жизни находят отражение в появлении устойчивых сочетаний индивидуального характера: *Шнас жа уроков нет – сладкая неделя* (неделя, когда дети пишут научные проекты). Млт. *С нового года пойдет чистка – у кого задолженность, готовь ботиночки!* ('выселяйся'). Млт. Современная речь отличается особой экспрессивностью, повышенной эмоциональностью, а это проявляется в насыщенности фраземами речи людей, бурно реагирующих на события, происходящие в нашей жизни. Именно фраземы помогают выразить богатую палитру чувств, высокий накал страстей говорящих, их стремление играть со словом, творчески его использовать: *читали канон: первый президент России Борис Николаевич Ельцин, мне по барабану, что он первый президент России, такой же раб божий, как и все – пусть он старший помощник младшего дворника, он – раб божий и всё!* Дгв.

Нас интересуют устойчивые словосочетания междометного характера (они могут указывать на вероисповедание: например, староверы употребляют междометия *борони боже / борони бог / бронь боже*, местные православные – *упаси господи*, приезжие староверы – *спаси и сохрани*) и этикетные формулы, например благодарности: *спаси бог, спасибо давать, спаси Господи давать, большое спаси Господи: Ему спаси Господи за это давали, делал, спасал людей, а его за это продали* (донесли немцам, что он бывший красноармеец). Зуи. *Большое спаси господи за организацию конференции*. Екб.

Интересный материал представляют собой и словосочетания, используемые в качестве бранных: *пень горелый!* (о старом человеке), *болото топучее!* (о невежественном человеке).

Современная фразеология так же разнообразна и богата красками, как и язык современного многоязычного города. Социальная составляющая проявляется в ней наиболее ярко.

Номинация «женской одежды» в языковой картине севернорусской крестьянки

О. Н. Крылова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Диалектология, севернорусские говоры, женская одежда

Аннотация. В докладе рассматриваются принципы номинации, характерные для лексики одежды. Выявляются мотивировочные признаки, положенные в основу номинации исследуемой лексики.

Особую роль в отображении картины мира и создании языковой картины мира играет номинативный аспект лексики, ее непосредственная обращенность к экстралингвистической реальности. Человек по-своему расчленяет многообразие мира, по-своему делит его и затем номинирует выделенные элементы. В этой связи исследования номинации в диалектной речи представляют особый интерес.

Издавна одежда занимает важное место в жизни человека. Она выполняет знаковую функцию, позволяющую различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической и социальной принадлежности. В названиях одежды находят свое отражение особенности поведения севернорусских крестьян, их культура, традиции, обычаи, нравственные и этические нормы. Это делает одежду ценнейшим источником изучения истории и культуры народа, его этнического и социального развития.

Лексика тематической группы «Одежда» достаточно разнообразна. В данном докладе будет рассмотрено лишь несколько лексических множеств из этой обширной группы (названия сарафанов, рубах, головных уборов). Материалом исследования являются «Словарь русских народных говоров», Картоoteca СРНГ, а также региональные диалектные словари, описывающие севернорусские говоры.

В ходе исследования установлено, что номинация исследуемых лексических групп лексики осуществляется по двум принципам: 1. Номинация по признаку. Данный принцип осуществляется через ряд признаков, характеризующих предмет со стороны его различных свойств и качеств: материал, из которого сшита одежда (*кумачник, атласница, реповик*); цвет (*синяк, красостанка, полусинник*); рисунок (*дольник, мушник, клеточник*); покррой (*долгорукавка, пологрудка, проходница*); наличие складок (*борушка, грибовница,*

моршень) и др. 2. Номинация по функции. Данный принцип осуществляется через признак, относящийся к способу изготовления (*вязенка, набиванец, маренник, дубаник, красик*); признак, связанный с предназначением (*покосница, выбегайка, сенокосница*); способ ношения или надевания (*навершник, исподка*) и др.

Однако, если принять во внимание количественные характеристики – количество наименований и широту их распространения и функционирования в говорах, то роль признаков, представленных в исследуемых группах, окажется различной. Так, некоторые признаки (например, 'способ ношения', 'по лицу, для которого предназначена одежда' и некоторые другие) мотивируют единичные лексемы, распространенные на ограниченной территории. Другие (например, 'покррой', 'материал'), напротив, характеризуют целые ряды лексем, функционирующих во многих диалектах.

Выявлено, что для разных лексико-семантических групп лексики свойственны как общие, так и частные, специфические мотивировочные признаки. Это обусловлено как внеязыковой сферой, так и внутриязыковыми семантическими закономерностями. Сравним, например, две группы названий: сарафанов и женских рубах. Наиболее распространенным мотивировочным признаком для названия сарафана является состав ткани, из которой он шьется (*китаячник, сатиновик, штофник, атласник*). В микропарадигме женских рубах этот признак один из самых редких (*бумажница, понитка*). Здесь самым распространенным является мотивировочность по особенности покроя (*борочница, долгорукавка, мамышница, проходница, одностан*). Названий сарафанов, в которых отражен данный мотивировочный признак (особенность кроя), в севернорусских говорах встречается гораздо меньше (*клинчатник, кругляк, троеклинк*). В на-

званиях рубах актуальным является и функциональный признак (*сенокосница, выбегайка, вальельница, наверхница*). В названиях же сарафанов этот признак не нашел отражения. Связано это с тем, что сарафаны различались в основном материалом. Тканью определялось и то, был ли сарафан праздничным, повседневным. Видимо, поэтому мотивировочный признак не указывает на функцию сарафана.

Наблюдения над наименованиями женской одежды показывают, что локальная окраска и специфика одной и той же лексико-семантической группы в системе разных говоров русского языка достигается различными комбинациями многих компонентов:

1. Мотивировочных признаков: *покосница* – ‘рубаха из яркой ткани с вышитым подолом, надевается с поясом без сарафана на покос или жатву’. Волог., Арх. В Кадниковском уезде Вологодской губернии ее называли *наподольница*. *К сенокосу девки и бабы готовят себе чистые наподольницы – рубахи с вышитыми по подолу из красной бумаги каймами, или с обложенным кругом его лентами и кружевами*. В слове *покосница* на первый план выходит мотивировочный признак ‘предназначение одежды’, а в слове *наподольница* подчеркивается ‘название украшенной части одежды’.

2. Средств номинации (*страдовушка* – жательная рубашка).

3. Мотивировочных основ. Рассмотрим следующие лексемы: *маршетница, грибовница и борушка*. Все они обозначают женскую рубашку с оборками. Общий мотивировочный признак, лежащий в основе их наименования, – ‘наличие складок’. В севернорусских говорах оборки, складки на одежде представлены лексемами *маршеты, боры, гриб*. Они и выступают в качестве производящих основ. Лексема *грибовница* зафиксирована в вологодских говорах. *У меня грибовницы все расшиты были. А сверху грибовницы одевались*. Верховаж. Волог. В вологодских же говорах зафиксировано слово *маншетница*, лексема *борушка* – в архангельских и

вологодских говорах, там же зафиксирован словообразовательный вариант – *борочница*. *Борочницы-ти носили на сенокос*. Волог. Волог. *Невеста наряжена в сарафан, в рубашку борочницу, рукав пышной*. Пинеж. Арх. В архангельских говорах отмечены также варианты *бороченька, бороченка*.

Таким образом, в лексике языка отражается исторический, культурный опыт его носителей. Русский крестьянский мир живет по своим природным законам, основанным на коллективном принципе жизни. Это осознается и выражается на языковом уровне. За лексической единицей диалектного языка закреплена особая культурное поле, в котором отражены особенности крестьянского мировосприятия.

Процесс познания мира человеком можно представить как процесс моделирования окружающей действительности. При этом окружающий мир не просто дублируется с помощью знаковых средств, а оказывается включенным в личностную сферу человека: явления и предметы оцениваются, принимаются или отвергаются человеком, т. е. человек не только познает мир, но и оценивает его стороны и свойства с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей.

Поскольку «восприятие и осознание человеком мира оказывается производным от культурно-исторического бытия», то анализ языковой модели, репрезентирующей это восприятие, дает возможность «погрузиться» в мир ценностей русского народа.

Литература

- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. 1997.
Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 2000.
Колианский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
Павел В. К. Лексическая номинация. Кишинев, 1983.
Потебня А. А. Мысль и язык. М., 1999.

Современные тенденции в лексикографировании класса местоимений (на материале польского и русского языков)

В. Г. Кульпина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Лексикография, местоимение, словарь, эквивалент

Аннотация. Доклад посвящен новым тенденциям в описании класса местоимений в современной польской общей и двуязычной лексикографии – в лексикографической теории и в практике словарного дела.

Доклад посвящен новым тенденциям в описании класса местоимений в современной польской общей и двуязычной лексикографии – в лексикографической теории и в практике словарного дела.

В стремлении к оптимизации словарной презентации классов лексики исследователи неоднократно обращались к проблемам описания местоимений разных разрядов. В докладе содержится обзор точек зрения на проблемы фиксации местоимений в словарях; обращается внимание на проблемы установления состава данного класса лексики и его трактовку в толковых словарях польского языка. Освещается подход к описанию местоимений в двуязычной русско-польской и польско-русской лексикографии.

Проблематика лексикографирования местоимений в двуязычной русско-польской и польско-русской лексикографии связана в первую очередь с именами А. Богуславского, Я. Вавжиньчика, Й. Мендельской. В книге «О польском и русском языках» Я. Вавжиньчика [Wawrzyńczyk 2006] большое место отведено корреляциям личных местоимений польского и русского языков, а также – в ряде случаев – отсутствию таковых в виде так называемых нулевых соответствий. Описываются и переводные пары, в том числе с нулевым соответствием, в сфере указательного местоимения *to* ‘это, то’. Я. Вавжиньчик указывает, что во имя стилистической и прагматической чистоты перевода регулярные нулевые соответствия необходимо со всей тщательностью фиксировать в словарях. А. Богуславски и Я. Вавжиньчик считают целесообразным в переводных двуязычных словарях выходить за рамки непосредственно категориальных соответствий (и учитывать регулярные контекстные соответствия). В экспериментальном переводном словаре А. Богуславского «Польско-русские лексикографические материалы» [Bogusławski 2008] обращает на себя внимание презентация нижеследующих указательных местоимений:

tak ‘так’, *taki* ‘такой’, *ten* ‘этот’, *to* ‘это, то’ – и русская эквивалентика полифункциональных комплексов прономинального характера на базе этих местоимений. Речь идет о таких формах, как, например, *tak czy tak* ‘так или так’, *coś takiego* ‘такое, нечто такое’, *jest taka rzecz* ‘вот какое дело’, *jest taka sprawa* ‘вот что’, *jakiś taki* ‘какой-то’, *tego rodzaju* ‘такого рода, подобного рода, подобный’ (Ibidem). Русская эквивалентика приведенных выше формаций демонстрируется в соответствующих минимально достаточных контекстах.

Я. Вавжиньчик считает проблематику совершенствования описания местоимений в словарях чрезвычайно плодотворной и привлекательной в исследовательском и практическо-лексикографическом плане [Wawrzyńczyk 2006]. Новейшие тенденции в описании этого класса лексики, ориентированные на полноту презентации переводных соответствий (включая особенности акцентуации, место в предложении и возможные опущения при переводе) нашли свое выражение в самом последнем из недавно вышедших двуязычных словарей, а именно в Новом русско-польском польско-русском словаре (NRPPR – [Nowy słownik... 2008]) – как в корпусе словаря (см., напр., [Nowy słownik... 2008: 51, 261–262, 525, 595 и др.]), так и в Приложении к нему в разделе «13. Формы вежливости» [Nowy słownik... 2008: 1262].

Литература

- Wawrzyńczyk J. O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask, 2006.
Bogusławski A. Polsko-rosyjskie materiały leksykograficzne. Łask; Warszawa, 2008.
Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski / Red. naukowy Jan Wawrzyńczyk; Autorzy haseł: J. Wawrzyńczyk, H. Bartwicka, V. Kulpina, E. Małek; Autorka zarysu gramatyki V. Kulpina. Warszawa, 2008.

Расширение сферы действия лексемы *такой* в современной русской разговорной речи

А. Б. Макарова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), Университет Трумсё (Трумсё, Норвегия)

Сфера действия, корпус, прототипическое значение

Аннотация. Корпусное исследование сферы действия лексемы *такой* в современном русском языке. В письменных текстах *такой*, зачастую выполняя анафорические функции, обеспечивает текстовую связность. В устных текстах *такой* переходит в область дискурсивных единиц, приобретает новые функции и представляет собой коммуникативную частицу, актуализирующую в потоке речи ту или иную информацию. Выделив прототипическое значение лексемы, мы попытались с помощью инструментов когнитивной лингвистики описать развитие значений.

Прототипическое, словарное значение лексемы *такой* – указание на свойство, качество некоего объекта, можно трактовать как отнесение объекта к некоторому классу (анафорическое или катафорическое) или выделение из класса. *Такой* при этом может как относиться ко всему классу, из которого выделяется та или иная единица, так и отсылать к признаку, на основании которого происходит выделение. Неочевидно, однако, как это определение помогает при интерпретации употреблений лексемы в современной разговорной речи.

Чтобы проследить логику и ход развития дальнейших значений и употреблений лексемы, мы обратились к описанию ее сферы действия, основываясь на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ – примеры, если не указано специально, взяты из НКРЯ, www.ruscorpora.ru).

В результате проделанного анализа стало возможным сгруппировать некоторые типы употреблений следующим образом (для наглядности на примерах):

(1) По народному обычаю требуется, чтобы невеста ехала к венцу обязательно в шубе и в шали, привезенных женихом. Если жених беден и не может купить **таких** подарков, то берет эти вещи на время у своих родственников [Свадьба тюменских старожилов // Народное творчество. 18.10.2004].

Употребления такого типа можно условно назвать интенциональными. Здесь *такой* означает ‘обладающий определенными признаками и свойствами’

(2) **Такою** хочю! Вот хочю **такою**, на такой и женюсь! [Модест Колеров, Виталий Куренной. Народная «картинка» и конкурентная среда // Отечественные записки. 2003].

Дейктическое употребление. Зачастую очень похоже на интенционал. Граница между этими двумя типами весьма размыта. Наиболее ясное отличие (2) от (1) состоит в том, что (2) как будто бы сопровождается указательным жестом. Трудно говорить о первичном и вторичном значении, скорее всего, интенционал и дейксис – две основные, исходные, прототипические функции лексемы *такой*.

(3) Там же есть **такая** студия «Московские окна» / занимающаяся записью именно авторской песни [Александр Филатов. Радиопрограмма «Полнолуние», посвященная авторской песне Е. Болдыревой. «Радио-Пик». Иркутск, 2000–2004].

Интродуктивная функция. Здесь интересны дополнительные прагматические функции: в большинстве случаев presupпозиция говорящего заключается в том, что слушающий этот объект (этого персонажа) не знает. Интродуктивную функцию можно считать разновидностью дейктической функции.

(4) Эпиантус / это **такая** складочка в углу внутренне-го глаза [Беседа с Д. Арбениной, лидером группы «Ночные снайперы». «Школа злословия». Канал «Культура» (2003.12.08)].

Дефиниция, нестрогое определение. *Такой* несет дополнительную прагматическую функцию, указывает на то, что говорящий допускает или даже подчеркивает неточность формулировки.

(5а) Нет, салатные, салатные кеды, ну, **такой** очень салатный цвет, ну, стандартная полоса, да?

(5б) **Такая, такой**, треш вообще полный просто...

(5в) Он **такой** в гости приходит, на званый ужин, ааа, он со своей девушкой приходит, а там **такой** дворецкий, знаешь.

(5г) А Петя **такой**, говорит... [Примеры 5а, б, в, г из корпуса разговорной речи, составленного на кафедре Общего языкознания СПбГУ].

Все эти примеры можно объединить в один тип, где *такой* выполняет функцию актуализатора ситуации, иногда

добавляет указание на неточность подобранных языковых средств, иногда является заполнением пауз хезитации. В примерах (5а) и (5б) *такой* заполняет паузу, необходимую говорящему для выбора подходящего слова. В примерах (5в) и (5г), характерных для пересказа, говорящий как будто хочет приблизить происходящее к моменту речи, как будто комментирует происходящее собственно в момент речи. В случае актуализации ситуации, несмотря на то что *такой* согласуется в роде, числе и падеже только с одним элементом в пропозиции, сфера действия *такой* распространяется значительно шире, не только на согласованный член, но на всю пропозицию.

(6а) Я прям **такая** радостная [Праздний разговор молодых людей. Московская область (2005)].

Этот случай можно считать пограничным между актуализацией ситуации и тем, что мы условно назовем наречной функцией.

(6б) Остались «за кадром» и «романы», в которых порой кипели нешуточные страсти, – «романы», конечно, детские, но **такие** важные для формирования взрослого человека! [М. Э. Боцманова, Р. Д. Триггер. Изучение психологии подростка в лаборатории Д. Б. Эльконина // Вопросы психологии. 10.02.2004].

Здесь у местоимения *такой* значение ‘очень’, ‘столь’. Наречная функция.

(6в) И бедный Путин **такой** впечатлительный, что поддался его убеждениям? [Анатолий Чубайс, Елена Трегубова. Власть должна быть жесткой // Коммерсантъ-Власть. № 30. 01.08.2000].

Такой в значении ‘настолько’.

Развитие значения от интенционала к наречным значениям можно описать следующим образом: в случае интенционала речь идет о некоем объекте, наделенном определенными свойствами и признаками (объект X, для которого характерен признак A). В случае наречного значения имеем некий объект Y, для которого характерна высокая или высочайшая степень проявления признака B. Получаем метонимическое изменение значения. От просто признака как некоего континуума, оси к высшей степени проявления этого признака, то есть точке на оси.

Развитие значения от интенционала к дефиниции также может быть рассмотрено как метонимическое. Вместо указания на признак, на основании которого выделяется объект, происходит отсылка к классу объектов действительности, которые обладают такими признаками. То есть характерная черта объекта, в данном случае класса, вместо самого объекта. При этом для дефиниции наблюдается следующее развитие значения.

Рассмотрим искусственные примеры: 1) *Фумигатор – это такой прибор от комаров*. 2) *Ну, фумигатор – это такой прибор*. В первом случае из класса приборов выделяется подкласс приборов, которые обладают набором признаков, свойств: помогают против комаров. Во втором же случае никакого уточнения нет, из формулировки следует лишь то, что этот объект относится к большому классу приборов. Это явление снова можно трактовать через метонимию: вместо того чтобы дать определение подкласса, указать на подкласс, к которому относится объект, дается отсылка к более высокому уровню – к классу. Указание на целое вместо указания на часть целого. Для такого типа примеров характерно дополнительное указание на хезитацию и неточность формулировки.

С помощью механизмов когнитивной лингвистики мы попытались описать развитие значений и показать, что непохожие на первый взгляд примеры оказываются вполне объяснимыми, если посмотреть на них сквозь призму когнитивного подхода.

Семантика стыда в сербском и русском языках*

Д. Мирич

Университет г. Нови-Сад (Нови-Сад, Сербия)

Стыд, эмоциональный модус, сербский язык, русский язык

Аннотация. В сообщении рассматривается семантика стыда как вид эмоционального модуса, делается попытка определения семантических признаков модуса и пропозиции, отражающей каузативную ситуацию эмоциональной реакции. Выявленные семантические признаки используются как основа сопоставления средств выражения семантики стыда в сербском и русском языках.

Семантика стыда как языковое отражение универсальной эмоции стыда является также универсальной и поэтому может служить основой для сопоставительного описания двух языков, в данном случае сербского и русского. В сложной системе субъективных смыслов, обнаруживаемых в языковом содержании, значение 'стыда' занимает особое место, допуская подход к описанию как с точки зрения социоэтических концептов, так и с точки зрения психологического состояния. Стыд как социооценочный и этический концепт на русском языковом материале рассматривается в [Арутюнова 1997], [Арутюнова 2000]. На материале сербского языка концепт 'срамота' анализируется в [Ристић 2003]. Семантика стыда как разновидность состояния в русском языке затрагивается в [Матханова 2005] и в [Казарина 2002]. Наше внимание будет направлено на смысловой компонент 'стыда' как на эмоциональный модус, именно с опорой на его психологическое толкование как эмоциональной реакции, в значительной степени ценностно мотивированной.

Сербский и русский язык, будучи родственными, номинируют эмоцию стыда совпадающим набором лексем: *стид*, *срам*, *срамота*, *брука* (в сербском) и *стыд*, *срам*, *срамота*, *позор* (в русском языке). Существительные *стидљивост* / *стыдливость*, *застенчивост* номинируют признак личности. К этому набору средств присоединяется предикатив *стыдно* в русском языке, сербские глаголы *стидети се*, *срамити се*, *срамотити (се)*, *брукати (се)* и их русские эквиваленты *стыдиться (ся)*, *срамиться (ся)*, *позориться (ся)*. К семантическому полю стыда примыкают и русские предикативы *совестно* и *неудобно*, также как и сербский *незгодно*, и глаголы *устезати се*, *устрачавати се*.

Отправной точкой анализа будет служить синтаксическая конструкция предикатив + дательный п. (*мне стыдно*) как прототипическое средство выражения состояния в славянских языках, проявлением которого является и эмоция стыда. Расхождение между сербским и русским языками наблюдается как раз на этом плане: место предикатива на -о, отсутствующего в сербской системе, занимает имя существительное, требующее к себе винительного падежа (*стид / срам / срамота ме је*). На наличие данной конструкции указывается в [Поповић 2007]. Это синтаксическое несоответствие раскрывает разницу между двумя языками на уровне семантических ролей: в русском языке модальный субъект осмысливается как экспериенсер, а в сербском как пациент. Одновременно оно указывает на несколько иное осмысление эмоции стыда в сербском языке как внешне вызванного состояния, активно действующего на субъекта.

Другими семантическими признаками модуса 'стыда' являются статальность, неконтролируемость и отрицательная

оценка («-», минус), поскольку эмоция стыда в культурах изучаемых языков считается отрицательной (*тежак стид*, *неподношљив стид / тяжкий стыд*, *мучительный стыд*). В этот набор смысловых признаков следовало бы включить и отрицательную оценку модального субъекта, даваемую им самим себе или другим лицом (*Стид ме, што...; Како ме је срамота...; Како те није срамота; Стид те било... / Мне стыдно...; Как тебе не стыдно и под.*). Валентность модуса на говорящее лицо, т. е. совпадение субъекта речи и модального субъекта, имеет результатом интерпретацию эмоции, тогда как валентность не на говорящего (например, на адресата) обуславливает появление иллокутивного значения упрёка: *Срамота, ваше село цело у четницим!* (Посић); *Брука и срамота! / Как тебе не стыдно говорить такие слова! Позор!*

В данном случае модус и мотивирующая пропозиция согласуются по оценке: пропозиция, как и модус получает оценку «-», поскольку обозначаемая ситуация считается несоответствующей социальной системе ценностей.

При общем совпадении лексемного набора между сербским и русским языками наблюдаются некоторые расхождения. Лексема *стид* в сербском языке закреплена за чувством, эмоциональным состоянием, а *срам* примыкает к ней. С другой стороны, лексема *срамота* в сербском языке относится в первую очередь к уничижительному положению, бесчестью. Такое распределение значений подтверждается глаголами *стидети се* и *срамити се* (чувствовать стыд) и *срамотити се* (покрывать себя позором, срамиться). Русское существительное *стыд* по основному значению совпадает с сербским *стид*, тогда как русское *срам*, как и *позор*, не относится к чувству и совпадает с сербским *срамота*, *брука*.

В работе будут более детально рассмотрены и другие средства выражения данного значения, включая периферийные.

Литература

- Арутюнова Н. Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. 1997. № 2.
 Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Языки этики. М., 2000.
 Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке. Елец, 2002.
 Матханова И. П. Поле состояния в современном русском языке: прототип и его окружение // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 2005.
 Поповић Љ. Аргументска структура глагола емотивног стања у словенским језицима // Зборник Матице српске за славистику. 71–72. Н. Сад, 2007.
 Ристић С. Национална етика и култура у концептима неких речи српског језика // Зборник Матице српске за славистику. 63. Н. Сад, 2003.

Семейно-родовые прозвища в болгарских селах Запорожской области

А. Ф. Михина

Донецкий национальный университет (Донецк, Украина)

Имя собственное, семейно-родовое прозвище, антропонимическая формула

Аннотация. В докладе рассматриваются семейно-родовые прозвища первых поколений болгар, переселившихся из Бессарабии в Таврию. Названные прозвища анализируются в аспекте их структуры и трансформаций во времени. Особое внимание акцентируется на использовании прозвищ этого типа в современной устной речи болгар, проживающих в селах Бердянского и Приморского районов Запорожской области Украины. Установлены основные типы антропоформул с использованием семейно-родовых прозвищ.

Семейно-родовые прозвища (далее – СРП), в составе которых личные имена глав рода первых поколений болгарских переселенцев в Таврию функционируют в неофициальной сфере их бытования, в условиях иноязычного вос-

точнославянского окружения проявляют три тенденции: 1) к патриархальности СРП первых поколений переселенцев из Бессарабии; 2) к дальнейшему развитию многочисленных СРП у новых поколений; 3) в решении вопросов

* Работа выполнена при поддержке Министерства науки Республики Сербия, грант № ОН 148010.

идентификации лица – к активизации всех типов и моделей личных и фамильных имен, прозвищ, а также коллективных и индивидуальных прозвищ.

Материалом для исследования послужили полевые записи, сделанные автором в 9 болгарских селах Бердянского и Приморского районов Запорожской области: Андровка (Андр.), Луначарское (Лун.), Палаузовка (Пал.), Софиевка (Соф.), Трояны (Тр.), Бановка (Бан.), Вячеславка (Вяч.), Коларовка (Кол.), Преслав (Прсл.).

Самыми древними по времени происхождения являются СРП с двумя-тремя личными именами в их основе. Подобные СРП достаточно специфичны и противоречивы одновременно: а) включенные в их состав личные имена обладают номинативной, но не характеризующей функцией; б) они наследуются, но не являются фамилиями; в) функционируют в именовании лица, но не документируются на официальном уровне; г) сфера их употребления ограничена – пока жива память об основателях рода; д) в отличие от личных имен и фамилий как нейтральных знаков СРП свойственна древность, традиционность и историческая значимость; е) СРП стабильны, а их изменчивость возможна лишь в ограниченных лексических и грамматических пределах: от трех- до одноосновных образований; ж) официально регистрируемые фамилия, личное имя и отчество лица могут совпадать, в то время как СРП являются последним и важнейшим звеном в процессе идентификации лица, реализуя в антропформуле ответ не только на вопрос «кто ты?», но и «чей ты?».

В СРП старших поколений выделяются отонимные и отапельлятивные типы, которые представлены такими структурными моделями: а) два-три личных имени в составе СРП – *Гирокостадинови* (Соф.), *Джурониколови* (Андр.), *Колостоеви* (Лун.), *Лалкомиялови* (Соф.), *Вантумиялувасилови* (Кол.), *Гроздеванувгьоргеви* (Пал.), *Димовгьоргеви* (Вяч.), *Ристювванувгьоргеви* (Бан.), *Пейчославишвануви* (Тр.), *Скарлатувмитруволодеви* (Вяч.); б) аPELLЯТИВ *аджи* (< *аджия* 'лицо, совершившее паломничество в Иерусалим') в сочетании с двумя личными именами – *Адживасилевколови* (Прсл.), *Адживасиловмитрови* (Прсл.), *Аджиивановмитрови* (Прсл.); в) термин родства и личное имя (или андроним) – *Дядуигнатови* (Лун.), *Дядулеткуколови* (Вяч.), *Бабинистепаньчини* (Вяч.); г) индивидуальное прозвище (ИП) в сочетании с личным именем – *Гулямгюргакови* (Тр.), *Смокуганчови* (Соф.), *Табакянчови* (Соф.), *Урумувжельови* (Пал.); д) одно личное имя в основе СРП – *Вакови*, *Вачкови*, *Гогови*, *Станкови*, *Стойчови*; *Донкини*, *Керини*, *Миланини*, *Цветини*; е) андроним в структуре СРП – *Иванчини*, *Даменчини*, *Манолчини*, *Радиончини*.

В особую группу выделяются СРП, восходящие к фамилиям: *Бакърови* (< фамилия *Бакарждиев*) – Андр.; *Козирови* (< фамилия *Козырев*) – Соф.; *Кисайци* / *Кисейци* (< фамилия *Киосев*, *Киосов*) – Пал., Соф.; *Калцуневи* (< фамилия *Калицев*) – Соф.

Следует также отметить, что в анализируемом материале представлены СРП, созданные на базе топонимов (*Киев-*

ските, *Кримските*), катойконимов (*Москвички*, *Хабаровци*), этнонимов (*Калмукови*, *Молдованци*, *Руснаци*), годонимов (*Кисейската*, *Мариновската*, *Матевската*, *Смоковската улица*).

Особый интерес вызывают СРП, базирующиеся на индивидуальном прозвище (без указания на личное имя): *Таралешови* (< болг. *таралеш* 'еж'), *Шкембови* (< болг. *шкембе* 'пузо'); *Гуцерови* (< болг. *гуцер* 'ящерица'), *Кишмишови* (< тюрк. *кишмиш* 'виноград'), *Галушкови* (< укр. *галушка*), *Цигульчови* (< болг. *цигулка* 'скрипка').

Функционирование СРП в устной речи болгар реализуется в антропонимических формулах: 1) двухсловных с опорным личным именем или андронимом – *Митькаламбуви Сашу*, *Гошувтанасува Оля*, *Антонкувачув Антон*, *Павлувануичинта Дона* (Лун.), *Кирилутодоровиванува Мария*, *Наноилиеваиванува Стефана*; *Кируиванувантелеевата Стьопкувица*, *Маврувмитькува Митевица*, *Тодорчингергова Гьошуввица* (Кол.), *Бануввасилева Костувица* (Прсл.); 2) с опорным аPELLЯТИВом – *Матюстепанувиваново момиче*, *Петкувстепанув старью*, *Сашувица младата*; 3) многословные описательные антропформулы: *на Сонята Аджииколовата*; *на Яшукучириув Мишу жена му*; *Танювата Стьопка от Танювгергювите от Танювгергювивановите*; *на Танасувата Дьома от Скарлатувтанасувите* и др.

В устной речи также происходят процессы трансформации трехосновных СРП в двух- и одноосновные: *Наноилиеванови* → *Наноилиеви* → *Нанови*; *Тодориваненнови* → *Тодорненнови*; *Кяшиувнавлеви* → *Кяшиуви*.

Таким образом, проведенное исследование позволяет формулировать такие выводы:

1. Наибольшей продуктивностью и частотностью характеризуются двухосновные СРП как наиболее мобильные и достаточные для идентификации лица.
2. Наиболее значимыми и информативными являются двух- и трехосновные СРП.
3. Самые нестабильные во времени – это одноосновные СРП, образованные от личных имен и прозвищ.
4. Разнообразие семантических и словообразовательных признаков, а также степени отраженности изменений в жизни села, города, страны выявляют одноосновные СРП, созданные на базе индивидуальных прозвищ.
5. Репертуар личных имен в составе двух-, трех- и частично одноосновных СРП демонстрирует патриархальный именник середины XIX в. Однако личные имена в составе антропформул обнаруживают новые тенденции в развитии системы личных имен болгарской диаспоры Украины.
6. Сохранение болгарской национальной антропонимической системы и ее функционирование в неофициальной сфере является показательным этноразличительным признаком болгарской диаспоры в Украине.
7. Антропонимические формулы идентификации лица (адресные и описательные) – это ценное свидетельство фиксации в народной памяти в течение почти ста пятидесяти лет всего богатства традиционного болгарского антропонимикона за пределами метрополии.

О Шарике, Жучке, Мурке и сером волке (ономастиологические заметки)

В. Е. Моисеенко

Западно-венгерский университет (Сомбатхей, Венгрия)

Цвет, номинация, домашние животные

Аннотация. Выступление посвящено выявлению завуалированного цветового качества как мотива первичной номинации домашних и диких животных в русском и других славянских языках.

В славянских языках и диалектах первичная номинация домашних и диких животных часто связана с окрасом, с цветом внешних покровов, с мастью. Не всегда аPELLЯТИВЫ, называющие животных, обладают «прозрачной» цветовой семантикой, как, например, в русском языке в случаях с субстантивом «серый», называющим волка или «рыжая» о лисе. Нередко цветовое качество как мотив первичной номинации домашних животных совсем не очевидно, его не так просто выявить. Устанавливая этимоны – первичные значения четырех означенных в заголовке ономастических единиц – распространенных в русской речи кличек домашних животных – собак-дворянжек *Шарика* и *Жучки* и простой, «беспородной» кошки *Мурки*, а также

диалектного *Босый* (*Боско*, *Буско*), называющего разных животных, мы подчеркиваем их типологическое родство, которое основано на единстве устойчивых семасиологических характеристик, восходящих к определенному цвету или масти.

Названия собаки в славянских языках разнообразны по происхождению. Вместе с тем в названиях собаки по цвету или по масти просматривается устойчивая тенденция, которая состоит в том, что они в основном являются лексическими трансформациями, которые не имеют генетической связи с первичным и.-е. *kiḥn* – «собака». Сближения и переходы имен собственных в нарицательные на примерах *Шарика*, *Жучки*, *Мурки*, *Буско* (которые рассматриваются

подробно в полном тексте доклада) вполне соответствуют общеславянской модели образования наименований домашних и диких животных по окрасу. Это можно проследить и в наши дни в разных частях Славии. Ср. ряд случаев: в сев.-рус. говорах: «белая карова – бялоха, бурая – бурёха, пёстрая – пястрёха»; «бурка – кличка быка или коня бурой масти, а также кличка собаки; буришка – кличка поросенка; бурёнка, бурёха (буроха), буреня, бурёшка – кличка коровы, собаки», серко – кличка собаки». «А лошади и гнятко и сифка, и пядан, и рышко были, ёта ня клички, а прбста». Бруня – кличка коровы – от общеслав. «цветового» глагола *бронеть* / *брунеть* – «1. светлеть; отливать желтоватым, серым, красным цветом; 2. созревать, становясь темнее». *Пестрава, пестравка, пестравушка, пестрянка* – (волог.) – пестрая скотина, корова; *пеструха, пеструшка* – кличка пестрой коровы или курицы. На Балканах (Восточная Герцеговина) также отмечается сходное явление: «Псима дају имена према длаки: шаров, гаров, бјелов итд.» – «Собакам дают клички (по цвету) шерсти: “пегаая, пятнистая”, “черная (темная)”, “белая” и т. д.»

Ср. еще несколько типологически сходных примеров из др. слав. языков: общеслав. *муругий* < **marogъ*, обозначающее преимущественно различную масть животных в пределах «пятнистый, полосатый» или «бурый, грязный, темный». В словен. яз.: *maroga* – «корова темной пестрой масти», *marogašca* – «белая овца с грязными пятнами на голове», *morog* – «кличка собаки в Далмации и у хорватов-кайкавцев»; в чешск.: *morák – krocán, morovatý pes, kocour* – «индюк, пятнистый пес, кот», *morouš – morovatá kočka, mourovatý dobytek* – «темная, темносерая полосатая кошка, пестрый скот». Ср. также др. чешские апеллятивы – названия лошади гнедой масти, восходящие к праслав. **gnědъ(jь)*: *hnědý kůň: hnědák, hnědáček, hnědka, hnědec, hnědička, hnědouš* или однокорен. рус. и укр. *гнедоко, гнідоко* и др.

Типологически однородными в разных славянских языках представляются также нарицательные имена животных, образованные от общеслав. **polъ(jь)*, родственного и.-е. цветоименованиям с корнями **pal-* / **pel-* / **pol-*. Например, в хорв.: *plavica, plaveka, plavka, plaveša, plavuša, plavuška, plavojka, plavoška, plavulja, plavuljka* – «о кобыле, корове, овце, козе, курице»; *plavac, plavo, plavko, plavonja, plavan, plavina* – «о коне, быке, козле». В верх.-луж.: *plowak* – «бледно окрашенный вол». В польск.: *plowysz* – кличка вола по масти, *plowysza* – кличка коровы по масти. В словац.: *plavko* – «буланая лошадь», в чешск.: *plavek, plavko* – *plavý vůl, plavka* – jméno krav od barvy plavé.

Некоторые аспекты лексической вариантности в польском языке

В. О. Нечаевский

Военный университет МО РФ (Москва, Россия)

Лексика, норма, вариантность

Аннотация. На примере лексики польского языка раскрывается сущность такого явления, как варьирование двусторонних языковых единиц.

Проблема вариантности как фундаментального свойства языка затрагивает в той или иной степени различные языковые уровни. Лексическое варьирование представляет особый интерес для изучения, поскольку, по словам В. М. Солнцева, «чем выше уровень системы, тем многообразнее различия между вариантами» [Солнцев 1977: 3].

Особенности варьирования единиц лексического уровня языка состоят в том, что репрезентирующие единицы данного уровня являются двусторонними, т. е. обладающими знаковой формой и значением. Вследствие этого для лексики характерно развитие отношений противопоставления категорий «инвариант» – «вариант» независимо для плана выражения и для плана содержания. На примере лексики польского языка рассмотрим некоторые аспекты вариантности единиц данного языкового уровня.

При изучении варьирования знаковой формы в качестве одного из основополагающих принципов следует учитывать сохранение морфологического тождества слова [Горбачевич 1978: 14]. В этом случае выделяют орфографические варианты (*coctail – koktejl*), варианты с различными суффиксами (*drwalnia – drwalka*) или бессуффиксальные варианты (*fokowy – foczy*).

Литература

- Андерсен Х. Взгляд на славянскую прародину: Доисторические изменения в экологии и культуре // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 65–106; № 6. С. 31–40.
- Архангельский областной словарь. Вып. 1–11. М., 1980–2001 (изд. продолж.).
- Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сб. ОРЯС. т. LXVIII. № 4. СПб., 1901. С. 19–163.
- Гринченко Б. Словарь украинского языка. Т. 1. Киев, 1907.
- Даль В. Словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1880–1882.
- Исаченко А. В. Словацко-русский переводной словарь. Т. 1–2. Братислава, 1957.
- Мишовић Љ. Живот и обичаји Поповца // Српски етнографски зборник. Књ. LXV. Београд, 1952.
- Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1959.
- Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–12. Л. (СПб.), 1967–1996.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26. М., 1975–2002.
- Словарь русских донских говоров. Т. 1–3. Ростов-на-Дону, 1975–1976.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 1–36. Л.; СПб., 1965–2002.
- Словник української мови. I–XII. Київ, 1970–1982.
- Трубачёв О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1956.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. I–IV. М., 1964–1974.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь совр. русского языка. Т. 1–2. М., 1994.
- Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 1–30. М., 1974–2004 (изд. продолж.)
- Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. I–III. Ljubljana, 1976–1995.
- Herne G. Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala, 1954.
- Jungmann J. Česko-německý slovník. D. I–V. Praha, 1835–1839.
- Kartowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. I–VIII, Warszawa, 1953.
- Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Muka A. Słownik dolnosербскегe rěcy a jeje narěcow. I–III. СПб., 1911–1915; Praha, 1926–1928.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Izd. Jugoslav. akad. znanosti i umjetnosti. Knj. I–XXIII. Zagreb, 1880–1973.
- Slovar slovenskega knjižnjega jezika. Drugi ponatis. Izd. SAZU, Ljubljana, 1997.
- Sychta B. Słownik gwar kaszubskich. T. I–VI. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1973.

На иных принципах построена вариантность единиц плана содержания лексического уровня языка. В этом случае на первый план выходит семантическое тождество. Лексические варианты при этом будут объединять полные синонимы (слова, допускающие взаимное замещение в синтаксических и лексических сочетаниях) и внутриязыковые эквиваленты (слова, не допускающие взаимозаменяемости в рамках одной лексико-семантической парадигмы). Рассмотрим некоторые случаи подобного рода лексической вариантности в польском языке.

Одним из факторов, способствующих возникновению вариантности единиц плана содержания, является наличие в литературном языке лексем, происходящих из различных территориальных диалектов (т. н. бывших и нынешних регионализмов). Учитывая особенности исторического развития польского языка, наличие в настоящее время значительного количества подобного рода лексических вариантов не является удивительным. Вот лишь наиболее известные примеры: *borsuk – jaźwiec* ‘барсук’, *bakłazan – oberżyna* ‘баклажан’, *gacek – nietoperz* ‘летучая мышь’ и мн. др.

Другим важным источником возникновения вариантности единиц плана содержания является проникновение в язык

иноязычных (прежде всего англоязычных) лексических заимствований. Польский язык не является исключением: *agresor – napastnik* ‘агрессор’, *ofensywa – natarcie* ‘наступление’, *pertraktacje – rozmowy* ‘переговоры’ и др. Увеличение количества вариантов в области общественно-политической лексики в силу известных причин особенно активно начало происходить в последние двадцать лет, когда появились такие вариантные пары, как: *kompatybilność – zgodność* ‘совместимость’, *bilateralny – dwustronny* ‘двусторонний’, *akcesja – wstąpienie* ‘вступление’, и др. [Нечаевский 2007: 214–215].

Особенностью польского языка является распространение данного явления в терминологии, относящейся к различным областям: ботанике (*geranium – bodziszek* ‘герань’), медицине (*defteryt – błonica* ‘дифтерит’), химии (*alkalia – zasady* ‘щёлочи’), физике (*inercja – bezwładność* ‘инерция’), технике (*karburator – gaźnik* ‘карбюратор’) и т. д.

Вышеперечисленные случаи являются проявлением лексической вариантности при синхронном «языковом срезе». Однако и при проведении диахронических исследований указанной проблемы выявляются случаи вариантности единиц плана содержания. В этом случае вариантами являются обозначающие одну и ту же реалию устаревшее и ныне употребляемое слова, например: *desperacja – rozpacz* ‘отчаяние’, *banicja – wugnanie* ‘изгнание’, *jantar – bursztyn* ‘янтарь’ и т. д. При этом для устаревания лексемы не обязательно наличие большого промежутка времени. Для примера остановимся подробнее на ситуации с терминами наименования стрелкового оружия, складывавшейся в польском языке во второй половине XX столетия. Так, до конца 1960-х годов автомат АК назывался по-польски *pistolet maszynowy Kalasznikowa* (pmK) [Mała encyklopedia wojskowa 1970: 623].

В 1970-е годы в польском языке появился термин *karabin automatyczny*, который стал употребляться в отношении западных образцов стрелкового оружия [Encyklopedia techniki wojskowej 1978: 248]. Кроме того, произошло некоторое переосмысление содержания термина *karabinek*, вследствие чего в конце 1970-х годов автомат АК уже называют *karabinek AK* (kбк АК) [Encyklopedia techniki wojskowej 1978: 258]. В 1980-е годы в польском языке появился термин *karabinek automatyczny* и данный вид стрелкового оружия стали называть *karabinek automatyczny AK* [Torecki 1985: 191]. В настоящее время наиболее часто в отношении автомата Калашникова употребляется термин *karabin automatyczny AK* (см.: [Encyklopedia najnowszej broni palnej 2001]).

Представленные выше лишь некоторые аспекты вариантности единиц лексического уровня языка продемонстрировали, насколько масштабна и многогранна эта проблема, исследование которой не теряет своей актуальности.

Литература

- Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
 Нечаевский В. О. Лексические заимствования из английского языка как источник развития лексико-семантической вариантности (на материале общественно-политической лексики польского языка) // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Сб. материалов международной научной конференции 20–21 сентября 2007 г. Н. Новгород, 2007. С. 213–215.
 Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд., доп. М., 1977.
 Encyklopedia najnowszej broni palnej. Warszawa, 2001.
 Encyklopedia techniki wojskowej. Warszawa, 1978.
 Mała encyklopedia wojskowa. Т. I–III. Warszawa, 1970.
 Torecki S. Broń i amunicja strzelecka LWP. Warszawa, 1985.

Старославянская традиция в современной русской и чешской христианской терминологии

С. А. Никифорова

Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия), Университет им. Масарика (Брно, Чехия)

Старославянский язык, русская и чешская терминология, христианство

Аннотация. В старославянском языке была разработана сложнейшая терминологическая система для обозначений новых для славян реалий. Современные славянские языки сохранили эту систему в разной степени, часто отражая в национальных терминосистемах христианства как общеязыковые, так и ментально обусловленные тенденции развития.

Христианство как теологическая система, отражающая и формирующая универсальные ценности европейского человека, издревле определяло ход развития культуры европейских народов, а потому исследование христианского религиозного дискурса в диахронии приобретает особое значение в изучении истории культуры Европы. Терминология христианства как система лексических единиц для обозначения важнейших понятий религиозного знания, не только отражающих, но и во многом моделирующих образ мира христианина, формируется на протяжении длительного периода истории религии и на синхронном уровне закрепляет наиболее актуальные фрагменты картины мира христианина в той или иной культурной среде.

Ранняя славянская христианская терминология, созданная в старославянском языке Кириллом и Мефодием, а затем их учениками, безусловно, стала базовой для национальных терминологий христианства всего славянского ареала. На этапе формирования национальной христианской терминологии после разделения католической и православной церквей старославянские лексические единицы-термины репрезентируют соответствующие культурные и теологические воззрения (в ареалах *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa*).

Православная ветвь христианской церкви во многом сохранила старославянские терминологические единицы, в то время как католическая, а затем и протестантская церкви разработали новую, основанную на признаках национальной языковой картины мира систему терминологических единиц, не только вобравших в свою семантическую структуру собственно славянские представления о фрагментировании мира, но и достаточно точно отражающих содержание христианского термина, во многом устоявшегося к более позднему времени их формирования.

Отличия в подходах к базовым христианским понятиям могут касаться принципиальных положений религии – тол-

кования догматов, представлений о первичности / вторичности нравственных установок, отношения к иудейской традиции и т. п. (ср.: ст.-сл. *Пасха, Великъ день* / рус. *Пасха, Великий день*, чеш. *Velikonoše*, ст.-сл. *благодать* / рус. *благодать*, чеш. *milost*, ст.-сл. *прѣлюбодѣяние* / рус. *любодѣяние*, чеш. *cizoložství, smilstvo*, ст.-сл. *любь* / рус. *любовь*, чеш. *lásky*, ст.-сл. *въскръсение* / рус. *воскресение* / чеш. *zmrtvýchvstání apod.*)

Композиты-термины в ранних церковных текстах (в X–XI вв. в старославянском языке, в XI–XIV вв. в русской истории и XIV–XVI вв. в истории чешской), на наш взгляд, наиболее точно отражают процесс адаптации сложных теологических понятий на славянской почве, так как при калькировании композита (с соответствующего греческого или, реже, латинского сложного слова) каждая славянская система (здесь – русская и чешская) предлагает для содержательного, смыслового наполнения термина свои базовые, ментально окрашенные, связанные с культурной и теологической традицией компоненты. (ср., например, ст.-сл. *богочъстивъ, благочъстивъ*, рус. *богочестивый, благочестивый, богобоязненный*, греч. *εὐλαβής, θεοβέβης*, чеш. *uctívající boha, bohobojný*, латин. *Deum colens, Deum timens*).

Древнейшие композиты христианской терминологии как специфические словообразовательные (а значит, и лексические) единицы исследованы на сегодняшний день недостаточно: если происхождение их очевидно (в большинстве своем это калькированные образования), то развитие семантики и функциональная значимость в древнейшей языковой системе заслуживают особого внимания. Актуальным представляется определить тенденции и закономерности создания композитов (и / или соответствующих им одноосновных единиц), характерные для каждой из языковых систем – древнерусской и древнечешской: такое исследование позво-

лит выявить специфику мировидения славянина-неофита – человека чешского и русского Средневековья – приемы ак-

туализации в языке важных, ментально значимых фрагментов христианской картины мира.

A może to już jest «europolszczyzna»?

Я. Ф. Носович / J. F. Nosowicz

Варшавский университет (Варшава, Польша)

Язык мультимедиа, влияние Интернета, новообразования, лексика SMS и блогов

Аннотация. Последние десять лет польский язык переживает период сильных перемен и ускоренного развития. Языковеды должны найти ответы на трудные вопросы: как описывать и анализировать многочисленные новые явления и языковые процессы, как общественное мнение должно оценивать их? Необходимо также понять, какие явления и процессы имеют относительно стабильный характер и являются зародышами новых тенденций, а какие кратковременны, проходящи.

Osoby obserwujące i analizujące współczesną polszczyznę nie mają już dziś wątpliwości co do tego, że od kilkunastu lat przeżywa ona okres gwałtownych przemian i przyspieszonego rozwoju. Wielu użytkowników języka dopatruje się w tym upadku i degeneracji polszczyzny, spowodowanych «zalewem anglicyzmów», wulgaryzacją i prymitywizacją języka publicznego, zanikiem dbałości o kulturę słowa. Językoznawcy normatywni stoją przed trudnym zadaniem. Trzeba bowiem równocześnie inwentaryzować, opisywać i analizować bardzo liczne nowe zjawiska i procesy językowe oraz dokonywać ich wartościowania i oceny, gdyż takie są oczekiwania społeczne. Należy zwłaszcza wypracowywać rzetelne i niepowierzchliwe odpowiedzi na pytania o to, które nowe zjawiska są przejawem procesów i tendencji zachodzących od dawna w języku, a które wynikają z nowej sytuacji polszczyzny i muszą być od nowa opisane i wartościowane. Czy, na przykład, masowe tworzenie formacji typu *autonaprawa*, *europoseł*, *specusługi*, na taką skalę nowe, typowe dla polszczyzny publicystycznej i zawodowej ostatnich kilkunastu lat, a upowszechniające się także w polszczyźnie ogólnej, jest zjawiskiem prowadzącym do wytworzenia się nowej kategorii słowotwórczej języka ogólnego i pozwalającym na uchylenie negatywnej oceny formacji, które nazywano dawniej hybrydalnymi? A może jest to tylko proces przejściowy, po którym pozostanie w polszczyźnie kilkadziesiąt nowych wyrazów, ale nie zostanie wprowadzony nowy model słowotwórczy? W jakiej mierze słownictwo młodzieżowe, lansowane w niektórych mediach, zmieni mapę stylistyczną polszczyzny ogólnej? Wiadomo przecież, że istnienie gwary młodzieżowej (i innych) i wchodzenie jej elementów do języka potocznego to proces obserwowany w języku co najmniej od kilkadziesiątu lat, czy jednak moda na «wypasioną polszczyznę» to tylko efekt opiniotwórczego oddziaływania prasy, radia, telewizji, czy też jest to rzeczywista tendencja socjolingwistyczna. Jak traktować nowe związki na pograniczu składni i słowotwórstwa, typu *sport telegram*, *biznes informacje*, *Barbie styl*? Czy ich nietypowość na tle dotychczasowego rozwoju polszczyzny jest na tyle wyrazista, że spowoduje to ograniczenie tego typu połączeń do polszczyzny środowiskowej, czy też jest załączek przekształcania się naszego języka w język o charakterze pozycyjnym? Np. dyskusja nad wymową wyrazu: *keczup* (*Słownik języka polskiego: keczup, ketchup* [wym. keczup] «zimny sos pomidorowy zaprawiany korzeniami»; *Słownik poprawnej polszczyzny*: ang. *ketchup* – pol. *keczup* [wym. keczup, nie: keczap]).

Zupełnie nową kwestią jest zajęcie stanowiska wobec polszczyzny w Internecie, którego charakterystyczną cechą jest łatwy i niemal niczym nieograniczony dostęp do jego zasobów. Jednym z istniejących nielicznych ograniczeń jest bariera językowa, ale to problem nierozwiązywalny od czasów wieży Babel (choć coraz popularniejsze staje się tworzenie różnych wersji językowych tej samej strony internetowej bądź też serwisów czy portali działających według jednolitych zasad, ale budowanych w różnych państwach – przy czym to drugie zjawisko dotyczy jedynie największych firm internetowych, które mogą pozwolić sobie na finansowanie takich inwestycji). Jak wiadomo, mamy w Internecie stare rodzaje i gatunki wypowiedzi, ale też nowe, dotąd nieznanne. Do tych starych należy zaliczyć wszelkiego typu gazety internetowe oraz te wtriny i strony, które prezentują informacje w sposób językowo tradycyjny: za pomocą polszczyzny ogólnej w jej różnych odmianach stylistycznych (np. dziennikarskiej czy naukowej), a także polszczyzny środowiskowej (np. młodzieżowej). Nie są też taką nowością prywatne listy elektroniczne (*e-mail*). Ich język to przystosowana do wymagań korespondencji interne-

towej polszczyzna korespondencji prywatnej, z całą jej różnorodnością. Istotną nowością jest natomiast język, jakim posługują się uczestnicy rozmów, dyskusji, prowadzonych za pomocą Internetu w czasie rzeczywistym, czyli język *czatów*, a także polszczyzna, którą posługują się autorzy swoistych dzienników czy pamiętników internetowych, jakimi są **blogi**. Językoznawcy dokonali już wstępnego opisu tych gatunków, nie miejsce tu, by je przytaczać czy powtarzać. Gorzej natomiast wygląda ich opis normatywny. Należy bowiem znaleźć dla nich właściwy punkt odniesienia, będący podstawą oceny. Jeśli założyć, że jest to język środowiskowy, albo nawet polszczyzna prywatna, to trzeba się zastanowić, czy w ogóle uprawomocniona jest w tym wypadku normatywność (Jak wiadomo, elementy gwar środowiskowych nie podlegają ocenie normatywnej, lecz tylko celowościowej). Jest to pisany środek przekazu, zapewniający względną trwałość tych tekstów, stosunkowo duży i stale rosnący krąg ich twórców i czytelników (zwykle wymieniających się tymi rolami), każe się zastanowić nad językową formą przekazu. W dodatku twórcy internetowi notorycznie naruszają (nieświadomie, ale także świadomie) wszelkie możliwe reguły polszczyzny standardowej, od ortografii i interpunkcji (niemal nieistniejącej), poprzez składnię, słowotwórstwo, a nawet fleksję, do leksyki i semantyki. Proces zmian dokonuje się w sposób zmasowany i jednoczesny. W danej chwili jesteśmy świadkami licznych faktów spontanicznej działalności słowotwórczej. Działalność ta skupia, jak w soczewce, wszystkie formy i etapy adaptacji i bardzo szybko prowadzi do wykształcenia się formy ostatecznej. W 10-minutowej rozmowie z grafikiem komputerowym jesteśmy świadkami pojawienia się w jego wypowiedzi całego paradygmatu słowotwórczego, pochodnego od angielskiego słowa *conversion*: **konwersja*, **konwertować*, **przekonwertować*, **skonwertować*, **przekonwertowane*. To samo dotyczy słowa *scanner*, które w języku polskim prawie natychmiast spowodowało powstanie form: **skaner*, **skanowanie*, **skanować*, **zeskanować*, **skanowany*, **zeskanowany*. I nieważne jest, czy terminy te zostały utworzone kreatywnie przez naszego rozmówcę na użytek sytuacji, czy też już są atestowane w piśmiennictwie informatycznym, mniej lub bardziej znormalizowanym. Ważne jest, że powstały w odpowiedzi na potrzebę językowego określenia danego znaczenia. Odrębnym problemem jest, czy dany język przyjmie nową formę i wprowadzi ją na stałe do aparatu terminologicznego czy też przegra ona w konkurencji z inną formą, bardziej funkcjonalną (zob. [Nosowicz 2004: 98–99]). Zapożyczone wyrazy stają się podstawami słowotwórczymi wielu derywatów, np. *biznes* ← *biznesowy*, *menedżer* ← *menedżerski*, *ranking* ← *rankingowy*, *rap* ← *rapować*. Wyrazy angielskie i ich części, np. *-gate* (*Watergate*), *-land* (genetycznie niemieckie, ale u nas – anglicyzm, por. *Disneyland*), *top* są łączone na gruncie polskim z tematami coraz to nowych wyrazów i dają początek seriom struktur analogicznych, takich jak *Schnapsgate*, *tytońgate*, *FOZZ-gate*, *ziobrogate*; *topmodelka*, *computerland*, *Cricoland*, *Hoffland*, *luxland* czy groteskowy, hybrydalny *ciucholand*.

Jak więc powinni się zachować językoznawcy normatywni wobec przyspieszonego rozwoju polszczyzny? Zapewne można postępować jak dotąd, zalecając ostrożność w przyjmowaniu nowości, ale jednocześnie jednoznacznie ich nie oceniając. Może jednak należy zajmować stanowisko bardziej zdecydowane: uznać, że to, co dzieje się współcześnie z polszczyzną, jest wynikiem przystosowywania się jej do – także językowej – globalizacji współczesnego świata i aprobować zachodzące zmiany, prowadzące do tego, że w warstwie języka publicznego, zwłaszcza zaś oficjalnego (albo, jak mówią niektórzy współcześni lingwiści: formalnego), powstanie «euro-

polszczyzna»? Być może należy jednak postąpić odwrotnie: uznać, że szansą dla Polski w nowym świecie jest zachowanie odrębności kulturowej i językowej, a w związku z tym należy pielęgnować to, co w polszczyźnie tradycyjne, i oceniać ujemnie nowe tendencje, niemające oparcia w historii języka.

Literatura

Nosowicz J. F. Terminologizacja a szybkość zmian językowych // Language and culture: establishing foundations for anthropological linguistics / Edited by S. Grinev-Griniewicz. University of Finance and Management in Białystok. Białystok, 2004. S. 98–99.

Тенденции развития словенской терминологии. Формирование административной лексики второй половины XIX века

К. Огринц

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Развитие терминологии, формирование административной лексики, лингвистический анализ

Аннотация. В докладе рассматриваются тенденции формирования и развития терминологии в словенских административных текстах с исторической и лингвистической точек зрения. Административная лексика является частью литературного языка и имеет свое значение в области функционального стиля. Вопрос ее формирования стал актуальным со второй половины XIX века, когда из-за вне- и внутрилингвистических факторов при новом положении языков народов Австрийской империи после марта 1848 года возникла необходимость создания новой лексики, в роли которой ранее выступали немецкие слова. При изучении административной лексики с лингвистической точки зрения ключевой проблематикой являются словообразование и морфология. Для создания словенской административной лексики не менее важно было общественное положение языка, в течение столетий бывшего неофициальным, и его носителей.

Политические перемены в марте 1848 года вызвали изменение статуса словенского литературного языка, вместе с национально-объединительной и национально-репрезентативной функциями он получил новые сферы функционирования: образование (преподавание на словенском языке, словенские учебники), наука и специальности (научная терминология), чиновный аппарат (административная лексика), публицистика, общественная жизнь (публичное общение, салоны).

Для развития словенской терминологии во второй половине XIX века характерно ее постепенное расширение, пропорциональное развитию отдельных функциональных стилей: сначала публицистики, потом делового стиля (административная, судебная, юридическая лексика) и, наконец, научно-учебного стиля (учебные пособия).

Словенская терминология создавалась на основе иноязычного оригинала (в основном немецкого и латинского). Немецкий язык является не только основой иноязычного оригинала, но и самим иноязычным оригиналом, поскольку был официальным государственным Австрийской империи.

При создании словенской терминологии существуют две модели: а) сохранение оригинальных названий (*cenzura* – цензура, *apel* – апелляция, *perspektiva* – перспектива), б) «словенизированные» оригинальные названия. В результате «словенизированные» названия могут: а) внедриться в язык (*apel* → *poziv* – апелляция, *konstitucija* → *ustava* – конституция), б) использоваться однократно (*cenzura* → *tiskarna sodnica* – цензура), в) сохраниться в языке в другой форме после словообразовательного изменения (*gled-išče* : *gled-a-lišče* – театр).

В 1848 году в газете «Новости» («Novice»), редактором которой являлся Я. Блейвейс, были опубликованы тексты, положившие начало деловому стилю. Это были «Конституционное письмо Австрийской империи» [Ustavno pismo... 1848] и «Выписка из порядка выборов первого государственного парламента в Вене» [Izpisek 1848]. Переводчик не указан. Им, вероятно, был Ф. Малавашич, которого «наняли в газету “Новости” как переводчика с иностранных языков, потому что словенских писателей было мало» [Lokar 1909].

В этих двух текстах терминология является и родной, и калькированной, и иностранной. Влияние немецкого языка скрыто, потому что немецкие термины подвержены последовательной «словенизации», а ранее использовавшиеся немецкие заимствования и иностранные слова редко встречаются.

Административная лексика в этих двух текстах является отражением новых общественных обстоятельств, с ее помощью получают названия понятия, ранее в словенском культурном пространстве не существовавшие [Vidovič Muha 1999: 7–26]. По временному критерию можно отличить два вида административной лексики: а) лексика уже существующая, указывающая на словенскую терминологическую традицию и общественные факторы (*pravda* – право, *naredba* – приказ, *prid* – польза, б) новая административная лексика (*ustava* – конституция, *državljan* – гражданин).

Часть административной лексики входит в язык и остается неизменной (*ustava* – конституция, *volilec* – избиратель), другая часть претерпевает словообразовательные изменения (*razsod-ek* : *razsod-ba* – рассудок : приговор), наконец, некоторые термины не «прижились» совсем (*čezpolovičnica glasov* – более половины голосов на выборах).

Ценность административной лексики в вышеназванных текстах двойная: с одной стороны, она указывает на повышение уровня развития словенского языка, его функциональности, с другой – является документом времени.

Литература

Izpisek volitniga reda za prvi državni zbor na Dunaji // Novice. 1848. Dokladni list k 22. listu Novic.
Lokar J. Bleiweis in Novičarji v borbi za slovenski jezik in domače slovstvo. Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1909.
Ustavno pismo Avstrijskiga cesarstva // Novice. 1848. Dokladni list k 16. listu Novic.
Vidovič Muha A. Čas in prostor, ujeta v slovenski slovar 20. stoletja. (Poudarek na komunikacijskem vidiku slovarja) // XXXV. seminar slovenskega knjižnega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj. Ljubljana, 1999. S. 7–26.

Метафората во македонскиот и во рускиот дневен печат

Д. Пандев

Филологическиот факултет «Блаже Конески» (Скопје, Македонија)

Аннотация. Во рефератот се разгледува метафората во дневниот печат од аспект на когнитивната лингвистика. Особено внимание се посветува на процесите на создавањето на метафората.

Во рефератот се разгледуваат современите т. е «свежите» примери на метафората, пред сè, на јазицната метафора, како основа на информацијата во структурата на текстовите во македонскиот дневен печат, при што интересот се насочува кон процесите на создавањето на метафората како одраз на современите «ангажирани» поглед на стварноста во дадениот момент.

Македонските примери се споредуваат со соодветни примери од рускиот дневен печат.

Предвид на интерес претставуваат текстовите што ќе се објавуваат во претстојниот период и што се однесуваат на актуелни настани, но и на актуелни теми, при што ќе се користат сознанијата од досегашните проучувања на лингвокогнитивните аспекти на мета-

фора и нивното место во текстовите од дневниот печат составувани според правилата на современата реторика т.е во дискурсна лингвистика (односно според современите теории на комуникацијата).

Во согласност со тоа, во рефератот се врши класификација на метафората според областите на употреба во дневниот печат.

Основна цел на рефератот е споредбено, според честотата и инвентивноста, да се издвои, да се проучи и да се согледа местото и статусот на метафората во текстови за актуелни настани и на актуелни теми во одделни македонски дневни весници, («Време», «Вест», «Дневник») со соодветни руски весници («Комсомолска правда», Аргументи и факти», «Известија»).

Рефератот е резултат од наставата по предметите култура на говорот (за нематични факултети), како и

култура на изразувањето на македонски јазик (за студенти од преведување и толкување). Во тој контекст, истакнуваме дека ова прашање има свое особено место во прирачниците по култура на говорот на руски јазик, па методологијата на проучување на метафората во голема мера се поклопува со соодветните проучувања во руската практика.

Во согласност со теориите за метафората, во рефератот особено место ѝ се посветува на јазичната метафора и на нејзината номинативна, како и на нејзината оценувачка функција. Во врска со тоа, во согласност со претставениот материјал, се отвора и прашањето за можните актуелни концепти на македонската култура во споредба со соодветните концепти на руската култура како одраз на актуелните настани и теми.

Семантичка парадигма фразеологических единици со значењем передвижения в славянских языках

И. М. Патен

Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко (Дрогобыч, Украина)

Идеограмма, семантичка парадигма, фразеологическа единица, фразеологическо микрополе, фразеосемантичка група

Анотација. В докладе представлена идеографическа класификација фразеологических единици со значењем «передвижение» в украинском, русском и польском языках; проанализированы идеограммы в семантико-тематическом плане.

Сопоставительное изучение языков, направленное на выявление схожих черт и различий, является актуальной проблемой современного языкознания. Особый интерес в этой связи представляют исследования в области фразеологии, которая наиболее ярко отражает специфику и своеобразие языка, культуры, истории того или иного народа, его менталитет. Значительную часть фразеологического фонда исследуемых языков занимают устойчивые выражения со значением передвижения. Эта группа фразеологизмов и является предметом нашего изучения. Материалом исследования послужили фразеологические единицы, извлеченные методом выборки из фразеологических словарей украинского, русского и польского языков [Фразеологический словарь... 1968], [Bada 1997], [Словник фразеологізмів... 2003].

Фразеологические единицы, которые выражают понятия «передвижение», создают фразеологическое микрополе или, по другой терминологии, фразеосемантичку группу [Алексеенко, Смерчко 1992], внутри которой выделяют идеограммы (элементарные значения) [Кирилова 1987]. Так, например, во фразеосемантичкей группе «передвижение» можно выделить следующие идеограммы: 1) интенсивное начало движения, 2) скорость, интенсивность перемещения, 3) медленный темп движения, 4) характер пути, способ передвижения, 5) движение к объекту, 6) движение в обратном направлении, 7) хаотичное, непрерывное движение и др.

В состав первой идеограммы с общим значением «интенсивное начало движения» входят фразеологические единицы украинского языка: *пуститися (кинутися) бігти, дати волю носам, кинутися навтікача, з усіх ніг кинутися*; русского языка: *броситься в погоню, броситься наутек, броситься со всех ног, сорваться с места*; польского: *wziąć się do galopu, dać drapak, puścić się w płasy, ruszyć z miejsca, puścić się w prysydy*.

Некоторые фразеологические единицы из этого семантичкего разряда имеют одинаковое или подобное строение: у них повторяется один и тот же лексический компонент (*броситься, пуститься*). В этом обнаруживается связь между семантичкескими особенностями фразеологических единиц и их структурными признаками.

Вторая идеограмма – «скорость, интенсивность движения» – в украинском языке включает такие фразеологические единицы: *з усієї сили, скільки духу* «очень быстро», *скільки є сили, скільки духу вистачить, що маеш сили, тільки п'яти мигтять, летіти стрімголов, натискати на всі педали, з космічною швидкістю*; в русском языке: *сломя голову (бежать, мчатся, нестись)* – «стремительно, опрометью бежать», *бежать без оглядки, бежать высунув язык, мчатся как на пожар, только пятки сверкают, лететь пулей, на всех парусах (парах)*. В современном польском

языке тоже существует большое количество фразеологических единиц со значением «скорость, интенсивность движения». К ним принадлежат устойчивые сочетания *pokazać pięty, biegać co sił, być gdzieś jedną nogą, całym pędem, mieć nogę jak podolski złodziej, pokazać plecy, kuty na cztery nogi, uciekać co tchu, na jednej nodze, latać z wywieszonym językiem*.

Идеограмма с общей семой «медленный темп движения» включает фразеологизмы *черепашичою ходою / черепашиим шагом; як черепаха (йти, плентатися) / как черепаха (плестись, тащиться); ледве ноги волочити / едва ноги волочить; через годину по чайній ложці / через час по чайной ложке*. В польском языке к этой идеограмме относим фразеологизмы *ledwie się ruszać, wlec się noga za nogą, posuwać się krok za krokiem, ruszać się jak mucha w smole, wlec się ślimaczym krokiem, mieć nogi jak z ołowiu, leżeć jakby miał sto lat, wlec się w żółwim tempie*.

В следующую идеограмму объединяются фразеологические единицы со значением «характер пути, способ передвижения»: *оббивати пороги / оббивать пороги; йти кружним шляхом / идти окольной дорогой; переступати через поріг / переступать через порог; їхати зайцем / ехать зайцем – «їхати без білета»*. В польском языке в эту идеограмму входят такие устойчивые сочетания: *chodźcie ciemnymi uliczkami, iść drobnym krokiem, pełzać na czworakach, na piechotę, walić tłumem, płynąć żabką, chodźcie jak na sznurku, chodźcie wokół kogoś na paluszkach, jeździć na koniu jak Tatar*.

Идеограмма «движение к объекту» включает фразеологические единицы *наступати на п'яти комусь* (в украинском языке) / *наступать на пятки* (в русском языке) / *chodźcie ślad w ślad, deptać komuś po piętach, następować komuś na pięty* (в польском языке).

В состав идеограммы «движение в обратном направлении» входят фразеологические единицы *дати задній хід // дать задний ход; повертати голоблі (оглоблі) назад // поворачивать оглобли*. К польским фразеологизмам с таким же значением принадлежат: *być z powrotem, odejść jak niepruszyn, podać tył, wrócić jak bumerang, chodźcie tam i z powrotem, wracać na stare śmieci, zwinąć manatki, zabierać się do powrotu, odprawić z kwitkiem*.

Идеограмма «хаотичное, непрерывное движение» включает фразеологические единицы *крутитися як білка в колесі, звиватися в'юном біля кого / вертеться (кружиться) как белка в колесе, виться в'юном, как угорелая кошка (бегать, метаться)* = «суматошно, беспрепятственно двигаться». В этих фразеологических единицах на первый план выдвигаются такие элементы значения, как «непрерывность» и «великое множество разнообразных направлений». В польском языке к этой идеограмме относим также фразеологические единицы, которым свойственно значение «передви-

жение без определенной цели»: *chodźić jak Marek po piekle, iść przed siebie, pójść za ciosem, iść za siódmą rzekę, puścić się w świat, szlifować bruki, błąkać się jak pies*.

В эту подгруппу входят фразеологические единицы со значением «бесперывные круговые движения»: *krutuć się як дзига / вертеться волчком / kręcić się jak fryga, zataczać koło, robić okrąg, kręcić się w wirze (tańca), zataczać kręgi, kręcić się jak w kołowrotku, tańczyć kołem, zrobić koło*.

Анализ фразеосемантической группы «передвижение» украинского, русского и польского языков показал, что сопоставляемые фразеологические единицы объединяются в идеогаммы на основе семантической близости, а различаются, как правило, особенностями своей структурной организации.

Структура русских неофициальных личных имен в Латгалии

Г. Н. Питкевич

Даугавпилсский университет (Даугавпилс, Латвия)

Антропоним, гипокористика, личное имя, парадигма личного имени

Аннотация. В докладе рассматривается как структура русских неофициальных личных имен в Латгалии (восточный регион Латвии), так и их функционирование в иноязычном окружении, в нашем случае – латышских антропонимов в русском дискурсе и, наоборот, русских имен в латышском дискурсе.

Имена собственные – это такой лексический разряд слов, который обладает сложными формальными, содержательными и ассоциативными характеристиками, и их знание и учет обязательны в межязыковой и межкультурной коммуникации.

Каждое имя возникает по определенным причинам. Оно может быть популярным и непопулярным, частотным и редким. Каждое имя имеет свою историю, «биографию», ареал и национальную принадлежность. Оно может заимствоваться в другие языки, видоизменяясь в них. Особенно актуальными и в то же время наименее изученными являются проблемы функционирования и взаимодействия различных национальных имен на одной территории, а также взаимоотношения их полных, сокращенных и субъективно-оценочных форм как в пределах одной антропонимической системы, так и во взаимодействующих системах (обычно в пограничных зонах).

Идеальным местом для такого рода наблюдений является Латгалия, которую от других регионов Латвии отличает мультикультурная, мультиязыковая и мультиконфессиональная ситуация.

Наиболее наглядное представление о многонациональном характере Латгалии дают бытующие здесь личные имена. При нарекании новорожденного именем представители различных этнических групп пользуются своими национальными именниками, и детям присваиваются только те имена, которые осознаются как свои.

Самые распространенные антропонимические системы здесь – русская и латышская. В их составе много общих имен, таких, как, например, *Валентина, Вероника, Роман, Жанна* и т. д.

По своей структуре русский и латышский именники также очень похожи. Оба включают в свой состав: 1. Старые христианские имена, канонизированные церковью. Это разные по происхождению имена – древнегреческие, латинские, древнееврейские и т. д. 2. Национальные имена (*Любовь, Светлана, Надежда; Līga, Dzintars, Madara, Valdis, Skaidrīte*). 3. Имена, заимствованные из других языков.

Однако по количеству «ходовых» личных имен латышский язык существенно богаче, чем русский. Так, по данным Ояра Буша, в 1997 г. 6000 новорожденных латышских девочек получили около 600 разных имен, а 6400 мальчиков – 530 имен, то есть каждая девочка и каждый одиннадцатый мальчик имеют неповторяющиеся имена [Bušs 2003: 165]. У русских девочек в (по данным Даугавпилсского загса за тот же период) лишь каждая 25-я, у мальчиков – каждый 26-й имели неповторяющиеся имена. Как видим, у русских преобладают «серийные» имена, а у латышей имена более разнообразны, многочисленны и индивидуальны.

Парадигмы русских и латышских личных имен также различны. Русские антропонимы располагают богатейшей системой неофициальных форм, включающих сокращенные имена и имена с разнообразными эмоционально-оценочны-

Литература

- Алексеевко М. А., Смерчко А. К. Фразеология современного русского языка (методические материалы к факультативному курсу для гуманитарного лица) // Русский язык: Вопросы функционирования и методики преподавания. Львов, 1992. С. 165–182.
- Кирилова Н. Н. Идеогамма как элемент фразеологической семантики и ее изучение сопоставительным методом // Лексическая семантика и фразеология. Л., 1987. С. 74–82.
- Словник фразеологізмів української мови / Укладачі В. М. Білоноженко та інші. Київ, 2003.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молотова. М., 1968.
- Bada S. Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1997.

ми суффиксами (*Надежда – Надя; Надя – Наденька, Надечка, Надюша, Надюха, Надька*). Сокращенные дериваты являются нейтральными формами, обычно они содержат два или три слога, гипокористики же в широчайшем диапазоне варьируют как слоговую структуру, так и экспрессивно-стилистические оттенки: ласкательный, почтительно-льстивый, шуточный, насмешливый, оттенок легкой издевки, язвительной издевки, осуждения и др. [Witkowski 1964]. Каждый из основных оттенков может выражать целую гамму нюансов. В частности, «ласкательные» имена могут выражать растроганность, нежность, слащавость, фамильярность, ироничность, грубоватую почтительность и др. [Бондалетов, Данилина 1970: 195].

Следовательно, парадигма русского личного имени образуется тремя рядами форм: полной, нейтральной сокращенной и гипокористическими формами.

В парадигме же латышских личных имен отсутствуют нейтральные сокращенные формы, подобные русским, в нее входят только полные и эмоционально-оценочные формы (*Edgars – Edgarčiks, Edio, Edvers, Edzis, Edžīņš, Edžuks, Edžus, Egus* [Siliņš 1990: 106]).

Эмоционально-оценочные формы русских имен образуются при помощи многочисленных суффиксов и разнообразных модификаций мотивирующей основы. К высокопродуктивным суффиксам относятся: *-к(а), -очк / -ечк(а), -еньк(а), -уш / -юш(а), -ушк / -юшк(а)*: *Варька, Зиночка, Сانهчка, Наденька, Валюша, Андрюшка*.

Латышские гипокористики могут быть содержать разное количество слогов (обычно от двух до четырех): *Madara – Madariņa, Agris – Agrītis, Aivars – Aivariņš*. К высокопродуктивным суффиксам относятся *-iņ(š), -iņ(a), -ī(š), -ī(e)*.

В разговорной латышской речи в настоящее время особенно активно образуются мужские гипокористические формы от женских имен: *Līgucis ← Līga, Ancis ← Anita, Aģušč ← Agnese, Gundegan ← Gundega, Kristīnītis ← Kristīne*. Этот способ оказался настолько популярным, что повлиял на образование русских гипокористик в Латгалии: *Жаник ← Жанна, Викусик ← Виктория, Верунчик ← Вера, Вероника, Дашутин ← Дарья, Ринусик ← Екатерина, Ксюхон ← Ксения, Крисюк ← Кристина, Людик, Милк ← Людмила, Нелюн ← Нелли, Томусик, Тамарик ← Тамара*.

Однако не только латышские словообразовательные модели оказывают влияние на русские молодежные гипокористические формы, но и продуктивные модели русских гипокористик влияют на образование латышских эмоционально-оценочных имен в Латгалии: *Янис, Яна, Янина → Янка, Арвид → Арвидка, Зане → Занка, Альфонс → Алик, Бруно → Бруник*. Очевидно, что такие формы создаются с целью «снятия дистанции», они не имеют оттенка фамильярности, как в аналогичных формах русских имен (ср. *Светка, Васька*). Такие формы замещают в латышской парадигме личных имен отсутствующие там нейтральные сокращенные формы. При этом неукоснительно соблюдается русская акцентоло-

гическая закономерность: двухсложные дериваты имеют ударение на первом слоге, а трехсложные – на среднем.

Литература

Бондалетов В. Д., Данилина Е. Ф. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах // Антропонимика. М., 1970.

Bušs Ojārs. Некоторые новейшие элементы русского происхождения в латвийской ономастической системе (эргонимы, антропонимы) // Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpieni. Rīga, 2003.

Siliņš Klāvs. Latviešu personvārdu vārdnīca. Rīga, 1990.

Witkovski T. Grundbegriffe der Namenkunde. Berlin, 1964.

Творбени процеси у најновијем развоју лексике српског језика

С. Ристић

Институт за српски језик САНУ (Београд, Србија)

Творбени процеси, творбени типови, нова лексика, српски језик

Анотација. В докладе разматрају се на материале електронног корпуса нових слов најновије словообразоватељне процесе у развоју лексике савременог српског језика.

У прегледу корпуса нових речи запажено је да се лексички фонд српског језика најновијег времена богати на више начина: увођењем нових речи за нове реалије и појмове из различитих области (*банкомат, ваучеризација, хакер, хакерски, хаковати, причаоница* са значењем 'ћаскаоница', *радарац*), позајмљивањем речи и творбених форманата из других језика, активирањем постојећих творбених модела, а у мањем обиму и променом значења постојећих речи.

У реферату ће бити представљене најновије тенденције у творби речи са социолингвистичког и нормативног становишта.

Тако је запажено да се лексички фонд српског језика у најновијој фази развоја проширује највише творбеним процесима композиције и то у виду сложеница и полусложеница са префиксондима и префиксима страног и домаћег порекла. Њихов број се знатно повећао, а продуктивност одређених творбених типова појачана је и процесима хибридикације, што се може илустровати отвореним творбеним низовима, типа: *а-* (*аисторијски, аисторизам, анормалност, акомунист, аационалан, асексуалан*), *анти-* (огромно творбено гнездо), *алко-* (*алко-бизнис, алко-бизнисмен, алко-мафија*), *аеро-*, *авио-*, *агро-*, *аква-*, *арт-*, *архи-*, *ауто-*, *без-* / *с-* (*бездоман, бездомност, беспилотан, беспроблемски, бестелесно*), *био-*, *ван-* (*ванакијашики, ванболнички*), *велико-* (*великобироократија, великобошњитво, великопотрошач*), *видео-*, *високо-*, *више-*, *де-*, *евро-*, *еко-*, *електро-*, *енерго-*, *етно-*, *идејно-*, *кратко-*, *мало-*, *мега-*, *међу-*, *изван-*, *једно-*, *југо-*, *квази-*, *контра-*, *мулти-*, *над-*, *нарко-*, *наци-*, *не-*, *нео-*, *неуро-*, *ниско-*, *ново-*, *од-*, *опште-*, *полу-* (*полубиће, полубуржуј, полувештица, полудебил, полудрагуљ, полузапослен, полужемљакиња, полујак, полулик, полулопчић, полуреч, полуреченица, полусветски, полустакло, получизма*), *порно-*, *пост-*, *пра-* (*прарођак, прасеоба, прасуштина, праутицај*), *прво-*, *пред-*, *пре-*, *про-*, *против-*, *прото-*, *псеудо-*, *психо-*, *радио-*, *раз-*, *само-*, *све-*, *хипер-*, *социо-*, *сређење-*, *супер-*, *ТВ-*, *транс-* и *ултра-*.

У деривацији развој српске лексике прати уједначено појачавање процеса мутације (евидентно у сталном порасту броја деривата ималаца занимања, вршилаца радње и носилаца особина), процеса модификације (појачано активирање моције у сфери женских занимања и проширивање деминуције на нове групе именица, као и појачавање њихове стилске маркираности у негативном значењу) и процес транспозиције (стални пораст броја апстрактних именица и појачавање продуктивности њихових творбених типова, као и повећање броја глаголских именица). Запажена је продуктивност суфикса страног порекла, типа: *-фоб(ија)* (*акрофо-*

бија, албанофоб, албанофобија), *-филија, -оидан* (*амебоидан, аристократоидан, брзоидан, кретенотидан*), као и повећана адаптираност страних речи испољена у развијеним деривационим гнездима и појачаним процесима хибридикације.

Термини из појединих области укључују се и у фонд опште лексике, што се показује и на деривационом плану у веома развијеним творбеним гнездима, нпр. речи из традиционалне и алтернативне медицине.

Преглед иновација у творби речи биће дат и по врстама речи, где је уочен велики прилив нове лексике и продуктивности наведених творбених типова код именица (*амбалажер, амблематика, анонимац, багателизација, брутализиција, ватротворац, вирусноша, свашточиња, серилизација, системаши, скорбутиши, смртносје, снахоубица, снововлук, спредач, таложистише, хашишар, хорорист*; гл. именице: *акцијашење, рецептовање, иаминазирање*; апстрактне именице: *алузивност, почетност, самство, страност, трезност, трулежност, узмуваност, уозбиљност, ућталост, филозофичност*); затим код придева (*науковит, тањираст, устаст; тиктакав, тмаст, ћаскав, цмокав*) и прилога насталих конверзијом од придева (*брзовито, топлински*). Код глагола јавља се знатно мањи број нових речи и то у виду појединачних случајева а не продуктивних творбених типова, као што показују примери типа: *академизовати, аматеризовати, амбасадоровати, анонимизирати, брежуљкати се, логицирати, рољвати се* (око нечега).

С обзиром на социолингвистички приступ теми реферата, нове речи ће се разматрати и према значењима творбених основа, на основу чега су издвојене бројне групе: речи изведене од етника: *албанизација, албанофоб, албанофобија, албанство*, творбено гнездо изведено од «америка», *англо-* и деривати, *африканизација, бенелуксизација, германизација, хрватофоб, покитезити, расрбљавање, румунизација*; од назива градова: *ваљевање, ваљевство* (према Ваљево); од властитих имена: *алкапонеовски, ајштановски, андрићевски, баховски, бекетовски, бетовановски, бодлеровски, борхевски, борхевско-навићевски, ботичелијевићевски, брозовски, хичкоковски; шантићевски, сартровски, шекспировски, раблеовски; швејковски, гаргентовски; брешњевац, рамбоовац, резанизам, шешљевац, шешљеизам*.

Процес жаргонизације биће показан на бројним примерима типа: *бакутанерски, бањажа, бацачлија, безвезница, бејзболчија, бизничар, бизнисчарење, бојкотер, ваширизиција, паролчија, пасошник, рукоцмакање, трендаш, трибинаши, рађатељка* (професионална), *шалајбазерисање, шарлатанизам, шишалица* 'направа за шишање', *цетирање*.

Моделирование семантики: динамический аспект и этнокультурная специфика

Т. М. Рогожникова

Уфимский государственный авиационный технический университет (Уфа, Россия)

Семантика, асоцијација, моделирование, динамические аспекты

Анотација. В докладе излагају се резултати изучења динамических аспектов функционирования семантики слова как достояния индивида. Анализируются сложные взаимодействия того, что лежит за словом в сознании и подсознании носителей славянских и других языков.

Динамические аспекты значения слова как достояния индивида начинают входить в круг актуальных составляющих современной психолингвистики. Исследование семантиче-

ского развития предполагает анализ тех семантических изменений, которые происходят со словом по мере общепсихического развития индивида. Актуальной становится про-

блема построения новой теории, способной объяснить разнообразные и порой разрозненные данные о динамических закономерностях функционирования слова. Масштаб проблемы обязывает изучать ее под различными углами зрения, учитывая многообразие индивидуальных проявлений, а также «различные интерьеры», в которых специфика и общие закономерности семантического развития рельефно проступают и поддаются описанию.

Исследования, о которых пойдет речь в докладе и к которым автор имеет прямое отношение, позволяют, с одной стороны, реализовать идею создания ассоциативных портретов в различных этнокультурных интерьерах, с другой стороны, заглянуть в таинственную мастерскую формирования и функционирования индивидуального и группового сознания человека с целью создания динамической модели семантики слова как достояния индивида. Ассоциативное поведение носителя языка и сама процедура портретирования позволяют говорить о культурном пространстве и о закреплении значимых его фрагментов в языке. Речь пойдет о динамике ассоциативного окружения слова, которое отражает совокупность постоянно пополняющихся с возрастом знаний о мире, обусловленности ассоциативного пространства этническими стереотипами поведения и его принадлежности к «коллективному бессознательному», увязанному с архетипическими древнейшими представлениями человека, о степени выраженности этнического «я».

Большинство авторов выполняют свои исследования на кафедре языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета. В ходе реализации нашего проекта наиболее результативными оказались следующие направления: 1) динамические аспекты функционирования семантики; эксперименты проводились и проводятся на широком возрастном диапазоне от 4 до 90 лет; работы Т. М. Рогожниковой; Т. Ю. Касаткиной; 2) внутриязыковой и межъязыковой анализ, проводимый на одном возрастном срезе и разных возрастных группах (эксперименты охватывают русский, английский,

немецкий, французский, белорусский, словацкий, татарский, башкирский языки); работы Э. А. Салиховой, Л. В. Газизовой, С. В. Некрасовой, Т. М. Рогожниковой, Е. Е. Ульяновой; 3) сопоставительный анализ материалов, полученных в условиях нормы и патологии на широком возрастном диапазоне: исследования Т. М. Рогожниковой, Р. Н. Гариловой; 4) моделирование семантики в условиях разных типов одаренности: работы С. Г. Абабковой; 5) исследование психологической структуры значения псевдослов: работы Н. М. Ткаченко, О. В. Камаева; 6) исследование стратегий ассоциирования и категорий сложности текста в индивидуальном сознании различных психологических типов: работы И. В. Богословской; 7) исследование внутренней организации значения слова в условиях интровертизма и экстравертизма: работы С. В. Загорко; 8) исследование семантики при доминантности определенной репрезентативной системы: Н. А. Денисова, А. Н. Исаева, А. Н. Козловская; 9) фоносемантическая оценка ассоциативного окружения единиц ядра ментального лексикона: работы Р. А. Даминовой; 10) исследование ассоциативной структуры цветового значения слова и текста (на материале русского, английского и немецкого языков): Н. В. Ефименко, Р. В. Яковлева.

Кроме общей цели (работа над созданием динамической модели семантики слова как достояния индивида), общего прикладного вектора (разработка инновационных технологий по сохранению и улучшению экологии коммуникации), названных авторов объединяет использование в экспериментальной части исследования ассоциативного эксперимента. Идея создания ассоциативной галереи реализовалась через коллективную монографию, работа над которой практически завершена. Сегодня мы уже можем говорить о возможности сопоставительного анализа ассоциативного поведения не только в «синхроническом», но и в «диахроническом» срезах. Более того, впервые в нашем распоряжении появляются индивидуальные ассоциативные поля, созданные по единому алгоритму и годные для сопоставления.

Тенденции развития тематической группы лексики «кино- и телепроизводство» в современном украинском языке (на материале СМИ)

Ю. В. Романюк

Институт языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины (Киев, Украина)

Лексикон, тематическая группа, оценочный неологизм

Аннотация. Языковые инновации свидетельствуют как об изменениях в общественной жизни, так и о развитии языка, который осмысливает и называет новые явления и понятия. Доклад посвящен изучению оценочных неологизмов тематической группы лексики кино- и телепроизводства, демонстрирующих активные словообразовательные процессы в современной украинской языковой практике.

Последние десятилетия являются периодом значительных изменений в общественной жизни Украины, нашедших свое отражение в языке. Появилось множество новых реалий, понятий и, соответственно, новых слов для их обозначения. Особенно интересным нам представляется рассмотрение оценочных неологизмов («экспрессивизмов»), демонстрирующих как активность словообразовательных процессов в языке, так и его интеллектуализацию, оценку того или иного аспекта явления действительности, в данном случае – кино- и телепроизводства. Объектом оценки (положительной или отрицательной) могут выступать: 1) продукция, 2) деятельность лиц, причастных к теле- и киноиндустрии, 3) зрительская аудитория и 4) влияние вышеназванной продукции на аудиторию. Подобные неологизмы, скорее всего, не войдут в нормативные словари, но они свидетельствуют о динамике современного украинского речетворчества. Среди оценочных представлены словообразовательные, лексические и синтаксические неологизмы, образованные с помощью как исконных, так и заимствованных основ и аффиксов.

Материалом для исследования послужила лексика из компьютерного текстово-иллюстративного фонда лексико-словообразовательных инноваций в современном украинском языке, создаваемого в отделе структурно-математической лингвистики Института языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины. В этом фонде представлены слова из текстов газетно-журнальной публицистики периода независимости Украины (после 1991 г.). Эта новая лексика еще не

зафиксирована украинскими нормативными словарями, поэтому для экспликации ее семантики далее используем собственные дефиниции, построенные на основе проанализированных контекстов.

Показательную подгруппу названной тематической группы составляют неосемантизм *мило* – «сентиментальный фильм (часто телесериал), посвященный проблемам любви, семейных отношений, воспитания детей» и производные от него *милый, немилый, милый канал, мильна мануфактура*. Данная подгруппа оценивает определенный продукт телепроизводства (фильм, сериал) и даже жанр киноиндустрии. Слова и словосочетания имеют сниженную эмоционально-оценочную окраску (кроме *немилый*) – «растянутый», «в режиме реального времени», «примитивизированный». Примечательно, что в подгруппе наличествует антонимическая пара *милый – немилый*, последнее со значением «небанальный» (такой синоним приведен возле этого новообразования в контексте). Раздражение от засилья сериалов на телеканалах, снисходительно-высокомерное отношение к их производству выражают такие новые номинации, как *милый канал; мильна мануфактура, видеомило*.

К этой подгруппе оценочных неологизмов примыкают два антонима, оценивающие кинопродукцию: композиты *кінокласика* как название кинопродукции высокого качества, образцовой, и *кіномакулатура* – экспрессивный окказионализм, означающий низкопробные, малоинтересные, малохудожественные фильмы-поделки. Резко отрицательное оно-

шение к телевидению как таковому передает окказионализм-компонит *смертевізор*, к продукции на телеэкране – неологизмы *антителебачення*, *квзівидовище* («непрофессионально организованное зрелище, телешоу»), вульгаризм *круторогі телеканалі* («представляющие модные, но вульгаризированные и примитивизированные образы, сюжеты»).

Абстрактные лексемы-неологизмы с отрицательной оценкой восприятия телепродукции *телеагресія* («поток агрессии с экранов телевизоров») и *телевакханалія* (в контексте – «*новорічна телевакханалія*» – «засилие “разгульных” шоу-программ в новогодне-рождественское время») пересекаются с предыдущей подгруппой, объединяющей неологизмы с общей оценкой продукции кино и телевидения (*квзівидовище*). Такие лексемы называют явления, вызывающие у зрителя нежелательные последствия, болезненные состояния: *телеманія*, а также *теленевроз* и *телепсихоз*, ср. контексты их употребления: *Теленевроз як наслідок телеманії, ...у нашому суспільстві теленеврози і телепсихози таки існують...* Они составляют еще одну подгруппу неологизмов данной тематической группы.

В подгруппе наименований зрителей нейтральному *телеспоживач* противостоят явно экспрессивно окрашенные *телеман*, *кіноман* («любители кино и телевидения»), *кінофанат* («особенно заангажированный кинозритель») и производные от них *кіноманський*, *кінофанатський*, *телефоб* (антоним к *телеман*), ироничное *телевізороненависник* а также положительно окрашенное *кіноестет* («приверженец всего прекрасного, утонченного в киноискусстве»).

Среди лексем, обозначающих лиц, создающих теле- и кинопродукцию, также немало неологизмов, употребляемых с

оттенком иронии: *кіномагнат* («представитель крупного капитала, выделяющий средства на производство фильмов, собственник киностудий»); *кіночиновник* («государственный служащий, в обязанности которого входит содействие кинопроцессу и его организация»); *кінопенсіонер* («режиссер, активная деятельность и популярность фильмов которого остались в прошлом»). Особенно интересным нам представляется созданный на собственном украинской словообразовательной базе по образцу слов с усиленным пейоративным значением (*писака*) окказионализм *знімака: Поки оті писаки та знімачі уважно нотували нарікання на суворі виборчі будні, мовчав тільки один партійний лідер.*

Итак, в тематической группе неологизмов «кино- и телепроизводство» можно выделить четыре подгруппы, демонстрирующие активность не только словообразовательных процессов, но и дальнейшую аспектуализацию соответствующих понятий, интеллектуализацию языка. Разнообразие семантики анализируемых неологизмов свидетельствует о высокой степени оценочности современного украинского речетворчества, о важности реализации оценки в его языковой деятельности в целом. Описанная нами лексика газетно-журнальной публицистики убедительно подтверждает мнение исследователей, что именно язык масс-медиа дает наиболее полную и яркую картину языковой деятельности общества, активно отражает отношение человека к внеязыковой реальности. Проанализированные оценочные неологизмы показывают вместе с тем определенные тенденции обновления тематической группы «теле- и киноискусство» как отдела лексикона, представляющего самостоятельную сферу функционирования украинского языка.

Словари В. Даля и И. Носовича: этническое сознание в языковых фактах

И. И. Савицкая

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Национальная лексикография, этнография, национальное самосознание

Аннотация. Словари В. И. Даля и И. И. Носовича объединяет их общее стремление показать этнографическую самобытность нации, фольклорная основа словариков. Целью В. И. Даля явилась систематизация резервов «живого» языка – простонародных, географически децентрализованных языковых средств. Словарь И. Носовича «узаконил» фольклорную и духовную самобытность белорусов, их национальное самосознание.

Национальная лексикография в ее ранний словарный период является одним из источников изучения и одновременно средством кодификации литературного языка. Этот процесс обычно знаменуется изданием значительного по количеству отбору и роли в становлении языковой системы лексикографического труда – словаря национального языка.

В русской лексикографической традиции таким словарем можно считать «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863–1866), содержащий «лексическое богатство русского языка во всех разновидностях его устной (народно-разговорной, профессиональной, жаргонной, диалектной, литературно-разговорной и т. п.) и письменной (книжно-литературной) речи» [Николенко, Николина 2002: 179]. В своем труде В. И. Даль представил народную лексику в тесной связи с ее фольклорно-этнографической основой: в словаре были отражены оригинальные пословицы, поговорки, загадки, заговоры, суеверия и народная мифология. «Стремление автора обратить интерес общественности к живому русскому слову и его фольклорно-этнографическим истокам, показать “русский дух” языка определило “этнолингвистический” подход в ТСЖВЯ» [Плотникова 2000: 33]. В. И. Даль предлагает этнографические комментарии к словарным статьям, среди реестровых единиц словаря значительную часть составляют лексемы – термины традиционной духовной культуры: *богоявление*, *баба-яга*, *коляда*, *купала*, *леший*, *русалка*, *святки* и др. Этому способствует и нетрадиционный в то время алфавитно-гнездовой способ расположения реестровых слов в ТСЖВЯ: в рамках одной словарной статьи раскрываются все значения лексики традиционной народной культуры: *блин* – ...*блины*, *блинки*, *блинцы* и *блинчики*, *которыми обычно празднуют наша масляна... Блинами поминают покойника и празднуют свадьбу; блины называется стол у родителей на другой день свадьбы... Блинный стол см. большой стол* – неделя

масляна... Блиница девушка, приходящая к молодой на день свадьбы с блинами...

Относительно истории становления белорусского литературного языка таким словарем стал «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича [Насовіч 1983], запланированный Императорской Академией наук в качестве второй части «Опыта словаря областных наречий», но изданный в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельный труд. И. Носовичу было поручено составить словарь, который систематизировал бы лексику живого народного языка и был бы одновременно источником для лингвистических исследований белорусского языка и пособием при чтении древних памятников письменности, поскольку интенсивное этнографическое исследование Беларуси выявило богатое древнее письменное наследие белорусского народа, которое нуждалось в анализе и словарной систематизации.

«Словарь белорусского наречия» был самым полным на то время сбором лексики и фразеологии живого белорусского языка, который охватывал более 30 тысяч слов белорусской речи середины XIX века: словесные ресурсы разных белорусских диалектов, лексика печатных источников – актов, грамот, фольклорных сборников, периодических изданий того времени. Значения слов и словосочетаний раскрываются авторскими толкованиями и цитатами из диалектного (восточнобелорусского, т. е. кривицкого, ареала, который автор считал наиболее «чистым» в этногенетическом плане) либо общелитературного языка, иллюстрациями в виде пословиц, поговорок, загадок, строк из народных песен. Мифологические представления белорусов в словаре нашли отражение, в частности, в реестровых единицах – наименованиях мифических существ, персонажей из народных сказок и суеверий: *вовколак*, *доброхот*, *домовик*, *клетник*, *ледащик*. Среди реестровых единиц такого типа встречаются слова, прецедентные для белорусского этнического сознания, которые, однако, выступают в каче-

стве лексических или грамматических вариантов названий христианских праздников: *Ганны* – *употр. во множ.* Праздник Успения св. Анны, матери Пресв. Богородицы, 25 Июля, *Змітро* – День св. Дмитрія, празднуемый 26 Октября, *Зьявненне* – 1) церк. День Богоявления Господня. 2) Чудное явление, *Мікола* – 1) Имя отъ крещенія Николай. 2) Святит. Николай. 3) Праздник св. Николая. 4) Церковь свят. Николая и др. Для И. Носовича было важным не столько назвать привычные лексемы конфессионального употребления, сколько передать их этнографическую аутентичность: *Радонница* – День, посвященный поминовению усопших, обыкновенно в Бѣлоруссіи совершаемому во вторникъ Оуминою недѣлю надъ могилами на кладбищахъ. Радость о воскресеніи Христовомъ въ этотъ нарочитый день передается живыми усопшимъ своимъ родственникамъ съ словами: «Христось воскресъ», которыя обыкновенно произносятся три раза при катаніи красного яйца по могилѣ. День этотъ имѣетъ три характера: до обѣда рабочій, послѣ обѣда печальный, къ вечеру веселый, во выраженію самыхъ Бѣлорусцевъ: На радонницу д'обѣда паиуць, п'обѣдзъ плачуць, а вечеромъ скачуць.

Окказионализмы-хронофакты в латышской и русской публицистике

И. Саукане

Даугавпилский университет (Даугавпилс, Латвия)

Окказионализм, семантика, актуальные события

Аннотация. В статье рассматриваются окказионализмы, которые тесно связаны с актуальными событиями, с деятельностью широко известных лиц.

Широкий выбор печатных изданий, желание привлечь и удержать читателей заставляет журналистов искать яркие языковые средства. Конкуренция журналистов, свобода высказываний – эти и другие факторы создали на рубеже веков в латвийской прессе предпосылки для возникновения новых языковых черт. В докладе речь пойдет об окказионализмах в латышской прессе (на материале крупнейших газет Латвии). Примеры русского языка берутся из исследований русских лингвистов (по материалам прессы).

Окказионализмы не только помогают создать эффект новизны и неожиданности, но и позволяют более точно охарактеризовать то, о чем идет речь.

Достаточно широкую группу окказионализмов составляют названия членов партий и общественных объединений Латвии. Есть и такие окказионализмы, которые связаны с политической жизнью определенного периода времени, например: после объединения «Первой Латвийской партии» и партии «Латвийский путь» членов новой политической партии назвали *«mācītājcēlinieki»*. Чтобы понять семантику этого окказионализма, нужно знать, что представителей «Первой Латвийской Партии» называют *«священниками»*, а представителей «Латвийского пути» – *«путейцами»*.

Мифологическое этнознание в процессах номинации

Е. А. Селиванова

Черкасский национальный университет (Черкассы, Украина)

Миф, мотивация, пропозиция, метафора, модус

Аннотация. Статья посвящена исследованию мифологемной мотивации. Данный тип мотивации противопоставлен рациональному и характеризуется выбором мотиватора из такого фрагмента этнознания, который безоговорочно принимается на веру и не требует доказательств. Мифологемная мотивация может иметь пропозициональный, метафорический и модусный характер.

Целью нашего исследования является обоснование семиотического механизма мифологемной мотивации, обуславливающей фиксацию в ономастической структуре наименований особого типа иррациональной, неверифицируемой информации, которая безоговорочно принимается на веру представителями этнического сообщества и формирует относительно стабильные структуры в этнознании, представленные мифами.

Понимание мифа, мифологического сознания в системе гуманитарного знания не является однозначным, что обусловлено прежде всего различными методологическими позициями исследователей и сменой доминирующих эпи-

Как видим, словари В. И. Даля и И. И. Носовича, хоть и были изданы примерно в одно время, имеют как общие черты, так и свою специфику. Объединяет эти лексикографические труды их общее стремление показать этнографическую самобытность нации, фольклорная основа словарей. Расходятся же словари в целях, ради которых отражалась эта самобытность. Для В. И. Даля «живой» язык – это система простонародных, географически децентрированных языковых средств, являющаяся носителем национального духа. В свою очередь И. Носович, поместив названия мифологических и этнографических реалий в словарь, который издавался как строго научный труд, таким образом «узаконил» фольклорную и духовную аутентичность белорусов среди народностей Российской империи.

Литература

Насовіч І. І. Слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1983.

Николенко Л. В., Николина Н. А. Концепция языка в работах В. И. Даля // В. И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сборник. СПб., 2002.

Плотникова А. А. Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. М., 2000.

Представителей «Народной партии» называют *«оранжистами»*: в логотипе этой партии присутствует именно оранжевый цвет.

Другая группа окказионализмов – название разных процессов, чаще всего общественно-политических. Именно по этим процессам возможно определить время возникновения соответствующих окказионализмов.

Как в русском, так и в латышском языке есть окказионализмы, которые образованы от фамилий лиц, известных широкому кругу носителей языка. В русском языке зафиксированы окказионализмы *собачье сердце* (от фамилии мэра Санкт-Петербурга Собчака), *уринолтерация* (Ирина Хакамада + шоковая терапия). В латышском языке, например, *sipeniecveidīga* (отношение).

В латышском языке достаточно часто для обозначения разных событий, процессов используются окказионализмы, первый компонент которых составляет фамилия широко известного лица, а второй – компонент *-geit*, например, *Аудергейт*, *Затлергейт*. Пример такого образования – обозначение политического скандала, произошедшего в США в 70-е годы XX века, – *Вотергейт*.

Как видим, эти окказионализмы тесно связаны с определенным временем, с актуальными событиями общественной жизни.

Дискуссионность проблемы и неопределенность вариантов ее решения отражены в высказывании русского философа А. Ф. Лосева, который со свойственной ему парадоксальностью трактовал миф «не как вымысел, не как фантастику, не как религию, не как науку, не как искусство», подчеркивая, что «миф есть миф» [Лосев 1990: 181].

Мифологическое мышление также рассматривается учеными неоднозначно: с одной стороны, оно трактуется как «первая стадия в развитии языка и мышления, продолжением которой была стадия рационалистического сознания» [Кацнельсон 1948: 87]; с другой стороны, мифологическое

мышление квалифицируют как «вневременную составляющую мышления homo sapiens, возможную на разных этапах исторического развития человечества, в том числе и в современности» [Топорков 1997: 311]. Второе определение более реалистично, хотя нельзя не согласиться с тем, что зарождение мифа происходило еще в первобытной мифологической культуре, которой были присущи образность, фетишизация ощущений, чувственная эмоциональность, синестетичность, отсутствие критического взгляда на действительность, синтетизм, абсолютизация «возможных миров» фантазии и воображения.

Свойства этой культуры послужили основой для формирования феноменального по своим признакам иррационального пласта этносознания, который стал мощным регулятором процесса этнической и культурной идентификации. В таком понимании миф является результатом трансляции от поколения к поколению некоторой культурно значимой информации, некритически воспринятой этносом и объединяющей фиктивные, устоявшиеся в сознании идеи, безоговорочно принятые на веру сообществом и не требующие доказательств или опровержения. Вера способна противостоять любым рациональным фактам, замещать и подменять их, в результате чего иррациональное может становиться практически единственным продуцентом оценок и норм существования и поведения человека и общества.

Анализ мотивации номинативных единиц обуславливает частичную экспликацию синергетической системы этносознания и одного из ее мощных пластов – мифа. В разработанной нами в монографии «Когнитивная ономазиология» [Селиванова 2000] концепции номинативного механизма языка мы квалифицируем мотивацию как сквозную лингвопсихоментальную операцию формирования ономазиологической структуры путем выбора мотиватора (-ов) из структуры знаний об обозначаемом в сложной и нелинейной цепи связей различных познавательных функций. Структура знаний об обозначаемом в нашей концепции представлена упрощенной схемой ментально-психонетического комплекса (МПК), учитывающей взаимодействие означенных пяти функций сознания с бессознательными процессами. Пропозициональное ядро МПК в вербализуемом фрагменте мышления непосредственно коррелирует с частично вербализованным ассоциативно-терминальным компонентом мышления, представленном метафоризованными знаками иных концептов; модусом как показателем оценки, образами, ощущениями, чувствованиями и архетипами коллективного бессознательного.

МПК представляет собой образец тотальных моделей, «охватывающих одновременно множество самых разных аспектов анализируемого предмета», и служащих «продуктом объемного мышления», включающего «и компоненты фонового мышления и процедуры соотношения фигуративного и фонового мышления с невидимым» [Бахтияров 2004: 103–104]. Исследования некоторых классов номинативных единиц, в частности названий растений, животных, фразеологизмов и паремий обусловили необходимость введения и обоснования дополнительного параметра классификации мотивационных механизмов – рациональности / иррациональности используемой при номинации информации. Данный параметр позволил разграничить рациональный и мифологемный типы мотивации.

Процесс формирования мифа рассматривается нами исходя из структуры МПК как перенесение результатов взаимодействия трансцендентного компонента с чувствами и эмоциями, архетипами коллективного бессознательного в

сферу мышления. К. Г. Юнг считал мифы «проявлениями предсознательной души, спонтанными высказываниями о событиях в бессознательной психике, но в любом случае не аллегориями физических процессов» [Юнг 1996: 89]. В сфере мышления миф получает вербальное выражение и фиксируется в устойчивой структуре суждения, не имеющей рациональной природы, но воспринимаемой как рациональная на основе языковой символизации, ибо «только символ есть точная и выточенная идея, несмотря на наличие иррациональных глубин сущности и благодаря им» [Лосев 1990: 152]. Таким способом язык закрепляет миф в мифологемах – языковых носителях мифов. Тем самым миф «предшествует языку как неоформленное движение мысли, совпадает с ним, определяя план его содержания, и порождается языком» [Топорков 1997: 391].

В структуре МПК мифологема могут проецироваться на пропозициональное ядро, ассоциативно-терминальный и модусный компоненты. Миф пропозициональной природы соответствует мыслительному аналогу ситуации, центром которой является предикат, а его коррелятами – термы (актанты и сирконстанты). Иррациональность мифа в данном случае не противоречит относительной истинности пропозиции, хотя в понимании Б. Рассела, транспонировавшего данный термин в логическую семантику, пропозиция должна отражать логику событий в реальном мире. Современная эпистемология лингвистики не требует столь категоричного отождествления пропозиции с реальной ситуацией. Так, основоположник когнитивной семантики американский лингвист Дж. Лакофф рассматривает пропозициональные структуры как разновидность идеализированных когнитивных моделей, «ментальные сущности, в которых не используются механизмы воображения» [Лакофф 1996: 177].

Мифологемная основа мотивации номинативных единиц преимущественно сосуществует с мотиватором ассоциативно-терминальной природы. Это объясняется тем, что миф часто обрывает образными наслоениями, скрываясь за метафорическими обозначениями своей событийной канвы. Сущность данной разновидности мифологемной мотивации состоит в использовании знаков одного культурного кода или концепта для обозначения иных. Мифологема модусного типа, к примеру, определяют создание номинативных единиц с компонентом пространственной ориентации и их аксиологическую переинтерпретацию. Обоснование и исследование мифологемной мотивации на материале номинативных единиц русского языка позволяет не только проследить соотношение рационального и иррационального в этносознании, но и выявить роль одного из мощнейших возможных миров в установлении норм и ценностей, культурных предпочтений этнического сообщества, в организации общественной жизни и регулировании разнообразных дискурсивных практик народа.

Литература

- Бахтияров О. Г. Деконцентрация. Киев, 2004.
 Кацнельсон С. Д. К вопросу о стадильности в учении Потебни // Изв. АН СССР. 1948. Т. 7. № 1.
 Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект / Под ред. В. В. Петрова. Пер с англ. В. И. Герасимова и В. П. Нерознака. М., 1996.
 Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990.
 Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология. Киев, 2000.
 Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М., 1997.
 Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.

Запах как мотивационный признак названий растений в первичном и вторичном семиозисе

А. М. Сердюк

Бердянский государственный педагогический университет (Бердянск, Украина)

Знак, флоролексема, первичный семиозис, вторичный семиозис, признак наименования

Аннотация. В работе рассматриваются украинские и русские флоролексемы в первичном и вторичном семиозисе, мотивированные свойствами растения, познаваемыми человеком в результате обонятельной перцепции. Установлены универсальные и этноспецифические черты процесса знакообразования в двух славянских языках.

На современном этапе происходит переориентация парадигмы лингвистики на антропоцентризм. Важную роль в

этой парадигме занимает семиотика, т. к. процесс знакообразования тесно связан с отображательной и познаватель-

ной деятельностью человека. Поэтому мы разделяем мнение Н. Д. Арутюновой о том, что «в саму природу человека воплощена возможность семиозиса» [Арутюнова 2000: 8].

Исследования работ различных школ дает нам возможность разделить т. з. Э. Бенвениста о семиотическом и семантическом способах означивания [Бенвенист 1974: 87–88].

Для рассмотрения сущности процесса семиозиса важным является вопрос о мотивированности слова и его внутренней формы, т. к. знакообразование связано с выбором признака наименования. На выбор этих признаков влияют социокультурный и трудовой опыт носителей языка, поэтому, как указывал В. фон Гумбольдт, во внутренней форме зафиксированы самобытность, духовная энергия народа, особенности национального миропонимания [Гумбольдт 1984: 307–323]. Все эти факторы в совокупности с лингвистическими способами номинации определяют процесс выбора признака наименования объектов внешнего мира, в нашем исследовании – растения.

Информацию о растительном мире человек получает прежде всего благодаря функционированию органов чувств. Мы исследовали 814 украинских и 603 русских названий растений. Установлено, что в среднем 53% флоролексем в этих языках мотивированы свойствами, познаваемыми в процессе психофизиологического отображения. Что касается такого признака, как запах, то доля этих названий составляет соответственно 4,2% и 5,0% в украинском и русском языках от количества флоролексем, мотивированных перцептивной деятельностью человека [Сердюк 2002: 26, 61].

Исследование названий растений в первичном семиозисе (далее – НРПС), мотивированных свойствами, полученными во время обонятельной перцепции, показывает полное совпадение в выборе этого признака у 14% флоролексем. К этой группе принадлежат названия, мотивированные: 1) приятным для человека запахом: Thuja: укр. *туя*, рус. *туя* (от гр. *душистый*); 2) неприятным запахом, ассоциирующимся с запахом, который издают насекомые либо эти слова являются производными от слов, обозначающих запах: Coriandre: укр. *коріандр*, рус. *кориандр* (от лат. *клон*); Lepidium: укр. *воночка*, рус. *клоповник*; Ribes: укр. *смородина*, *бузичка*, рус. *смородина*, *воночка*; 3) сильным ароматом, который напоминает другие растения: Geum: укр. *гравілат*, рус. *гравилат* (от гр. *гвоздика*), и кальки этого же названия: укр. *гвоздянка*, рус. *гвоздичник*; Schizandra: укр. *лимонник*, рус. *лимонник*; 4) ароматом душистых веществ, которые используют при различных обрядах, ритуалах: Cedrus: укр. *кедр*, рус. *кедр* (от гр. *обкуривать*) и т. п.

Специфическими для каждого языка являются НРПС, мотивированные следующими признаками: 1) приятным запахом: рус. *благоник* *Diosma*, *пахучка* *Clinopodium*, *душица* *Origanum*; 2) неприятным запахом: укр. *козлик* *Valeriana*, *воночник* *Salvia*, *волига* *Sorbus*; 3) сильным ароматом, который напоминает другие растения: укр. *гриб часничник* *Agaricus*; 4) ароматом душистых веществ, которые используют при различных обрядах, ритуалах: укр. *кадило* *Melittis*.

Что касается названий растений во вторичном семиозисе (далее – НРВС), то в русском языке нами зафиксировано в два раза больше примеров, чем в украинском. Распределение НРВС по признакам наименования показывает значительное доминирование признака *положительная оценка запаха*.

Как показывает наше исследование, универсальным аспектом является использование для семантической интерпретации украинских и русских коррелятов Rosa, Convallaria, Viola, Syringa, Artemisia. Ср.: укр. *світ запахуючий, трояндовий* [Гончар 1989: 18]; укр. *Ви пахнете конвалією* [Стельмах 1984: 330]; рус. *Вы покоитесь на ландыщах и розах* [Чехов 1985, 8: 241]; укр. *Ваші жінки – то як фіалки* [Кобилянська, 1: 242]; рус. *от другой несло весной и фиалками* [Гоголь 1984, 5: 162]; укр. *І на нього дмухало бузково* [Хвильовий 1990, 1: 140]; рус. *благоуханьем любви окружена, как цветущая сирень* [Мережковский 1990: 7; 8]; укр. *Полином пахнуть твої коси* [Стельмах 1984: 300]; рус. *Пахнуло полынным теплым ветром* [Шолохов 1987, 1–2: 72].

Использование в качестве готовых первичных знаков других названий растений является национально-специфическим или индивидуально-авторским. Ср.: укр. *калиновий хміль її кіс* [Стельмах 1979: 11]; *дихав оцим вишневим повітрям* [Гончар 1972: 490]; рус. *приторно-сладкий васильковый трупный дух* [Шолохов 1987, 3–4: 145]; *грустные, как запах чабреца, степные песни* [Шолохов 1987, 3–4: 191]; *крепкий и здоровый, как запах свежих яблоков* [Куприн 1982, 1: 446].

Проведенный лингвистический анализ позволяет сделать следующие выводы: 1) для первичного семиозиса в украинском и в русском языках для большинства флоролексем, мотивированных запахом, является характерным аксиологический потенциал; алломорфными чертами в НРПС является преобладание мелиоративной оценки запаха в русском языке и пейоративной – в украинском; 2) абсолютно все НРВС являются аксиологически мотивированными, что объясняется характерной для речевой деятельности субъективностью и обязательным прагматическим компонентом вторичного семиозиса; для вторичного семиозиса в русском языке обонятельная перцепция как признак наименования играет более важную роль, чем в украинском; универсальным для исследуемых языков является преобладание мелиоративной оценки в НРВС над пейоративной, что свидетельствует о признании и украинцами, и русскими креативного характера природы.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М., 2000.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр. М., 1974.
- Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1984.
- Гончар О. Т. Собр.: Роман. Киев, 1989.
- Гончар О. Т. Таврія. Перекоп: Романи. Киев, 1972.
- Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры / Пер. с нем. М., 1984.
- Кобилянська О. Ю. Твори: В 2 т. Киев, 1983.
- Куприн А. И. Собр. соч.: В 5 т. М., 1982.
- Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990.
- Сердюк А. М. Мотиваційна основа назв рослин у первинному і вторинному семіозисі (на матеріалі української, російської, німецької та французької мови): Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15. Бердянськ, 2002.
- Стельмах М. П. Дума про тебе: Роман. Киев, 1984.
- Стельмах М. П. Чотири броди: Роман. Ч. І. Киев, 1979.
- Хвильовий М. Твори: У 2 т. Киев, 1990.
- Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1985.
- Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман: В 4 кн. Киев, 1987.

Займствования из русского языка в современной литовской речи

О. В. Синёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Русизмы, метаязыковая функция, прецедентные тексты, жаргон, стилистический контраст, стилизация

Аннотация. Для современного литовского языка характерен преимущественно устный путь заимствования русских слов и выражений. Интерес литовцев к русскому языковому миру не ослабевает, однако проявляется он в том, что употребление русизмов приобретает характер метаязыковой рефлексии (по Р. Якобсону): заимствуются прецедентные тексты, современные жаргонные слова и выражения, отдельные слова ввиду выразительности их внутренней формы.

Научная языковая нормализация в современной Литве осуществляется последовательно и постоянно. В 1990-е годы усилилась тенденция к пуризму, что явилось прежде всего реакцией на бурный процесс заимствований, проникающих в язык в связи с активным взаимодействием литовской и западной культур. Так же, как и в конце XIX века,

нормирование литовского литературного языка, в частности, выражается в замене заимствований литовскими вариантами: *gamburgeris* – *mėsainis* букв. 'мясной' и *sūrainis*, букв. 'сырный', *pampersas* – *sauskelnės* букв. 'сухие штаны'. Подобная замена была предложена и для привычных, устоявшихся в разговорной речи наименований: *cepelinai* –

didžkukuliai букв. 'большие галушки', *beliašai – pyragėliai su mėsa* букв. 'пирожки с мясом'. Как видим, предложенные наименования не отражают этнокультурную специфику, заключенную в прежних названиях. Заменяются и русизмы. Так, с пометой «не рекомендуется» дается в Словаре современного литовского языка 1993 года издания слово *prūdas* 'пруд'.

Стремление соблюдать литературную норму прослеживается в речевом поведении образованных носителей литовского языка. Тем не менее заимствования из русского языка достаточно часто используются в разговорной речи (далее РР) литовцев разного возраста (от 5 до 70 лет), при этом молодое поколение либо совсем не знает русский язык, либо плохо им владеет. Русизмы произносятся в соответствии с литовской артикуляционной базой. Исключение составляет заимствование русской произносительной манеры с целью стилизации или пародии: – *Nieko nerodo. Kas ya-a-šče per televizorius?! 'Ничего не показывает, что вообще [вълш'ѐ] за телевизор?' Чаше всего русизмы морфологически оформляются аффиксами литовского языка, а иногда только флексиями Tu ką, krutas? – 'Ты что, крутой?'*

Предлагается следующая классификация русизмов в речи литовцев.

1. Прецедентные тексты. А) фразеологизмы, используемые как с экспрессивной целью, так и бессознательно, что демонстрирует их освоенность говорящим *Pakalbėkim vyriškom temom / Tavo tos vyriškos temos! Sila [est'] – uma ne nado* 'Поговорим на мужские темы. / Эти твои мужские темы! Сила есть ума не надо...' (ТВ. 10.08.2004); *Visai blogai, k čortu*, 'Совершенно плохо, к черту!'; *Buvo blogai užpildyta, čortas žino...* 'Было неправильно заполнено, черт знает...'. Б) прецедентные книжные тексты, как правило, трансформированные. Пример. В учреждении А. устраивает портфель на коленях, заполняет бланк: – *Čia visai!.. Pavyzdžiai yra, o stalo nėra... Nu! Kazaki rašo pismo – kaip ten? / Б.: – Sultonui.* 'А: – Вот, совсем уж!.. Образцы есть, а стола нет Ну! Казак пишут письмо – как там? / Б.: – Султану...' (РР)

2. Жаргонные лексика и выражения, создающие эффект стилистического контраста: *toks lochas nesugeba sukaupt pinigų, kad remontą pasidarytų* 'Такой лох не способен накопить денег для ремонта' (обсуждение статьи в Интернете); *Vyt lauk tą šeimos klaną, nes per tokius pirtį prichvatizuos ir*

baigsis! 'Гнать вон этот семейный клан, потому что из-за таких баню прихватизируют и конец!' (Интернет-форум); *Davaj [tusovaca]*, вариант с литовским глагольным аффиксом: *einam patusėme*.

3. Речевые штампы *Davaj – 'Давай', Sakė, tipo, spės.* 'Сказал, типа, успеет' (РР); *Nu pojechali* 'Ну поехали' в значении 'начала действия' (РР); *Nori, kad tai pirkčiau? Tu ką, smejošia?* 'Хочешь, чтобы я это купила? Ты что, смеешься?' (РР); *Da ladno! Chorošo!* (РР) – в значении соотв. несогласия и согласия.

4. Номинации реалий, связанных в сознании говорящего с прошлым: *Sovietinės praeities šešėlis* («Atgimimas». 11.09.2008) 'тень советского прошлого', литовское слово *tarybinis* употребляется все реже; *Toks kolchoznikas...* букв. 'такой колхозник' (РР), хотя в литовском языке существовала калька *kolūkietis*; *Man patiko tik ledai stakančiuose* 'Мне нравилось только мороженое в стаканчиках' (РР).

5. Номинации и выражения как элемент лексикона говорящего: *Aš visai pamiršau, aš tau zakusono ne pasiūliau.* 'Я совсем забыл, я тебе закуску не предложил' (ТВ. 10.08.2004. «Sniego skonis» – фильм 'Вкус снега'); Индивидуальное предпочтение русской лексемы может быть обусловлено большим объемом обозначаемого ею понятия по сравнению с литовским: *Man labiausia patinka koks nors dvorniažka su simpatišku snukiu* 'Мне больше всего нравится какая-нибудь дворяшка с симпатичной мордой' (РР).

6. Калькирование русских жаргонизмов и просторечных слов иногда с отсылкой к русскому источнику: *Aš nenorėjau išskoti (высунуться, kaip rusai sako)* 'Я не хотел (букв.) выскочить (высунуться, как русские говорят)' (РР); *Aš pasakoju visokius dalykus, pudrynu jiems smegenys, o jie čia...* 'Я рассказываю разные вещи, пудрю им мозги, а они тут...' (ТВ. 17.08.2004).

Метаязыковые отсылки типа «как русские говорят», «как у русских» и т. п. очень часты в разговорной речи литовцев, а также в телепередачах, в художественных фильмах.

Для современного литовского языка характерен преимущественно устный путь заимствования русских слов и выражений. Интерес литовцев к русскому языковому миру не ослабевает. Однако этот интерес проявляется в том, что употребление русизмов приобретает характер метаязыковой рефлексии (по Р. Якобсону).

Особенности функционирования многозначных слов с сакральными семемами в современном украинском языке

М. В. Скаб

Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина)

Сакральная лексика, многозначное слово, сакральные семемы, частотность употребления

Аннотация. В статье на материале слова *душа* проанализировано функционирование многозначных лексем с сакральными семемами в украинском языке. Автор приходит к выводу, что в постсоветское время отдельные употребляемые во все периоды функционирования украинского языка многозначные лексемы изменили активность отдельных семем в пользу сакральных значений; следует говорить не только об активизации отдельных сакральных лексем, но и об активизации отдельных сакральных значений в многозначных словах.

Среди актуальных вопросов украинского языкознания последнего десятилетия важное место занимает проблема функционирования сакральной лексики, важность которой вызвана коренным изменением официального отношения общества к церкви и религии. Мы хотим сосредоточить внимание на функционировании сакральных значений многозначных слов путем анализа лексемы *душа*, которая является одной из центральных единиц религиозной терминосистемы.

В «Словаре украинского языка» в 11-ти томах [Словник української мови... 1970–1980], слово *душа* имеет 5 значений: «1. Внутренний психический мир человека, с его настроениями, переживаниями и чувствами. // По религиозным представлениям – бессмертная нематериальная основа в человеке, которая является сутью его жизни, источником психических явлений и отличает его от животного. 2. Совокупность черт, качеств, свойственных определенной личности. // Человек как носитель тих или иных черт, качеств. // Чувство, вдохновение, энергия. // О человеке с прекрасными чертами характера. 3. разг. О человеке (чаще всего при определении количества). 4. перен., чего. Самое основное в

чем-либо, суть чего-либо. // Центральная фигура чего-либо. 5. разг. Углубление в нижней передней части шеи» [Словник української мови... 1970–1980, Т. II: 445–446].

Первичным и основным значением слова *душа* в украинском языке на протяжении многих веков было религиозное значение, которое, к сожалению, в «Словаре украинского языка» подано как оттенок значения «внутренний психический мир человека», что, по нашему мнению, обусловлено влиянием атеистической идеологии советской политической системы искривлением, которое требует исправления.

Лексема *душа* принадлежит к группе слов украинского языка, широко употребляемых испокон веков, чаще всего в религиозном значении «бессмертная нематериальная основа в человеке» и значении «внутренний психический мир человека», причем в разные времена соотношение частотности их использования в указанных значениях было разным.

Так, в фольклоре преобладает религиозное значение. В староукраинской литературе оно является также наиболее употребляемым, но писатели второй половины XIX – начала XX века начинают очень активно использовать анализи-

руемую лексему со значением «внутренний психический мир человека» для образного воспроизведения самых тонких движений души.

В советское время официальная атеистическая доктрина определила игнорирование религиозного значения лексемы *душа* и использование преимущественно устойчивых сочетаний с этим словом, значение которых уже оторвалось от первичного религиозного, что можно трактовать как попытку вытеснить религиозное значение на периферию семантического пространства слова и желание выбросить его из языковой картины мира украинцев вообще. Слово *душа* в религиозном значении употреблялось очень редко, обычно при разговорах о смерти или для индивидуализации образов персонажей, чаще всего изображения необразованного, забитого крестьянина. Основным в литературе становится значение «внутренний мир человека», что и зафиксировал указанный словарь. Типичным примером использования лексемы *душа* в украинской советской литературе является творчество О. Гончара. В его произведениях анализируемая лексема и в свободном употреблении, и в составе фразеологизмов чаще всего употребляется в значении «внутренний психический мир человека». Отсутствие возможности активного использования религиозного значения лексемы автор компенсирует настойчивым подчеркиванием важности соблюдения каждым человеком морально-этических принципов, акцентированием важности человеческой души и т. д.

В украинской литературе конца XX века можно выделить три группы литературных произведений, различающихся особенностями использования в них анализируемой лексемы: первая – это модернистская литература, резко ограничившая употребление лексемы *душа* (О. Забужко, Ю. Андрухович и др.), что можно объяснить стремлением авторов вписаться в мировую литературу, которая, в частности англоязычная, понятиями души пользуется намного реже, чем

русская, тем более украинская (см. [Wierzbicka 1999], [Скаб 2003]); вторая – в произведениях которой продолжается традиционно активное функционирование лексемы *душа* в значении «внутренний психический мир человека» как средство создания оригинального образа (Т. Мельничук, Л. Костенко и др.), но в которой, однако, прослеживается тенденция к увеличению активности использования религиозного значения лексемы; третья – духовные поэзия и проза, для которой характерно чрезвычайно частое употребление религиозного значения (напр., поэзия Т. Майданович), даже розвертывание целых надфразовых единств вокруг этой опорной лексемы (В. Дрозд). Авторы произведений, отнесенных нами к последней группе, стремятся, по нашему мнению, вернуть традиционную украинскую языковую картину мира.

Таким образом, при характеристике изменений в словарном составе украинского языка следует обращать внимание и на то, что отдельные употребляемые во все времена функционирования украинского языка многозначные лексемы в последнее время изменили активность отдельных семем в пользу сакральных значений, то есть следует говорить не только об активизации отдельных сакральных лексем, но и об активизации отдельных сакральных значений в многозначных словах. Думаем, такие закономерности характерны и для других славянских языков.

Литература

- Скаб М. Лексемы *душа* і *серце* як виразники української ментальності // Матеріали V конгресу Міжнародної асоціації україністів. Мовознавство: зб. наук. статей. Чернівці, 2003. С. 378–381.
Словник української мови: В 11 т. Киев, 1970–1980.
Wierzbicka A. *Duša – soul і mind*. Dowody językowe na rzecz etnopsychologii і historii kultury // Wierzbicka A. *Język – umysł – kultura / Wybór prac pod redakcją J. Bartmińskiego*. Warszawa, 1999. S. 522–544.

Комплексное описание национально-специфической лексики

С. В. Стеванович

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия)

Национально-специфическая лексика, лингвострановедческие словари

Аннотация. Язык, с одной стороны, является составной частью культуры, с другой – именно язык аккумулирует и отражает особенности национальной культуры, поэтому, сопоставляя языковые факты в различных языках, можно приблизиться к пониманию специфики национальной культуры.

В последнее время интерес к изучению культуры возникает не только у историков, этнографов и других исследователей в области гуманитарных наук, но и у лингвистов. Однако если историк оперирует историческими фактами, археолог – данными раскопок, то в арсенале лингвиста исключительно слово.

Само по себе слово уже является носителем культурной информации, но есть особая группа слов, которая позволяет ярче увидеть особенности национальной традиционной культуры. Так, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров 1983] выделяют следующие виды национально-специфической лексики: безэквивалентную и фоновую лексику. О. А. Корнилов [Корнилов 2003], помимо этих групп, выделяет еще и группу специфических абстрактных концептов.

Понятно, что приемы изучения этих групп будут отличаться. Так, например, описывая безэквивалентную лексику, достаточно ее обнаружить при сопоставительном анализе и описать объем понятия (праздник *Слава* в сербской культуре). При изучении фоновой лексики важно сопоставить семантический объем, выяснив эквивалентные и национально-специфические признаки. Исследуя национально-специфические признаки абстрактных концептов, исследователю вынужден привлечь весь корпус лингвистических, филологических, исторических и литературных знаний, чтобы получить достоверные сведения о национально-специфических особенностях данного концепта в разных культурах.

Однако не менее важным с точки зрения выявления национальной специфики является и сопоставительный анализ эквивалентной лексики (см. мнение С. Г. Тер-Минасовой [Что такое лингвострановедение 2000]). Предлагаемая нами методика выявления национальной специфики эквивалент-

ной лексики заключается в сопоставлении эквивалентных слов в трех аспектах: системно-языковом, функциональном и когнитивном. Такой комплексный подход предполагает следующие этапы изучения эквивалентной лексики:

- 1) анализ словарных дефиниций с целью выявления универсальных и специфических признаков;
- 2) сопоставительный анализ эквивалентной лексики в функциональном аспекте с целью дополнения и уточнения семантической структуры эквивалентных слов;
- 3) психолингвистический эксперимент с целью выявления ассоциативного комплекса знаний.

Как видим, методы исследования зависят от своеобразия изучаемой лексики, а результаты исследования позволят не только реконструировать фрагмент языковой картины мира, но и дать корректный лингвокультурологический комментарий на практических занятиях по изучению славянских языков.

Однако комплексные описания культурных особенностей, выявленных на основе языковых фактов, позволили бы студенту получать знания о культуре другой страны в системе. Речь идет в первую очередь о лингвострановедческих словарях, которые активно используются при изучении иностранных языков, но, к сожалению, на базе славянских языков не существуют.

Словарная статья в лингвострановедческом словаре включает в себя:

1. Заголовочную единицу.
2. Сопутствующие языковые сведения.
3. Семантизацию заголовочной единицы:
 - а) толкование понятия;
 - б) изъяснение лексического фона, а именно круг обиходных знаний о явлении или предмете, некоторые данные

энциклопедического характера и живой эмоционально-ассоциативный комплекс, связанный у человека определенной культуры с данным понятием.

Все лингвострановедческие словари можно условно разделить следующим образом:

1. Лингвострановедческий словарь о культуре другой страны.

Цель такого рода словарей – через языковые единицы показать национальную специфику различных сторон жизни народа – носителя языка. Например, лингвострановедческий словарь Д. Г. Мальцевой. «Германия: страна и язык» (М., 2001) содержит статьи о народных обычаях и традициях, праздниках в Германии, речевом этикете, афоризмах, прецедентных именах, высказываниях и текстах и др.

2. Лингвострановедческий словарь устойчивых выражений.

Цель – представить наиболее употребительные пословицы и поговорки, отобранные с точки зрения отражения ими истории, культуры и литературы. Так, в лингвострановедческом словаре В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» (М., 1979) описаны пословицы, в которых отразилась история страны, быт и обычаи народа.

3. Лингвострановедческие словари невербальных средств коммуникации.

Цель подобного типа словарей – описать мимику и жесты и особенности передаваемого ими значения. Например, в лингвострановедческом словаре А. А. Акишиной, Х. Кано,

Т. Е. Акишиной «Жесты и мимика в русской речи» (М., 1991) каждая словарная статья содержит описание и толкование жеста, возможное его словесное сопровождение. Большинство статей иллюстрируется рисунками.

4. Тематические лингвострановедческие словари.

Цель таких словарей – познакомить студентов с одной из областей инокультуры. Например, словарь М. А. Денисовой «Народное образование в СССР» (М., 1978) описывает объем общих представлений современного человека по данной теме.

Лингвострановедческий словарь Т. Н. Чернявской «Художественная культура СССР» (М., 1984) включает статьи по театральному, изобразительному, эстраднему, хореографическому искусству, киноискусству и др.

Таким образом, изучение специфики традиционных славянских культур заключается не только в исследовании отдельных лексем в лингвокультурологическом аспекте, а также в комплексном описании культуры другой страны, различных ее областей, афористического уровня языка и невербальных средств коммуникации.

Литература

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1983.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.

Что такое лингвострановедение // Мир русского слова. 2000. № 2.

Особенности употребления лексики, относящейся к сфере государственного устройства и управления, в языке современных болгарских СМИ и в Интернете

Е. М. Сулова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Болгарский язык, общественно-политическая терминология, политический нарратив, язык Интернета, язык СМИ

Аннотация. Лексемы, входящие в лексико-семантическую группу «государственное устройство и управление», являются общественно-политическими терминами. Какие преобразования претерпевают они при их употреблении в языке СМИ и повседневной речи, показывает анализ лексем данной группы, использующихся при описании конкретного политического события.

1. Лексика, связанная с государственным устройством и управлением, является неотъемлемой частью словарного состава любого развитого литературного языка.

1.1. С одной стороны, лексемы, входящие в ее состав, являются общественно-политическими терминами, обладают всеми характеристиками, присущими любой терминосистеме, функционируют в таком качестве в официально-деловом стиле и представлены в таких документах, как конституции, законодательные акты, уставы партий и др.

1.2. С другой стороны, политическая жизнь любой страны активно обсуждается как в средствах массовой информации, так и при повседневном общении граждан, что невозможно без использования данных лексем.

1.3. При вхождении данных терминов в язык СМИ и повседневную речевую практику они претерпевают различные преобразования. Для обозначения понятий, которые обычно обозначаются терминами, могут быть использованы иные лексические средства (термин в данном случае встраивается в ряд лексем, наделенных в том числе и экспрессивными характеристиками).

2. Интересно с этой точки зрения провести анализ лексем данной лексико-семантической группы, использующихся при описании событий, которые имели место в болгарской политической жизни в апреле 2008 г. (отставка министра внутренних дел Р. Петкова, реформы в Министерстве внутренних дел Болгарии).

2.1. Здесь разумным представляется использовать термин «политический нарратив» – «совокупность дискурсивных образований, сконцентрированных вокруг определенного политического события» [Шейгал 2004: 269]. Для политического нарратива характерны множественность изложений и протяженность во времени.

2.2. Лексемы, использующиеся при описании участников данной ситуации, демонстрируют иерархию системы, для

описания которой они создаются, – в данном случае политической системы Болгарии (*президент, парламент (Народно събрание), министр-председатель, министерство на вътрешните работи, министър на вътрешните работи, депутат* и др.). Это термины, значение которых определено в Конституции Болгарии и других официальных документах.

2.3. С другой стороны, данный скандал широко освещался болгарской прессой и обсуждался в сети Интернет. Как отмечают исследователи, СМИ в политической коммуникации выполняют роль медиатора, т. е. процесс «ретрансляции» информации от адресанта (политика) к адресату (гражданину) как правило сопровождается собственным вкладом СМИ в коммуникацию [Шейгал 2004: 59]. Описание событий апреля 2008 г., а соответственно и лексемы, использующиеся при этом, различаются в зависимости от характера издания, позиции журналиста и т. д.

3. Можно выделить основные процессы, происходящие с данными лексемами, при их использовании в СМИ.

3.1. Использование «видоизмененных» терминов: *вътрешен министър, МВР шеф, вътрешен шеф (вм. министър на външните работи); вице (вм. вице-премьер), икономическото меаминистерство (вм. министерството на икономиката)*.

3.2. Термины могут заменяться также на:
– имена собственные: имена или фамилии политиков («Сергей компенсират Доган», «решението на Петков», «хората на Доган»);
– прозвища («Сокола изненада всички»);
– наименование по характерному признаку («антимафитотът», «младежът с очила», «плевенчанинът»);
– адреса штаб-квартир партий и государственных органов (*Врабча, Позитано № 20, Шести септември № 29*).

3.3. Широко представлена метафоризация. Например, наряду с термином «реформы» журналисты используют сле-

дующие слова и словосочетания: *ремонт, рокади в кабинета, промени в кабинета, «разместване на мебелите», «нужда от макияж»;* наряду с термином «депутаты» – «кипни играчи» и т. д.

3.4. Отношение к происходящим реформам характеризуют используемые эпитеты (изменения – *аварийни, закъснели, безсмислени, козметични*; пост в министерстве – *апетитен*; депутаты различных партий – *депутати от всички цветове; жълти министри*). Посредством использования тех или иных определений в прессе происходит «интерпретация действительности на концептуальном уровне» [Володина 2007]. Многократно повторяющийся контекст обретает системную силу. Так, частое употребление эпитета *козметичен* в отношении реформ символизирует их бесполезность, то, что они не приведут к существенным изменениям в стране.

4. Непременной частью современной жизни является Интернет. В политической коммуникации он также играет значительную роль, поскольку отражает мнение о происходящем граждан страны (и является практически единственным средством их участия в данной коммуникации).

4.1. Анализ сообщений, касающихся рассматриваемого политического события, на форумах позволяет выявить следующие особенности использования лексем, относящихся к сфере государственного устройства и управления. Язык сообщений отличается от языка газетных статей большей экспрессивностью. Помимо синонимов (*реставрация*), метафор (*губене на пълен контрол над машината*), для интернет-сообщений характерно употребление оценочной, оскорбительной лексики (*мръсника Р. Петков, говедари, червентите педали*), замены имен политиков на их уменьшительные варианты (*Кристиянчо* вм. *Кристиян Винегин*).

5. Следует отметить, что изменения происходят не со всеми лексемами данной группы. Наиболее часто они касаются терминов, обозначающих парламент, партии, депутатов, представителей судебной власти, отдельных политиков. Практически всегда неизменными остаются лексемы, свя-

занные с высшей исполнительной властью (*президент*) и сравнительно новыми для Болгарии органами Европейского союза (*Европарламент, Еврокомиссия* и т. п.).

6. Итак, с одной стороны, лексемы, входящие в лексико-семантическую группу «государственное устройство», являются политическими терминами. С другой – общение в политической сфере ориентировано на массового адресата, что приводит к деспециализации политических терминов, доступности понимания политического языка всеми членами языкового сообщества. СМИ и Интернет являются основной сферой существования данной лексики. Прежде всего через СМИ происходит «диалог» власти с народом, поэтому именно СМИ в большой степени интерпретируют политическую действительность, причем важную роль в этом играет использование определенных лексем в определенном виде и контексте. Граждане в свою очередь, не имея возможности непосредственной коммуникации с властью, выражают свое отношение к происходящему с помощью Интернета, используя для обозначения существующих политических реалий более экспрессивные языковые средства.

Литература

- Володина М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // http://genhis.philol.msu.ru/article_262.shtml. 08.12.2007.
Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Источники

- Труд. 14.04.2008
Труд. 23.04.2008
Труд. 25.04.2008
Тема. № 14. 07.04.2008
Тема. № 16. 21.04.2008
Тема. № 17. 28.04.2008
Форум <http://www.kaldata.com/forums/>.
Форум <http://forum.segabg.com>.

Основы построения лингводидактического функционально-семантического словаря польского языка

Т. С. Тихомирова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Предлагаемый словарь является попыткой представить (в систематизированном виде и по возможности полно) грамматически ориентированные семантические категории и их компоненты в сочетании с их типовыми средствами выражения в современном польском языке. Описание семантической системы языка – от значения («что я хочу сказать») к средству («как я могу это выразить») – теория и практика. Универсальное и специфическое. Грамматика говорящего (Л. В. Щерба) – семантика и грамматика польского языка для русскоязычного говорящего. Лингводидактическая направленность словаря.

Сводный словарь-компендиум такого типа может быть использован в качестве материала при разработке лингводидактических программ и учебных пособий по польскому языку как иностранному, в качестве исходной базы при построении аналогичных словарей других языков для русскоязычного говорящего, а также для сопоставительных исследований.

Описание семантической системы языка по необходимости должно включать основные семантические единицы, принадлежащие 1) к уровню понятийных категорий и 2) уровню их категориальных языковых интерпретаций и реализаций – т. е. к уровню семантических полей и функционально-семантических категорий и их субкатегорий, 3) к уровню семантической структуры предложения (компонентов аргументно-предикативных / предикатно-актантных структур, семантических позиций в структуре предложения – членов предложения), 4) к прагматическому уров-

ню (широко понимаемой модальности любого типа, экспрессивность и эмоциональность речи), 5) к коммуникативной сфере (актов речи, в том числе и узуально-конвенциональных), 6) к уровню словообразовательных категорий и в целом – к лексико-денотативному уровню. Иерархические взаимоотношения между семантическими категориями и субкатегориями разного уровня, их совмещенность и взаимопроницаемость. Проблемы отдельности и обособления семантических категорий и их место в общей словарной классификации. Проблемы выделения единицы описания.

Средства выражения указанных семантических уровней и выделенных семантических единиц: части речи, грамматические формы грамматических категорий, словообразовательные модели, лексико-грамматические и лексические группировки, синтаксические конструкции и другие особенности построения текста и т. д. Их поли- и изофункциональность.

Структура и построение семантико-функционального словаря.

Семантические зоны субъекта, объекта, качества – квалификативности, количества – квантитативности и их семантических категорий и субкатегорий: категории бытия – отсутствия, определенности – неопределенности, принадлежности, времени, пространства и прочих характеристик обозначаемой ситуации, сфера коммуникации и интенции говорящего – категории модальности, отрицания, утверждения, сомнения, волеизъявления, вопроса и т. п., сфера функций речи и т. д.

О фразеологизмах с компонентом *svijeća* (свеча) в хорватском и некоторых других славянских языках

Ж. Финк

Загребский университет (Загреб, Хорватия)

Хорватский язык, фразеология, фразеологизмы с компонентом svijeća, эквиваленты в русском и других славянских языках, символика свечи

Аннотация. В работе анализируются хорватские фразеологизмы с компонентом *svijeća* (свеча). Рассматривается влияние свечи как предмета и символики свечи на формирование фразеологического значения. Даются эквиваленты указанных оборотов, во-первых, в русском, а потом и в некоторых других славянских языках и таким образом указывается на общее происхождение анализируемых фразеологизмов.

1. В современном хорватском языке компонент *svijeća* (свеча) появляется всего в нескольких фразеологизмах. Это, во-первых, сравнительные фразеологизмы (один адъективный, остальные глагольные) *uspravan (ravan) kao svijeća*; *hodati (ići, kretati se i sl.) <uspravno (ravno)> kao svijeća*; *pasti kao svijeća*; *ikipiti se (stajati) kao svijeća*; затем глагольные *tražiti <sa> svijećom koga, što*; *držati svijeću komu*; *prodati / prodavati (podvaliti / podvaljivati) rog za svijeću komu* и фразеологизм со структурой предложения *dogorijeva (gasi se) čija svijeća*.

2. Все устойчивые сравнения относятся к лицу, указывая на положение тела, прямое (*uspravan (ravan) kao svijeća*; *hodati (ići, kretati se i sl.) <uspravno (ravno)> kao svijeća*) или остолбенелое от страха, изумления, удивления (*ikipiti se (stajati) kao svijeća*). Фразеологизм *pasti kao svijeća* указывает, с другой стороны, на человека, который упал вдруг, резко, неожиданно (как подкошенный, как сноп, как мешок).

2.1. Во многих славянских языках существуют эквиваленты единице *uspravan (ravan) kao svijeća* (в некоторых имеются и субстантивные варианты):

СЛОВЕНСКИЙ	raven kot sveča
СЕРБСКИЙ	prav kao jablan (bor, sveća)
МАКЕДОНСКИЙ	прав (рамен) како свеќа
БОЛГАРСКИЙ	прав като свещ
УКРАИНСКИЙ	рівний як струна (свіча, свічка)
РУССКИЙ	прямой как свеча (свечка)
ПОЛЬСКИЙ	prosty (wyprostowany) jak świeca
ВЕРХНЕЛУЖИЦКИЙ	runy kaž (jako) swěca (swěčka)
ЧЕШСКИЙ	rovný jako svíce (svíčka)
СЛОВАЦКИЙ	rovný ako svieca (struna)

2.2. Немного меньше языков фиксирует глагольную эквивалентность:

СЛОВЕНСКИЙ	stati kot sveča
МАКЕДОНСКИЙ	стои <исправен> како свеќа
БОЛГАРСКИЙ	стоя <прав> като свещ
УКРАИНСКИЙ	стояти як свічка
РУССКИЙ	стоять / стать свечой
ЧЕШСКИЙ	stát <rovně> jako svíce (svíčka)
СЛОВАЦКИЙ	stáť ako svieca (sviečka)

3. Глагольные фразеологизмы.

3.1. Фразеологизм *tražiti <sa> svijećom koga, što* показывает, как тяжело найти то, что ищут, и поэтому к дневному свету добавляется свет свечи; тем самым подчеркивается почти полная невозможность найти определенный предмет или лицо. По преданию, греческий философ Диоген днем ходил в толпе народа со свечой в руках и на вопрос, что он ищет, отвечал: «Человека ищу». Данный фразеологизм употребляется в разных языках (в некоторых вместо компонента *свеча* или в качестве варианта появляется существительное со значением какого-либо источника света).

СЛОВЕНСКИЙ	iskati z lučjo <pri belem dnevu>, iskati s svečo
СЕРБСКИЙ	takve treba svećom tražiti
МАКЕДОНСКИЙ	дење со свеќа не го наоѓаш
БОЛГАРСКИЙ	със свещ (борина) да <го> търсиш, със свещ не можеш да намериш някого, нецo

УКРАИНСКИЙ	і вдень (удень, серед дня) з свічкою не найдеш (не можна знайти)
РУССКИЙ	днем с огнем [можно найти, отыскать и т. д.], днем с огнем (фонарем) не найти (не найдешь, не сыскать, не сыщешь)
СЛОВАЦКИЙ	ani s lampášom (so sviečkou) nenájdeš niekoho, niečo

3.2. Фразеологизм *držati svijeću komu* сначала употреблялся в контексте чужих любовных отношений, т. е. говорящий обычно отрицал, что был свидетелем чьей-либо любовной связи. Но сфера употребления данной единицы в хорватском языке расширилась, и она теперь употребляется и в значении 'знать, кто чем занимается, быть свидетелем чьей-либо деятельности, помогать кому в исполнении чего'. В подобных значениях она употребляется и в других языках.

СЛОВЕНСКИЙ	držati svečo
СЕРБСКИЙ	držati sveću kome
РУССКИЙ	держатъ свечку
ВЕРХНЕЛУЖИЦКИЙ	swěcu dzeržeć někomu, něchtó někomu swěcu dzerži

3.3. Фразеологизм *prodati / prodavati (podvaliti / podvaljivati) rog za svijeću komu* имеет значение 'обмануть / обманывать кого, сбить / сбивать с толку кого'. Образ оборота основывается на сознательном обмане, т. е. на замене двух предметов, один из которых является более ценным (свеча), а другой – менее ценным (рог).

4. Фразеологизм со структурой предложения *dogorijeva (gasi se) čija svijeća* имеет значение 'умирает кто, жизнь чья подходит к концу'. В русском языке в подобном значении употребляются устойчивые сравнения: *таять (угасать, гаснуть) как <восковая> свеча* и *таять (угасать, гаснуть) <восковой> свечой*. В отличие от хорватского, где акцент ставится на образ угасающей свечи, в русском умирающий сопоставляется с угасающей свечой.

5. В устойчивых сравнениях хорватского и других славянских языков использована форма традиционной свечи, она символизирует прямое положение тела. В одном глагольном фразеологизме имеется в виду свеча как предмет (*prodati / prodavati (podvaliti / podvaljivati) rog za svijeću komu*), а в другом – свеча как источник света, освещения (*tražiti <sa> svijećom koga, što*). Оборот *držati svijeću komu*, вероятно, связан с обычаем зажечь свечу у кровати умирающего. Таким образом, это символ связи с Богом, она определяет точку встречи посюстороннего с потусторонним. Помимо этого, свеча сравнивается с человеком, с его жизнью: задуть свечу значит прервать течение жизни, бытия. Это нашло отражение в единице *dogorijeva (gasi se) čija svijeća*, где свеча представляет собой жизнь.

Литература

- Бирх А. К., Моквиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.
Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия. М., 2003.
Chevalier Jean, Gheerbrant Alain Rječnik simbola. Zagreb, 1989.
Colin Didier Rječnik simbola, mitova i legendi. Zagreb, 2004.
Fink Arsovski Željka. Poredbena frazeologija: pogled izvana i iznutra. Zagreb, 2002.
Fink Arsovski Željka i sur. Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. Zagreb, 2006.
Menac, Antica, Fink Arsovski, Željka, Venturin, Radomir Hrvatski frazeološki rječnik. Zagreb, 2003.
Opći religijski leksikon. Zagreb, 2002.

Жанровая конвенциональность лексических коннотаций в русском языке и текстах традиционной культуры (на примере названий животных)

О. Е. Фролова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Коннотации, связанные с той или иной тематической группой лексики, формируют переносные антропоцентрические значения в языке. Для названий животных это довольно большая группа, насчитывающая более 130 единиц, отраженных в толковых словарях начиная с конца XVIII в. Появление переносных значений опосредовано многими источниками, прежде всего античной и христианской культурой. Некоторые фигуративные значения имеют библейское происхождение (*бегемот*), другие, возможно, связаны со светской литературой (*ворона*), заимствованы из западноевропейских языков (*заяц* в значении 'безбилетный пассажир').

Для названий животных можно выделить несколько типов переносных значений: а) внешнее, зрительно воспринимаемое сходство (*бык*); б) сходство внутренних качеств, проявляющихся в поведении (*лиса*); в) сходство в социальном поведении (*кукушка* в значении 'нерадивая мать'); г) релятивные отношения говорящего и объекта номинации (*птенец* в значении 'ребенок' с точки зрения взрослого); д) сходство в гендерном поведении (*жеребец*).

В русских волшебных сказках (ВС) и сказках о животных (СЖ) животные являются персонажами и играют важную фабульную роль. Применительно к ВС мы вслед за В. Я. Проппом употребляем термин *функция*, а для СЖ предлагаем термин *амплуа*. Наша цель – выяснить, совпадают ли функции и амплуа животных в сказках со значениями, отраженными в словарях?

Корпус животных персонажей для названных выше жанровых разновидностей сказки различен. В ВС выделяют а) персонажи – волшебные помощники (*волк, конь*), б) магические предметы (*щука*), работающие как волшебные средства, и в) аналоги бытовых вещей, выступающих в функции контейнера (*заяц, утка*), т) животные –

предмет желаний и цель выполнения трудной задачи (*жарптица*).

Функция животного в ВС не мотивирована качествами «зоологического прототипа» и не связана с переносным значением соответствующего имени в языке. Расхождение в том, что персонажами ВС являются животные, названия которых не порождают соответствующих фигуративных значений (*волк* в ВС – *старый волк, бирюк* в словарях XVIII и XIX в.).

В СЖ амплуа персонажей-животных находятся в более сложных взаимоотношениях с лексикографированными переносными значениями соответствующих имен и связаны с поведенческими характеристиками – второй тип переноса (б).

Если соотносить функции персонажей-животных в ВС и амплуа в СЖ, можно говорить о том, что набор названий животных в этих жанровых разновидностях сказки не совпадает: в ВС это преимущественно *волк, конь*, а в СЖ: *медведь, волк, лиса, заяц, петух*.

Наблюдается несколько случаев: а) отсутствие персонажа в ВС, наличие в СЖ, совпадение качеств персонажа в СЖ и актуального фигуративного значения имени (*лиса*); б) отсутствие персонажа в ВС, наличие его в СЖ, несовпадение амплуа в СЖ с актуальным фигуративным значением (*петух*); в) наличие персонажа в ВС и СЖ, несовпадение качеств персонажа в ВС и СЖ, отсутствие актуального фигуративного значения лексемы (*волк*); г) присутствие персонажа в ВС и СЖ, несовпадение функции персонажа в ВС и амплуа СЖ, мотивированность амплуа персонажа СЖ утраченным переносным значением имени (*заяц* в значении 'трус', а не в значении 'безбилетный пассажир').

Сопоставляя поведение одной группы имен в языке и двух разновидностей сказки, приходим к выводу, что в жестко структурированных нарративных фольклорных текстах имена приобретают жанровые коннотации.

Итоги работы над международным проектом «Теория и история славянской лексикографии»

М. И. Чернышева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Славянская лексикография

Аннотация. В докладе подводятся итоги работы Комиссии по лексикологии и лексикографии при МКС над коллективным международным трудом «Теория и история славянской лексикографии», в котором продемонстрированы достижения в развитии словарного дела во всех славянских странах.

Комиссия по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов между двумя съездами – XIII в Словении (2003) и XIV в Македонии (2008) – подготовила коллективный труд «Теория и история славянской лексикографии» (М., 2008). В работе над коллективным трудом приняли участие 24 лексикографа из славянских стран и 2 специалиста из государств, имеющих давние славянские традиции: Германии и Швеции. Белоруссию представил В. К. Щербин, Болгарию – М. Чоролеева, Польшу – Т. Пиотровский, Словакию – А. Ярошова, Украину – В. В. Дубичинский, Хорватию – 2 специалиста-лексикографа: Бранка Тафра и Желька Финк, Чехию – 3 специалиста в 2-х разделах: Эмилия Благова – раздел, посвященный старославянской лексикографии в Чехии, Зденка Хладка и Ольга Мартинкова – раздел, освещающий состояние дел в области лексикографии в Чехии. В коллективном труде участвовали также 13 российских специалистов, из которых трое взяли на себя труд решать поставленные задачи за своих коллег из соответствующей славянской страны (разумеется, с их согласия), – это В. П. Гудков и Е. И. Якушкина (раздел о сербской лексикографии), Е. В. Верижникова (раздел, посвященный македонской лексикографии). Остальные 10 российских ученых-лексикографов в представленных очерках отразили результаты деятельности в соответствующей области отечественной лексикографии.

Коллективный труд состоит из трех частей. В первую часть «Славянская лексикография» входит 11 очерков, посвященных лексикографии отдельной славянской страны. Часть вторая – «Славянская лексикография в неславянских странах» – состоит из двух очерков: «Славянская лексикография в Германии» (автор – немецкая лексикограф Ренате Беленчиков) и «Русская лексикография в Швеции» (автор – шведская исследовательница и лексикограф Улла Биргерд). Часть третья – «Лексикография в России»; авторы – известные специалисты, занимающиеся разработкой одного из ведущих направлений современной русской лексикографии: Ю. Д. Апресян, А. С. Белоусова, Л. П. Крысин, Л. В. Куркина, С. А. Мызников, А. А. Поликарпов (с соавторами), Г. Н. Складарская, Л. Л. Шестакова.

В коллективном труде «Теория и история славянской лексикографии» подводятся итоги развития славянской лексикографии со времени ее возникновения в каждой конкретной славянской стране до рубежа XX–XXI веков. Таким образом, сформулированная в заглавии тема позволила авторам проследить пути развития национальной лексикографии и ее современное состояние, это дало также возможность оценить сложившуюся ситуацию в данной научной области.

Важным моментом развития славянской лексикографии было взаимообогащение и взаимовлияние лексикографий

разных стран, что приводило к созданию новых типов словарей. Импульсы подобного рода шли как со стороны европейской лексикографии, так и со стороны близкородственных славянских словарных разработок. В нескольких очерках исследователи обращают внимание на факт взаимовлияния и взаимообогащения лексикографий славянских стран.

Особенно же очевидным это явление становится на современном этапе развития словарного дела. Приведем только один пример. Среди современных достижений обращает на себя внимание первый сербский проект *а с с о ц и а т и в н о й* лексикографии, успешно реализованный коллективом во главе с П. Пипером в издании «Ассоциативного словаря сербского языка» (часть I: «От стимула – к реакции») [Пипер, Драгићевић, Стефановић 2005], который коррелирует с «Ассоциативным тезаурусом современного русского языка» (авторы – Ю. Н. Караулов и др.). Ориентация на методику сбора и презентации материала, примененную в русском словаре, была вызвана желанием не только учесть его успешный опыт, но и сделать возможным и удобным прямое сопоставление сербских данных с русскими, что значительно расширило сферу потенциального научного использования сербского словаря и повысило его значимость. Параллелизм с русским изданием предвосхитил идею создания компаративного «Славянского ассоциативного словаря», которая начала реализовываться в разных славянских странах, в том числе и в Сербии, к моменту выхода «Ассоциативного словаря сербского языка».

Наряду с демонстрацией реальных достижений, в ходе рассуждения авторы неизбежно выявляют «белые пятна» отечественной лексикографии; например, чешская исследовательница А. Ярошова так оценивает нынешний уровень состояния словацкой лексикографии: «...Нам не хватает некоторых важных словарей: современного толкового словаря среднего типа или большего объема (шеститомного и более), этимологического словаря, большого фразеологического словаря, словообразовательного словаря и некоторых других».

Концепт *школа* в сознании детей 7–8 лет

Е. Б. Чернышова

ГОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт» (Борисоглебск, Россия)

Концепт, когнитивные признаки концепта, структура концепта

Аннотация. В статье описывается лингвокогнитивное исследование концепта *школа* в сознании 7–8-летних школьников (на материале свободного ассоциативного эксперимента).

В последние годы лингвисты обратились к изучению языкового сознания представителей различных (возрастных, гендерных, профессиональных) групп носителей языка. Предпринятое нами исследование языкового сознания людей разного возраста дает представление о **динамике развития** как концептосферы человека в целом, так и отдельного концепта в частности.

Языковое сознание изучается при помощи ассоциативных методик. По результатам проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента среди учащихся школ Воронежской области (104 чел.: 52 девочек и 52 мальчиков 7–8 лет) было построено ассоциативное поле. [Информантам предлагалось записать первую пришедшую им в голову реакцию (слово, словосочетание, предложение) на слово-стимул «школа».]

Ассоциативное поле концепта **школа**

Цифрами обозначено число ассоциаций.

Школа 102: *учеба* 11; *хорошая* 8; *учиться* 5; *номер три, умная, учитель* 4; *добрая, замечательная, здание, интересная, красивая, надо учиться, ум, учение, учительница, я люблю школу* 2; *веселая, в ней можно научиться всему, второй дом, всего дороже, где мы умными становимся, где мы учимся, где учатся, дары знания, друзья, здание, где учат, здание, где учатся дети, знания, играть, идем в школу, идут дети, классная, книга, когда человек учится, любимая, люблю, место, где учат, моя, наш второй дом, необычная, она нас учит, отличная, первый «Б», родная, там обучают, третий этаж, учебная, учение, ученик, ученики, учит всех, учить, уроки, учебные вещи, хорошо быть умным, храм знаний, чтобы стать грамотным, это когда*

Современная лексикография представляет собой такое направление науки, которое наиболее оперативно реагирует не только на потребности собственно языка и, соответственно, филологии, но и на изменения, происходящие в современной науке, культуре, обществе и, шире, в мире. Это не просто динамично развивающаяся отрасль языкознания, но, развивающаяся супердинамично. Отсюда – появление все новых разновидностей словарей, а также видоизменение и совершенствование привычной типологии. Один из примеров – шеститомный «Словарь синтаксической интенции македонских глаголов» [Интенцијално-синтаксички речник... 1992, 1997, 2000, 2001], работа над которым велась более двадцати лет.

Безусловно, яркой иллюстрацией супердинамизма развития лексикографии служит современная российская лексикография. Ее развитие столь стремительно и разнообразно, что представлялось абсолютно невозможным дать хотя бы краткий обзор нынешнего состояния словарного дела в России, поэтому было принято решение показать в коллективном труде только несколько важнейших достижений в этой области. К сотрудничеству были приглашены ведущие ученые, таким образом, в девяти очерках представлены только некоторые из важнейших достижений современной русской лексикографии.

В результате проделанной работы создан значительный по объему обобщающий труд, который, хотелось бы надеяться, послужит новым стимулом не только для плодотворного развития славянской лексикографии, но и для дальнейшего взаимного обогащения словарного дела во всех славянских странах.

Литература

- Интенцијално-синтаксички речник на македонските глаголи / Во обработка на Б. Корубин, С. Велковска и соработниците... Т. I: А–Ж. Скопје, 1992; Т. II: З–К. 1997; Т. III: Л–О. 2000. Т. IV: П. 2001. Т. V: Р–С. 2001. Т. VI: Т–Ш. 2001.
Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Ассоцијативни речник српског језика. Београд, 2005.

оценки хорошие, это надо учиться, это то, что много детей, это учреждение, где научат много полезного и интересного, я слушаюсь учителя 1.

На следующем этапе исследования ассоциаты подвергались когнитивной интерпретации, на основе чего были сформулированы когнитивные признаки концепта **школа**. Всего получено 27 признаков, представленные 102 ассоциативными объективациями.

Когнитивные признаки концепта **школа**

После признака указано число его объективаций испытуемыми в эксперименте.

Там учатся 32; *хорошая* 12; *родная* 9; *делает умным* 8; *есть учителя* 6; *здание, любимая* 4; *интересная* 3; *есть ученики, дети идут в школу, дает знания, добрая, красивая* 2; *нужны учебные принадлежности, много детей, хранит знания, обучает грамоте, проводятся уроки, там учатся мои друзья, учебное заведение, трехэтажная, веселая, есть книги, требует послушания, ставит хорошие оценки, мой класс, можно играть* 1.

Описание содержания концепта предполагает его полевую стратификацию, т. е. вычленение ядра, ближней, дальней и крайней периферии. Удельный вес (объем) макрокомпонентов в структуре концепта вычисляется как отношение числа объективаций соответствующего компонента в эксперименте к общему числу объективаций когнитивных признаков концепта.

Итак, полевая структура концепта **школа** может быть представлена в следующем виде (в скобках указан удельный вес макрокомпонента):

Ядро (31,3%): там учатся 32 (всего 32 объективации).

Ближняя периферия (45,1%): хорошая 12; родная 9; делает умным 8; есть учителя 6; здание, любимая 4; интересная 3 (всего 46 объективаций).

Дальняя периферия (9,8%): есть ученики, дети идут в школу, дает знания, добрая, красивая 2 (всего 10 объективаций).

Крайняя периферия (13,7%): нужны учебные принадлежности, много детей, хранит знания, обучает грамоте, проводятся уроки, там учатся мои друзья, учебное заведение, трехэтажная, веселая, есть книги, требует послушания, ставит хорошие оценки, мой класс, можно играть 1 (всего 14 объективаций).

Полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента данные позволяют утверждать, что в концепте **школа** самым ярким когнитивным признаком является **там учатся** (32 объективации), который составляет ядро данного концепта и фиксирует наиболее значимый для сознания детей 7–8 лет признак, присущий школе. Признак **там учатся** является неочечным.

Ближнюю периферию составляют семь когнитивных признаков, которые указывают на то, что дети оценивают школу положительно (*хорошая* 12 объективаций; *любимая* 4; *интересная* 3) и в их сознании она связана с родным домом и представляет собой важное место в жизни ребенка (когнитивный признак *родная* представлен такими реакциями: *номер три 4; второй дом 1; моя 1; наш второй дом 1; родная 1; всего дороже 1*. Всего 9 объективаций). Кроме того, значимыми в детском сознании являются такие признаки концепта **школа**, как *делает умным* (8 объективаций); *есть учителя* (6 объективаций); *здание* (4 объективации).

Дальняя периферия представлена пятью когнитивными признаками: *есть ученики, дети идут в школу, дает знания, добрая, красивая* (всего 10 объективаций).

Крайняя периферия содержит четырнадцать когнитивных признаков, отражающих индивидуальное языковое сознание ребенка.

Необходимо отметить, что все периферийные зоны содержат позитивные оценочные признаки. Таких признаков всего восемь и они представлены 34 объективациями (от общего количества в 102 объективации). Негативные оценочные признаки концепта **школа** в языковом сознании детей 7–8 лет отсутствуют. Иначе говоря, исследуемый концепт имеет яркую позитивную акцентуацию.

Рассматривая удельный вес полевых зон концепта **школа**, можно утверждать, что самой крупной зоной является ближняя периферия (45,1%), ядро же концепта имеет немного меньший удельный вес (31,3%). Крайняя и особенно дальняя периферии представлены небольшим количеством объективаций (соответственно 14 и 10 объективаций), поэтому их удельный вес по сравнению с ближней периферией и ядром невелик (13,7% и 9,8%).

Таким образом, концепт **школа** в сознании детей 7–8 лет имеет сравнительно небольшой объем (24 когнитивных признака). При этом наблюдается достаточно высокий удельный вес ядра с единственным ядерным признаком и ближней периферии и незначительный индивидуальный сектор ассоциативного поля (мало единичных реакций, невелико их разнообразие). Это свидетельствует о некоторой стереотипности образа школы в детском сознании, когда слабо выделяются дифференциальные признаки школы, и том, что сознание детей 7–8 лет категоризует школу преимущественно через ее функцию.

Семантическое развитие лексики со значением счета в русском и польском языках

Е. В. Шабалина

Уральский государственный университет (Екатеринбург, Россия)

Семантика, словообразовательная деривация, предикатная лексика

Аннотация. Объектом анализа в докладе являются семантико-словообразовательные дериваты от лексем *считать* и *числить* и их польских параллелей *liczyć* и *rachować*, а также устойчивые сочетания, в которых функционируют данные лексемы. Предлагаемый анализ дериватов направлен на выявление тех семантических закономерностей, в соответствии с которыми в русском и польском языках развивается и модифицируется идея счета.

Счет является неотъемлемой составляющей не только научного познания мира, но и бытовой деятельности человека. Сама по себе счетная операция сугубо рациональна и не несет какой-либо оценочной нагрузки.

Функционируя в устойчивых словосочетаниях и участвуя в процессе семантико-словообразовательной деривации, лексика со значением счета может получать **оценочное** наполнение: ср. рус. литер. *считать* 'расценивать что-либо каким-либо образом', диал. *бесчисленный* 'бестолковый'; польск. *liczyć* 'расценивать как-либо', *wyrachowanie* 'желание извлечь из всего собственную выгоду'.

В качестве основных «представителей» ситуации счета в русском и польском языках нами были выбраны лексемы рус. *считать*, *числить* и польск. *liczyć*, *rachować*. Русские лексемы *считать* и *числить* принадлежат к одному деривационному гнезду (корень **čit-*), что позволяет предполагать наличие у них схожих деривационных моделей. В свою очередь, этимологическое расстояние между польск. *liczyć* и *rachować* (первое слово принадлежит праславянскому фонду, второе является немецким заимствованием) наводит на мысль о их возможном семантическом расхождении и закреплении за различными денотативными сферами.

Обозначенные предикаты задают пропозитивную ситуацию, базовым компонентом которой является действие пересчитывания. Помимо базового компонента, можно выделить следующие составляющие этой ситуации: а) **объект** – предмет / человек, подвергающийся пересчитыванию (типичными объектами «бытового» счета можно назвать деньги и материальные ценности); б) **активный (читающий) субъект** – человек / механизм, выполняющий пересчитывание; в) **цель** – определить положение предмета в ряду подобных, выяснить общее количество предметов г) **инстру-**

мент – то, с помощью чего производится счет (числа, единицы измерения); д) **пассивный субъект** – факультативный компонент ситуации, представленный, как правило, человеком, который выступает в качестве донора материальных благ (ср. рус. литер. *жить за чужой счет* 'жить на чужие деньги').

Актуализация того или иного компонента ситуации ведет к многочисленным семантическим разветвлениям в значении «счетных» лексем: ср., например, рус. литер. *про-считаться* и польск. *przeliczyć się* 'ошибиться в расчетах, предположениях' – достоверность / недостоверность результата зависит от считающего субъекта: если таковым выступает человек, точность может оказаться под угрозой; жарг. *включить счетчик кому-л.* 'назначить кому-л. срок выплаты определенной (вымогаемой) суммы': участие пассивного субъекта делает ситуацию конфликтной, поскольку последний против собственной воли подчиняется активному субъекту.

Опираясь на выделенные выше компоненты ситуации счета, постараемся выявить те семантические закономерности, в соответствии с которыми в русском и польском языках развивается и модифицируется идея счета.

а) **Объект.** В случае, когда место объекта занимает человек, оценочное звучание ситуации усиливается, она, как правило, приобретает отрицательную окраску (при этом отрицательная оценка исходит от объекта): ср. рус. жарг. *вычислить* в значении 'уличить в совершении преступления и привлечь к ответственности', польск. *wyliczyć* 'в боксе: отсчитать десять секунд, в течение которых которых боксер, которому нанесен удар, должен продолжить поединок' и т. п.

б) **Субъект.** Данный параметр имеет две стороны – количественную и качественную. Если действует более одного

субъекта (что наиболее типично для сферы финансовых отношений), делается акцент на их предполагаемом неравенстве, ситуация получает конфликтную окраску. Эта окраска, в свою очередь, распространяется с области финансовых отношений на более широкую сферу социальных контактов: ср. рус. литер. *сводить счеты* 'мстить кому-либо за обиду, оскорбление и т. п.', литер. *расчет* 'наказание, возмездие, расплата'; польск. *porachować się z kim* 'отплатить за обиду, оскорбление и т. п.' Когда пересчитыванием занимается человек (а не специальный механизм), точность результата ставится под угрозу: ср. польск. *lekkio licząc* 'считая неточно, округленно, приблизительно', *zarachować* 'ошибиться в расчетах; считая, намеренно утаить'.

в) **Наличие / отсутствие второго (пассивного) субъекта.** С точки зрения пассивного субъекта ситуация счета оценивается, как правило, негативно, если его отношения с активным субъектом строятся по принципу подчинения: ср. рус. жарг. *включить счетчик, поставить на счетчик* 'назначить кому-л. срок выплаты определенной (вымогаемой) суммы'. Если же пассивный субъект выступает в качестве «донора» материальных средств, то оценка ситуации требует знания presupпозиции: носят его действия добровольный или принудительный характер.

г) **Инструмент.** Основное отличие счета от прочих ментальных процедур коренится в сфере инструментария. Инструмент счета (число) носит фиксированный и однозначный характер (ср. рус. литер. *рассчитать* 'учтя все обстоя-

тельства, решить, определить что-л.>'; польск. *wyrachować* 'обдумать, сделать заключение'; 'предусмотреть'), в то время как даже близкие к нему процедуры, такие, как измерение, допускают выбор определенной шкалы из нескольких возможных.: ср. рус. литер. *мерить на свой аршин* 'оценивать кого / что-л. исходя из своих убеждений и предпочтений'. Однако при переходе в аксиологическую сферу идея счета как точной процедуры несколько нивелируется, поскольку субъектом оценки является человек: ср. рус. литер. *считать* и польск. *liczyć* 'расценивать каким-л. образом', рус. литер. *считаться* 'оцениваться кем-л. как-л.' и польск. *liczyć się* в том же значении.

д) **Цель и результат.** Данный параметр позволяет выявить разницу в семантическом потенциале русских глаголов *считать* и *числить*. Счетная процедура имеет своей целью определить положение предмета в ряду подобных (отсюда семантика оценочной атрибуции: ср. литер. *считать* 'расценивать каким-л. образом'). Для глагола *числить* наиболее актуальной является идея наличия предмета в какой-либо категории. В социальной сфере данная идея наличия преобразуется в идею качественного преобразования (ассимиляции) предмета, включенного в ту или иную совокупность: ср. рус. литер. *зачислить* 'включить в число, в состав кого-л., отнести к какой-л. категории', литер. *отчислить* 'исключить из числа членов какой-л. организации, из состава учащихся какого-л. учебного заведения', литер. *числиться* 'считаться в каком-н. положении, состоянии'.

Об обозначении перхоти в славянских языках (болг. диал. *ло̀д*)

Т. В. Шалаева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Перхоть, отходы при обработке, сор

Аннотация. В докладе дается классификация семантических моделей славянских названий перхоти и предлагается новая первичная мотивация для болгарской диалектной лексемы *ло̀д* 'перхоть'.

Для языковой картины очевидна важность и потенциальная древность понятий, связанных с человеческим телом. В своем докладе я хотела бы затронуть небольшую часть этого вопроса, а именно номинации перхоти в славянских языках, и высказать некоторые предположения о происхождении болгарской диалектной лексемы *ло̀д* 'перхоть' [Гълъбов 1965, 2: 88].

Обозначение этих чешуек на голове человека в славянских языках строится по различным мотивационным моделям (последовательность перечисления – от наиболее распространенных к менее):

1) 'перхоть' ← 'сыпаться' (рус. *перхоть*, блр. *пёрхаць*, болг. *пърхот*, с.-хорв. *пърхут*, словен. *prchaj* (праслав. **pъrchoty*) – из и.-е. **pers-* 'прыскать', 'кропить', 'моросить' [Черных 1994, 2: 25], ср. словен. *pъh* 'пыльная почва, зола', русск. *порох* (с другой ступенью вкализации), лтш. *pārsla* 'снежинка, клоч шерсти', др.-исл. *fors* 'водопад', др.-инд. *prsanī-* 'пятнистый, обрызганный' [Фасмер 2003, 3: 247–248]);

2) 'перхоть' ← 'сдирать': укр. *лупá*, чеш. *lup*, польск. *łupież* (праслав. **lupъ*) – из **loup-* 'что-либо содранное', ср. алб. *lapë* 'лист, лоскут, обрывок', др.-инд. *lora-* 'отделение, утрата' [Этимологический словарь... 1974–2008–, Вып. 16: 186];

3) 'перхоть' ← 'кожа': рус. диал. *плоть* [Словарь современного... 1950–1965, Т. 9: 1412], блр. диал. *плочь* [Народное слово 1976: 96] – из праслав. **plъty* (или др.-русск. *плтьь*) 'кожа';

4) 'перхоть' ← 'мелкий сор, отходы': рус. диал. *отрубы* [Даль 1995, Т. 2: 752] – из русск. литер. *отруби* 'остатки от обмолота зерна после размолта' (ср. итал. *forfora* 'перхоть' из лат. *fūrfur*, *-ūris* 'отруби' [Prati 1951: 447]).

Наличие последней из перечисленных моделей, думаю, позволяет прояснить происхождение болгарского *ло̀д*, которое этимологический словарь болгарского языка определяет как «неясное» [Български етимологичен речник 1962–2004–, 3: 447]. Ж. Ж. Варбот предлагает считать это слово родственным глаголу **liti*, **lъjati* (**lъjъ*) и образованной из праславянской формы **loja* с учетом обычного для болгарских говоров выпадения интервокального *j* (*mъda* из **moja*). Семантическая связь с гнездом **liti* в этом случае основывает-

ся на представлении перхоти как осыпавшейся, слезшей коже [Варбот 1972: 154]. Действительно, значение 'сыпать(ся)' свойственно его производным во многих славянских языках: например, рус. диал. *луть* 'сыпать' [Словарь русских говоров Карелии 1994–2005, 3: 131], польск. *zalić*, *zalewać* 'засыпать, забрасывать' [Karłowicz, Kryński, Niedźwiedzki 1900–1927, 8: 145–146], с.-хорв. *prōliti* 'просыпать' [Rječnik hrvatskoga... 1880–1976, 52: 344]. Но, по-видимому, эта мотивация требует уточнения, поскольку в славянских языках не обнаружено надежных производных от **liti* со значением 'что-либо осыпавшееся' или 'сыпучее'.

Представляется более надежным соотносить болг. *ло̀д* с **liti* не напрямую, а через ступень 'мелкие отходы при обработке чего-л.' и связать его с блр. диал. *ла̀йно* 'отходы при обработке льна' [Тураўскі слоўнік 1982–1987, 3: 10] (ср. *отрубы*), имеющим ту же корневую огласовку (праслав. **la̋jno*, вероятно, имело начальную форму **lőjno* [Этимологический словарь... 1974–2008–, 14: 22–23]). Появление такого значения в гнезде **liti* с его исходной семантикой 'движение жидкости' вполне закономерно, поскольку при изготовлении пряжи стебли льна вымачивали для их размягчения, ср. блр. диал. *ла̀йно* 'связка стираемого белья, сколько может поднять женщина' [Этимологический словарь... 1974–2008–, 14: 22–23]. Приводимые лексемы являются родственными блр. диал. *палб́йка* 'горсть отрепанного или очесанного льна' [3 народнага слоўніка 1975: 79], 'десять горстей льна' [3 народнага слоўніка 1975: 79] и рус. диал. *сло́йка* '10–15 мочек льноволокна, приготовленного для прядения' [Ярославский... 1981–1991, 9: 47], из значений которых, по-видимому, и появилось значение 'отходы при обработке льна', так как семантический переход 'обрабатываемое растение' → 'отходы при обработке' обычен для славянских языков (ср., например, рус. диал. *брунь* 'зерно овса' и 'отходы после обмолота овса' [Словарь говоров... 2001–2005–, 1: 156]).

Таким образом, по-видимому, значение 'обрабатываемые стебли льна' в этимологическом гнезде **liti* является древним и когда-то существовало за пределами русского и белорусского языков. Основанием для этого может служить географическая разнесенность фиксации приводимых слов и использование разнообразных словообразовательных мо-

делей при совпадении семантики. Вероятно, эти единичные примеры – следы в прошлом обширной лексико-семантической группы.

Литература

- Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. София, 1962–2004–.
- Варбот Ж. Ж. Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ // *Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes*. Leipzig, 1972. Bautzen, 1975. С. 148–162.
- Гълъбов Лука. Говорът на с. Доброславци, Софийско // *Българска диалектология*. Т. 2. София, 1965.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд., репр. М., 1995.
- З народнага слоўніка / Рэд. А. А. Крыўцікі, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1975.
- Народнае слова / Под рэд. А. Я. Баханькова. Минск, 1976.
- Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–2005–.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950–1965.
- Тураўскі слоўнік / Складальнікі: А. А. Крыўцікі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін, П. А. Міхайлаў, Г. М. Трухан. Мінск, 1982–1987.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М., 2003.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994.
- Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (Вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (Вып. 32–). М., 1974–2008–.
- Ярославский областной словарь / Науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.
- Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzka W. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927 (= 1952–1953).
- Prati A. Vocabolario etimologico italiano. Torino, 1951.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti in umjetnosti. Zagreb, 1880–1976.

«Словарь языка русской поэзии XX века» и его место в поэтической лексикографии

Л. Л. Шестакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Лексикография, поэтический язык, словник, словарная статья

Аннотация. Автор рассматривает «Словарь языка русской поэзии XX века» как пример словаря поэтического языка конкретной эпохи. Разбираются параметрические характеристики справочника, особенности формирования словника и структуры словарной статьи.

Словари художественной речи представлены в разных славянских лексикографиях – польской, болгарской, сербской и др. (см., к примеру, словари языка Адама Мицкевича, Христо Ботева, Петра Негоша). Русская авторская, или писательская, лексикография прошла в своем развитии несколько этапов, основной из которых ознаменовался созданием «Словаря языка Пушкина» (подробнее см. [Русская авторская лексикография... 2003]). В последние десятилетия эта отрасль отечественной лексикографии развивается очень динамично, что выражается в разработке оригинальных словарных методик описания художественного слова, в подготовке новых словарей по уже сложившимся принципам, в расширении состава лексикографируемых авторов и т. д. Ведущее направление в писательской лексикографии связано с составлением словарей языка отдельных авторов. Каждый такой словарь воссоздает в той или иной степени особенности индивидуально-авторского стиля, а через стиль выводит на мировидение писателя. Другое направление соотносится с созданием сводных словарей, построенных на материале творчества группы авторов. Цель таких словарей – описать художественный язык (язык прозы, поэзии, драматургии) той или иной эпохи. Они представлены значительно меньшим числом образцов, хотя служат основой для описания истории языка русской художественной литературы.

Именно к справочникам второго типа принадлежит «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП), работа над которым ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Словарь языка русской поэзии XX века 2001, 2003, 2008]. Это словарь филологический, алфавитный, предназначенный для широкого круга читателей. Главную задачу составителей Словаря его идеолог В. П. Григорьев видел в том, чтобы представить лексикографический «очерк» поэтического мира XX века, показать систему поэтического языка данной эпохи в динамике, в многообразных формах выражения. Этой задаче соответствуют принятые авторами принципы формирования словника и структура словарной статьи, совмещающая в себе элементы регистрирующего и объяснительного справочников.

Материалом «многоавторского» СЯРП послужило творчество десяти поэтов XX столетия, принадлежавших разным литературным направлениям. Это И. Анненский, А. Ахматова, А. Блок, С. Есенин, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Маяковский, Б. Пастернак, В. Хлебников, М. Цветаева. Словарь характеризуется исчерпывающей полнотой словника – в него вошли все слова, которые встретились в источниках (то есть не только собственно поэтизмы, но и об-

щепотребительные единицы разной частотности, слова устаревшие, диалектные, специальные, лексемы, принадлежащие знаменательным и служебным частям речи). Существенную часть словника составили онимы разных классов – личные имена, географические и др. названия. На многих страницах Словаря можно наблюдать сгущение собственных имен. Например, в I томе содержатся 11 статей к имени Александр (от Александра Македонского до персонажа Маяковского Александра Петровича Брюкина).

Словарная статья состоит из пяти зон. Это обязательные зоны заголовочного слова, контекстов, шифров произведений и факультативные зоны значения и комментариев. Основная нагрузка приходится в Словаре на контексты, расположенные в каждой статье строго хронологически, что и позволяет проследивать динамику и особенности поэтического употребления конкретного слова. Например, материалы статьи к существительному *закат* показывают широкий временной диапазон его употребления: первый контекст относится к 1874 г. (автор – Анненский), последний – к 1964 (автор – Ахматова). Слово с традиционным поэтическим ореолом отмечается у всех выбранных авторов. Особенно востребовано оно, по данным статьи, в 1890–1920-е гг. (что не случайно и связано с характерной для этого периода идеей конца мира, с «закатом Европы», революционными событиями в России). Уже первый пример демонстрирует использование лексемы в образном контексте (*дрожащий Сродни закату голос*, далее в изобилии отмечаются ее употребления прямые, переносные и совмещенные, в неожиданном окружении (*гримасничающий закат* у Пастернака; *Перья-облака, закат расканарейте!* у Маяковского). Слово встречается в составе стихотворных заглавий, в позиции рифмы; в статье не теряется и его курсивное («выделительное») написание (что особенно характерно для Блока) и т. д.

Факультативная зона значения имеет в СЯРП более широкое наполнение, чем в других словарях, поэтому само ее название условно. Сюда при необходимости вводятся сведения, направляющие внимание читателя на графику, орфографию слова, его грамматическую, стилистическую, этимологическую стороны. Семантическая информация дается в тех случаях, когда читатель не может почерпнуть ее из общедоступных словарей. Разъясняются обычно слова специальные, иноязычные, устаревшие и некоторые другие. Например, *ансида* – ‘алтарный выступ храма, ориентированный на восток’ (этот архитектурный термин встречается в стихотворении Мандельштама «Айя-София»), *галопода* – *устар.* ‘особая пляска и музыка’ (ср. у Пастернака: *Дыханье*

водопада, С его, недалеко, Гремящей галопадой), забольный – обл. 'надоедливый' (у Есенина: *И забольная кукушка не летит с печальных мест*).

Зона комментариев к контекстам также содержит разную информацию – к кому обращено стихотворение, с чем рифмуется заголовочное слово и т. д. Например, в большой статье к слову *год* неоднократно даются сведения о рифмах: *годы – свободы, года – навсегда, господа, в году – не найду* и др.; к строкам Цветаевой: *Четвертый год. Глаза, как лед* – дается комментарий: посвящено дочери Але (А. С. Эфрон). К зоне комментариев примыкают и так называемые «последометы» (пометы к контекстам, а не к словам). Они указывают на употребление лексемы в сильных текстовых позициях (в заглавиях, посвящениях, эпиграфах), на эмоционально-экспрессивную окраску контекстов (например, шутливую или ироническую), на цитатный, аллюзийный характер поэтических строк. В статье к слову *вечер* содержится

такие примеры с пометой *Загл.* (заглавие): *Вечер* (Ахматова), *Мама и убитый немцами вечер* (Маяковский), *Нездешние вечера* (Кузмин) и др.

Информация, содержащаяся в разных зонах словарной статьи, формирует в совокупности поэтический «портрет» каждого описываемого слова.

Лексикографическая модель, которая реализована в «Словаре языка русской поэзии XX века», может быть применена к разным периодам в истории языка как русской художественной литературы, так и других национальных литератур.

Литература

Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / Сост. Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, Л. Л. Шестакова. М., 2003.

Словарь языка русской поэзии XX века / Сост. В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная, В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. Т. I. М., 2001. Т. II. М., 2003. Т. III. М., 2008.

О некоторых особенностях употребления фразеологизмов в русскоязычной и чешскоязычной прессе начала XXI века

Н. В. Юдина

Владимирский государственный гуманитарный университет (Владимир, Россия)

С. Адамкова

Университет им. Масарика (Брно, Чехия)

Русскоязычные и чешскоязычные СМИ, фразеологизмы

Аннотация. В настоящем докладе предложена попытка первичного обобщения некоторых тенденций функционирования фразеологических единиц русского и чешского языков в СМИ начала XXI века, являющихся свидетельством и иллюстрацией социокультурных и ментальных процессов, происходящих в современном обществе.

Среди так называемых языковых маркеров национально-культурного сознания одно из ведущих мест, как известно, занимают фразеологические единицы. Собранный языковой материал (более 1000 фразеологизмов, извлеченных из русскоязычных и чешскоязычных СМИ в 2007–2008 гг.) свидетельствует о том, что употребление устойчивых единиц в современном русском и чешском языках имеет ряд общих черт. К основным общим тенденциям, на наш взгляд, относятся следующие.

1. Само использование в настоящее время в обоих языках фразеологических единиц свидетельствует об определенной ментальной устойчивости обоих народов, а также о том, что процесс передачи знаний и трансляции структур знаний по-прежнему осуществляется из поколения в поколение и является непрерывным.

2. Вместе с тем в обоих языках неизменно идет процесс пополнения фразеологического состава новыми устойчивыми единицами, появление которых продиктовано необходимостью наименования новых реалий действительности в различных сферах деятельности человека (напр., *шенгенская конвенция, оранжевая революция*) и использования данных оборотов в разных стилях обоих языков (ср. чешск. разг.: *stará struktura, ty konzervo, Zamávali jsme Bedřichem* и др.).

3. Специалистами в сфере изучения активных процессов русского языка начала XXI века замечено, что современный русский язык развивается в соответствии с двумя основными тенденциями: демократизацией (вульгаризацией или криминализацией) и интеллектуализацией. Анализ языкового материала дает основания утверждать, что и для современного чешского языка также характерны обе эти тенденции. Наиболее ярко, безусловно, проявляет себя *демократизация*, нашедшая отражение в следующих явлениях: а) в переоценке и смене коннотаций в сфере устойчивых единиц в области политики, б) в активном использовании фразеологизмов религиозного характера, в) в снижении общей речевой культуры носителей языка и др.

4. По сравнению с демократизацией менее ощутимы тенденции к *интеллектуализации* современного русского и чешского языков. Сюда можно отнести, например, достаточно частое использование в СМИ начала XXI века фразеологизмов античного происхождения типа *sysifovská práce = сизифов труд, překročit Rubikon = перейти через Рубикон* и др. Эта особенность дает основание взглянуть довольно оптимистично на современную действительность в том смысле, что в обоих странах в публичную жизнь в настоя-

щее время входит все больше гуманитарно образованных людей, знающих историю, мифологию и интересующихся античной культурой.

5. Сравнительно-сопоставительный анализ ряда фразеологизмов подтверждает общие славянские корни некоторых устойчивых единиц. Согласно нашим исследованиям, собранные фразеологизмы в русском и чешском языках совпадают в 35% случаев. У этих 35% обнаружена одинаковая форма и структура, соответствуют лексические единицы, источники, семантика и особенности функционирования (ср., напр.: *белая ворона* и *bílá vrána*; *вооружен до зубов* и *ozbrojen po zuby*; *спеть старую песню* и *(zpívat) starou píseňku*; *голубая кровь* и *modrá krev* и др.). Любопытна также история некоторых фразеологических единиц (примерно 20% от собранного материала), которые имеют вариативные компоненты при совпадении значений в обоих языках. Ср., напр., *притянуть за уши / волосы: Mě se to nezdá. Myslím, že si to Jana vymyslela. Je to celé totiž tak trošku přitažené za vlasy* и *По мнению историков, празднование 1000-летия Москвы явно притянуто за уши*. Наиболее интересными в сравнительно-сопоставительном плане являются фразеологизмы с национально-культурной коннотацией (около 15% проанализированных единиц). Ср., напр.: *китайская грамота* и *španělská vesnice* (*испанская деревня*); *купить kota в мешке* и *koupit zajíce v pytli* (*купить зайца в мешке*); *гомерический смех / хохот* и *hurónský smích* (*зуронический хохот*). Около 5% от проанализированных единиц имеют в своем составе так называемые прецедентные имена, феномены, реалии действительности. Остальные ФЕ (около 25%) не совпадают.

Вместе с тем, помимо сходных черт, можно отметить и некоторые различия в функционировании фразеологических единиц в русском и чешском языках.

1. В отличие от русского языка, в чешских СМИ очень часто встречаются латинские цитатные фразеологизмы типа *de facto, de iure, a priori, a posteriori* и др. Ср.: *Genetika vyvolává a priori – a ještě více a posteriori – řadu etických otázek*. Думается, что использование латинских цитатных выражений является в чешских СМИ средством, вызывающим авторитет, доверие и убедительность как по отношению к издаваемому материалу, так и к компетентности самого журналиста. В русских СМИ латинские цитатные выражения практически не встречаются (исключением составили три единицы: *alma mater, idea fixa, tabula rasa*).

2. Помимо использования латинских выражений, не менее распространенным является употребление в чешских

публицистических текстах цитатных выражений французского происхождения типа *par excellence*, *a propos*, *faux pas*, *enfant terrible*, *raison d'être* и др. Ср.: *Nedělej si s tím hlavu*, *bylo to jen takové nemilé faux pas*. Французских цитатных выражений в русских СМИ нами обнаружено не было.

3. Вследствие того, что английский язык является в наши дни языком самым распространенным и фразеология многих языков не избегает его влияния, употребление английских выражений становится очень модным явлением. Принципиальным отличием тенденций развития русского и чешского языков является тот факт, что в русском языке в подавляющем большинстве случаев используются отдельные лексемы, в то время как в чешском достаточно распространены английские устойчивые единицы типа *fair play*, *happy end*, *poker-faced*, *last but not least*, *take it easy* и др. Ср.: *Opravdu nemám rád happy end každého příběhu z jeho knih*.

В русскоязычных СМИ английские ФЕ чаще встречаются в переводе или в русской транслитерации. Ср., напр.: *горячая линия* (англ. *hot line*), *горячие деньги* (англ. *hot money*), *черные деньги* (англ. *black money*), *синий чулок* (англ. *blue stocking*), *хэппи энд* и др.

Подводя предварительные итоги исследования некоторых тенденций развития русской и чешской фразеологии начала XXI века на примере СМИ, заметим, что фразеологические обороты представляют собой уникальные единицы, позволяющие связывать два фундаментальных понятия: язык и культура. Будучи компонентами лексико-фразеологического состава языка, они являются зеркалом национального самосознания и элементами национальной культуры и дают основания для более глубоких и серьезных обобщений, выводящих на глубинные, тайные смыслы национальных языковых картин мира.

Deskriptívna a normatívna dimenzia Slovníka súčasného slovenského jazyka

A. Ярошова / A. Jarošová

Институт языкознания имени Людовита Штура, Словацкая академия наук (Братислава, Словакия)

Толковый словарь, корпус, нормы словоупотребления, кодификация

Аннотация. В докладе анализируются внешние и внутренние лингвистические контексты работы над многотомным «Словарем современного словацкого языка». Внимание сосредоточено на объяснении теоретико-методологических позиций, на основе которых словарь выполняет свою дескриптивную и нормативную функции.

0. *Slovník súčasného slovenského jazyka* (SSSJ), ktorého prvý zväzok (A–G) vyšiel v roku 2006, je slovník výkladový (poskytujúci výklady slov na základe najnovších teoretických poznatkov z oblasti lexikálnej sémantiky), slovník dokladový (dokumentujúci status slova ako rečovej jednotky, ako súčasť autentických prehovorov a textov) a slovník deskriptívno-preskriptívny (dôsledne reflektujúci výsledky skúmania širokej materiálnej základne a súčasne poskytujúci kvalifikovaný názor na lexikálne jednotky z hľadiska výstavby kultivovaného prejavu).

SSSJ vzniká v určitom externom a internom jazykovom kontexte. Medzi mimojazykové faktory premietajúce sa dominantne do vonkajšieho lingvistického kontextu slovenčiny, a teda aj do spracovania lexikálneho materiálu v slovníku, patrí integrácia Slovenska do EÚ a informatizácia spoločnosti. Medzi interné lingvistické faktory patrí domáca lexikografická teória a prax.

1. Slovensko je konfrontované s pozíciou angličtiny ako medzinárodného dorozumievacieho jazyka (v rámci globalizácie) a súčasne ako «vehikulárneho» jazyka Európskej únie (v rámci európskej integrácie). Tento faktor spôsobuje príliv anglicizmov nielen do úzko odbornej prírodovednej a technickej sféry, ale do takých oblastí, z ktorých ľahko preniká aj k širšiemu používateľovi: šport, elektronická komunikácia, informatika, umenie – najmä hudba, financie, cestovný ruch. Slovenčina sa musí vyrovnávať s problémom ekvivalencie a adaptácie anglických pomenovaní.

2. Informatizácia spoločnosti má určité dôsledky aj v oblasti lexikografickej práce. Znamená prechod od pôvodnej schémy – **text** (kartotéka) → **lexikograf** → **slovník** – k novej schéme – **text** (kartotéka + korpus + internet) → **lexikograf** + «**počítač**» → **slovník**.

3. K interným jazykovým kontextom patrí, že SSSJ vzniká v rámci určitej domácej lingvistickej a lexikografickej tradície. Lexikografická tradícia môže obsahovať napr. tieto aspekty: (a) tradícia výkladového slovníka predovšetkým ako preskriptívneho diela, (b) očakávania verejnosti, (c) zjednodušené prezentovanie slovníkového materiálu vyplývajúce z intencie lexikografov, (d) zjednodušené interpretácie používateľov vyplývajúce z nízkej lexikografickej kultúry. V bode (d) môže ísť o dve možnosti: (1) priamočiare uplatňovanie systémového hľadiska a doktrínálny charakter teoretického prístupu (trvanie na jednej z teoreticky možných interpretácií) alebo (2) priamočiare uprednostňovanie hľadiska frekvencie výskytu (nekritický prístup k zdrojom a ignorovanie ich limitov)

4. K interným lingvistickým kontextom patrí aj fakt, že SSSJ sa opiera o určitú teoreticko-metodologickú platformu, z pozície ktorej chce svoju deskriptívno-preskriptívnu funkciu plniť. Táto platforma predpokladá vypracovanie modelu významu a vypracovanie základných postulátov kodifikačného postoja.

4.1. Do modelu významu sa premietli súčasné teórie lexikálnej sémantiky ovplyvnené komunikačno-pragmatickým nazeraním na jazykové javy a niektorými postulátmi kognitívnej a korpusovej lingvistiky. Z oblasti kognitívnej lingvistiky je to chápanie významu ako súčasť poznania a poznávania – kognície, relativizácia hraníc medzi jazykovým a mimojazykovým, koncept naivného obrazu sveta a koncept prototypu. Z oblasti korpusovej lingvistiky je nám blízke chápanie jazyka ako kontinua, pokus o jeho uchopenie pomocou štatistických nástrojov a dôraz na slovné spojenie. Výklad slov sa teda viac ako doteraz opiera o model významu slova ako potenciálneho komplexu poznatkov o označovanej entite alebo situácii, ako aj komplexu hodnotení, postojov a konotácií prezentovaných vo vedomí bežného člena jazykového spoločenstva. Potenciálnu, variantnú a vágnu povahu významu dokumentujú výsledky analýz korpusového materiálu. Na konkrétnych príkladoch ukážeme, ako je táto skutočnosť zachytená v štruktúre slovníkového hesla.

4.2. Množstvo materiálu zhromaždeného v korpuse / internete a nové teoretické práce v oblasti jazykovej kultúry nám umožňujú po novom pristupovať k otázkam jazykovej normy. Odchýlky od kodifikovanej normy nevysvetľujeme len v termínoch neústrojnosti a nesprávnosti, ale rátame aj s komunikačným zámerom nositeľa jazyka. Vhodnosť použitých jazykových prostriedkov sa usilujeme posudzovať nie z hľadiska simplifikovane chápanej systémovosti, ale z hľadiska ustálenosti / zaužívanosti jazykového prostriedku a z jeho schopnosti plniť komunikačnú funkciu. Dôležitým faktorom posudzovania je spoznanie postojov používateľov jazyka.

V príspevku ďalej ukážeme na konkrétnych príkladoch, ako sa v SSSJ reflektuje proces preberania cudzích slov, proces terminologizácie odborných pomenovaní, ako sa reflektuje zmena v pragmatickom komponente slov a ako sa optimalizuje gramatický aparát s ohľadom na rozsiahly dokladový materiál, ktorého analýza niekedy nepotvrzuje riešenia prezentované v doterajších kodifikačných príručkách. Pri spracovaní pragmatického komponentu slovníka vo viacerých prípadoch prináša zmenené hodnotenie štýlovej a normatívnej príznakovosti slov, ktoré vyplývalo z úsilia o adekvátnejšie zachytenie súčasného stavu ako výsledku dynamického vývinu nášho jazyka. Ako prostriedok hodnotenia lexikálnych jednotiek v tejto oblasti sa v slovníku uplatňuje pojem funkčný kvalifikátor, vymedzovaný ako výsledok vzájomného spolupôsobenia troch typov noriem – jazykových (systémových), komunikačných a štýlových. Pri optimalizácii gramatickej charakteristiky substantív autori sledujú častotnosť výskytu skúmaných tvarov v textoch a pôsobenie (synergické alebo protichodné) relevantných jazykových faktorov – sémantického, gramatického, derivačného, ortoepického a ďalších. Predložené návrhy vytvárajú priestor na diskusiu.

Historizmy a archaizmy v súčasnej spisovnej slovenčine

P. Karpinský

Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove (Prešov, Slovenská republika)

Historizmy, archaizmy, literárne texty

Spisovný jazyk predstavuje útvar, respektíve systém vyznačujúci sa vlastnosťou pružnej stability. To znamená, že hoci je kodifikovaný a normovaný, nie je nemenný. Naopak, od svojho vzniku je v neustálom vývine. Pravdepodobne najmarkantnejšie sa táto dynamika jazyka prejavuje v slovnej zásobe. Napriek tomu, že zmeny v jazyku nepredstavujú okamžitý, krátkodobý proces, ale v niektorých prípadoch ide o proces zdĺhavý, prebiehajúci desaťročia, ba i storočia, jeho výsledky sú zrejme a veľmi výrazne ovplyvňujú charakter súčasného spisovného jazyka. Azda najzreteľnejšie sa proces zmien dotýka zánikania slov, resp. ich vytlačania na perifériu slovnej zásoby z dôvodu historickej príznakovosti. K takýmto posunom v rámci lexiky konkrétneho jazyka môže dochádzať napríklad na základe zovšeobecnenia myslenia, eliminovaním nepodstatných rozlišovacích znakov pomenúvaného predmetu, ďalej v prípadoch, ak je slovo nahradené viac-menej výstižnejším výrazom, ak sa v súčasnom jazyku na pomenovanie konkrétnej reality už nevyskytujú výstižné jednoslovné výrazy, prípadne v situácii, ak dochádza k zániku reality, ktorú dané slovo pomenovalo.

Medzi slovami, ktoré zanikli, prípadne sú v procese zániku, resp. systémom jazyka sú vysúvané na perifériu slovnej zásoby, sa však vyskytujú isté rozdiely. V kontexte súčasnej spisovnej slovenčiny a v nadväznosti na staršie teórie môžeme zastaralé a zastarávajúce slová rozdeliť do kategórie archaizmov a historizmov. Archaizmy chápeme ako slová, ktoré sa prestali aktívne používať a prešli do pasívneho slovníka, pretože sa na označenie tých istých vecí a pojmov začali namiesto nich používať novšie slová, ale s tými istými významami, a to s cieľom vyjadriť ich významy primeranejším spôsobom ako

ustupujúce slová. Historizmy sú zasa slová, ktoré sa prestali aktívne používať a prešli do pasívneho slovníka, lebo sú pomenovaniami takých pojmov a javov, ktoré sa prestali používať a zanikli v našom živote. V oboch prípadoch, či už ide o archaizmy alebo o historizmy, sa spomínané slová stávajú súčasťou tzv. pasívnej slovnej zásoby a mnohokrát sú pre bežného používateľa jazyka nezrozumiteľné alebo nejasné.

Historické posuny a zmeny v rámci jazyka sa azda najvýraznejšie prejavujú v starších písaných textoch, ktoré sa dostávajú do konfrontácie so súčasným jazykom. Napriek tomu, že z obdobia od 16. storočia sa v archívoch zachovalo množstvo administratívnych, ale aj odborných textov, súčasný recipient prichádza do kontaktu takmer výlučne iba s literárnymi textami. Preto sa v našom príspevku chceme zamerať na jazykové zmeny vyskytujúce sa v jednotlivých vydaniach Dobšinského zbierky Slovenských ľudových rozprávok.

Základným dôvodom, pre ktorý k týmto zmenám dochádza, je intencná orientácia skúmaných textov na detského recipienta, ktorý je zvlášť citlivý na výskyt nezrozumiteľných tvarov a slov. Editori a redaktori jednotlivých vydaní sa snažia tieto zastaralé a preto nejasné tvary substituovať novšími, resp. ich vysvetľovať v slovníčkoch umiestnených na konci knihy. Počet slov uvedených v týchto slovníčkoch sa v skúmaných vydaniach pohyboval od 77 až po 210, no podľa nášho názoru sa v analyzovaných textoch nachádza oveľa viac slov, ktoré môžu byť súčasnému mladému čitateľovi nezrozumiteľné.

V našej štúdií sa preto zameriame nielen na opis týchto zmien s ich zdôvodnením, ale pokúsime sa tiež u detských čitateľov zmapovať úroveň poznania a pochopenia niektorých archaizmov a historizmov, ktoré sa v skúmaných textoch vyskytujú.

Internacionalizmy w hornjoserbskej spisownej řeči přítomnosće Hornjoserbščina w internetnych forumach

A. Pohončowa

Serbski institut (Budyšin / Bautzen, Германия)

Spisowna hornjoserbščina, internacionalizmy, słownik noweje leksiki

Аннотация. В докладе рассматривается распространение интернационализмов в современном верхнелужицком литературном языке на материале «Немецко-верхнелужицкого словаря новой лексики» (2006).

We wšitkich słowjanskich spisownych řečach hodži so kónc 20. a spočatk 21. lětstotka zesylnjenje tendency k internacionalizowanju zwišćić. Tuž njedžiwa, zo předleža we wobłuku słowjanskich řečow mjeztym tójšto analizow tutoho řečneho zjawa, kotrež so z konkretnej słowjanskej řeči zaběraja abo wjacore słowjanske řeče přirunuja. Napadnje, zo so w komparatiwnje wusměrjenych džělach serbščina zdžěla njewobkedžbuje resp. samo wuraznje wuwostaji jeje wosebiteho položnja dla. Bjezdweła skutkuje pak tež w hornjoserbščinje wotpowědna tendenca. Přijimanje internacionalizmw popisuje so samo jako jedyn z najwažnišich typow wobohačnja

moderneho hornjoserbskeho spisownorěčneho slowoskłada. Mješninoweho statusa serbščiny dla zabjerje pak serbščina w přirunowanju z druhimi słowjanskimi řečemi wosebite měštno.

Na zakładze «Němsko-hornjoserbskeho słownika noweje leksiki» (Budyšin 2006) podawa so přehlad wo ortografiskim a morfologiskim adaptowanju mjezynarodneje leksiki (při wosebitym wobkedžbowanju anglicizmw) a přepytuje so, hač hodža so w poslednimaj lětdžesatomaj w tutym nastupanju změny wobkedžbować. Nimo toho zaběra so referentka ze zwjazujomnosću interleksemow z indigenymi serbskimi afiksami.

Predložky *do* a *k* v širšom slovanskom kontexte / Предлоги *до* и *к* в более широком славянском контексте

M. Vojteková

Прешовский университет в Прешове (Прешов, Словацкая республика)

Предлоги, происхождение, вокализация, значения, славянские языки

Аннотация. Доклад посвящен предлогам *до* и *к* в более широком славянском контексте. На фоне праславянской формы рассматривается современная форма этих предлогов в вокализованной и невокализованной форме. В заключении дается сравнение выражения пространственного и временного значения предлогами *до* и *к* в словацком, польском и русском языках.

Na základe funkčného kritéria, ktoré zohľadňuje stupeň viazanosti na meno a stupeň abstraktnosti významu, možno

predložky *do* a *k* v západoslovanských a východoslovanských jazykoch zaradiť k podskupine prvotných predložiek. Znamená

to, že obe predložky sa dnes v týchto jazykoch používajú výlučne v predložkovej funkcii, vyskytujú sa iba s významom predložiek a iba v spojení s nepriamym pádom substantíva alebo jeho ekvivalentu, pričom je pre ne typická mnohovýznamovosť a všeobecnosť významu. Najspôhlivejším ukazovateľom toho, či sa v súčasnosti daná lexéma používa len vo funkcii predložky alebo aj v inej funkcii (najčastejšie príslovkovej), sú výkladové slovníky jednotlivých slovanských jazykov, ktoré majú normatívnu povahu. Predložky *do* a *k* sú zároveň etymologické (pôvodné, vlastné) predložky, t. j. boli predložkami už v predpisovom období slovanských jazykov. Pôvod týchto predložiek spadá do praslovanského obdobia.

Jednoslabičná predložka *do* predpokladá praslovanský tvar **do*. V západoslovanských jazykoch (slovenčina, čeština, poľština, horná lužická srbčina) a v dvoch východoslovanských jazykoch (ruština, ukrajinčina) si zachováva totožnú podobu *do* (*do*), len v bieloruštine má podobu *da* (*da*), a to v dôsledku akania a fonetického pravopisného princípu. Pre predložku *k* v spomínaných slovanských jazykoch sa predpokladá praslovanský tvar **къ(n)* s koncovým konsonantom. V dôsledku zákona otvorených slabík koncová spoluhláska v uvedených predložkách zanikala, keď stála pred slovom, ktoré sa začínalo na spoluhlásku: **къn ženě > къ ženě*. Pred tvarmi zámena tretej osoby **ъ*, **я*, **je* sa *-n* zachovávalo, presúvalo sa však k samohláske v nasledujúcom slove, pričom bolo zmäknuté pomocou *j*-, napr. **къn jemu > къ n'emu* [Štec 1997: 171]. Zámenný kmeň na *n'* sa neskôr abstrahoval a začal sa používať aj po predložkách, ktoré sa pôvodne na *-n* nekončili, napr. *do n'ego, na n'b, oъ n'ego*. Tento jav je všeobecne slovanský. Po zániku alebo presunutí spoluhlásky *-n* jer zostávajúci na konci predložky zanikal alebo vokalizoval sa podľa tzv. Havlíkovho pravidla. Predložka *k* sa v základnom neslabičnom tvare vyskytuje v spisovnej slovenčine, češtine, hornej lužickej srbčine, ruštine a bieloruštine. V podobe *ku*, ktorá je základným a jediným tvarom tejto predložky sa vyskytuje v spisovnej poľštine. Osobitná situácia je v spisovnej ukrajinčine, kde praslovanská predložka **къ(n)* nemá formálne pokračovanie. V ukrajinskom jazyku sa však kedysi nachádzala, pričom mala podobu *k / ik*. Toto striedanie vysvetľuje Kopečný analógiou so *z / iz*. Postupne však vymizla, formálne ju nahradila predložka *do*, ktorá prevzala aj jej významy. Podľa miznúcej predložky *k / ik* nadobudla synonymná predložka *do* taktiež podobu *d / id*, pričom prevzala aj datívnu väzbu [Kopečný 1964: 103, 161].

Pre porovnanie sú zaujímavé aj vokalizované tvary predložky *k*. Výlučne vokalizovanú podobu má táto predložka v spisovnej poľštine. V ostatných analyzovaných jazykoch nadobúda sekundárnu vokalizovanú podobu len v istých postaveniach, v závislosti od nasledujúceho zvukového okolia. Uprednostňovanie vokalizovanej alebo neokalizovanej podoby v istých typoch kontextov bezprostredne súvisí s typologickými charakteristikami jazykov. Pre krajný konsonantický typ jazykov (ruština, bieloruština, ukrajinčina, horná lužická srbčina, poľština) je príznačný nižší stupeň vokalizácie predložiek a vyššia tolerancia k spoluhláskovým skupinám. Pre prechodný typ jazykov (slovenčina, čeština) je charakteristická vyššia miera vokalizácie a odstraňovanie spoluhláskových skupín. Potvrdilo sa nám to pri výskume vokalizácie predložiek v spisovnej ukrajinčine, slovenčine a poľštine (porov. [Vojteková 2007]). Z výskumu vokalizovaných tvarov predložiek *v, nad, pod, od, před, bez, cez, z, s* (v príslušnej podobe v jednotlivých jazykoch) nám navyše vyplynulo, že vokály, ktoré tvoria ich vokalizované podoby, sa vždy zhodujú s jerovými striednicami. Vokalizovaný tvar predložky *k* v časti slovanských jazykov taktiež zachováva vokál, ktorý je pravidelnou striednicou za praslovanský tvrdý jer. Konkrétne ide o češtinu (*ke*), hornú lužickú srbčinu (*ke*), ruštinu (*ko*), bieloruštinu (*ka* – po sekundárnej zmene). V slovenčine a poľštine má táto predložka podobu *ku* (v poľštine výlučne vokalizovaný tvar), kde vokál *u* nekorešponduje s jerovými striednicami v týchto jazykoch. Pôvod tohto vokálu objasňuje v «Historickej gramatike poľského jazyka» S. Rospond [Rospond 1971: 75]. Tvrdí, že vokál *u* sa k uvedenej predložke dostal z datívu podstatných mien, s ktorým sa predložka *k* vždy spájala. O prieniku tohto vokálu k predložke rozhodla dominancia prípony *-u* v datíve singuláru podstatných mien mužského a stredného rodu. Rovnaké vysvetlenie podáva aj F. Kopečný

[Kopečný 1973: 100]. S. Rospond hovorí v súvislosti s týmto javom o tzv. morfológickej atrakcii. Ojedinele je podoba *ku* prítomná aj v češtine, a to v ustálených spojeniach (pred slovom začínajúcim obojperným *p*): *ku podívu* (aj spolu: *kupodívu*), *ku pomoci*, *ku prospěchu*, *ku Praze*, *ku příkladu* a pri čítaní matematických výrazov *á ku bé*.

V ďalšej časti príspevku sa obmedzíme na porovnanie vyjadrovania priestorového (smerového / miestneho) a časového významu predložiek *do* a *k* v spisovnej slovenčine, poľštine a ruštine. Priestorový a časový význam patria k tzv. kontextovým významom. Tento typ významov vychádza zo skutočnosti, že predložky sú synsémantické slová, ktoré nadobúdajú významy až v kontexte. Kontextové významy vznikajú súčinnosťou viacerých činiteľov: predložky, podradeného mena, pádového významu podradeného mena, nadradeného slovesa, prívlastku (porov. [Horák 1976]).

Predložka *do* sa vo všetkých troch analyzovaných jazykoch viaže s genitívom. V súčinnosti s ďalšími zložkami kontextu si v slovenčine, poľštine aj ruštine dobre zachováva význam «priestorovej hranice» (*siahat' do kolien, dobehnúť do konca / sięgać do kostek, dobiec do końca / умыться до пояса, добежать до лека*) a význam «časovej hranice» (*ostať do rána, spomínať do smrti / dość czasu do obiadu, być zimno do porowy czerwca / работать до поздней ночи, проспать до обеда*). V slovenčine a poľštine vyjadruje taktiež smerový význam «dovnútra» (*položiť do misy, zbehnúť do pivnice / przejść do drugiego pokoju, wkładać do szuflady*) a miestny význam «dotyku, styku» všeobecne (*dobnúť do nosa, udrieť do hlavy / przyrosły do ust, uderzać do głowy*). V každom z analyzovaných jazykov vyjadruje táto predložka ešte niekoľko ďalších významov. V slovenčine je to smerový význam «na povrch» (*škrabať sa do svahu*), význam «časového úseku» (*zodrať do roka tri páry krpco*) a význam «časovej frekvencie» (*raz do roka*). V poľštine je to neadresný smerový význam «do blízkosti niekoho / niečoho (*kłaniać się do ziemi*), pre ruskú predložku je charakteristický navyše význam «časového predchádzania» (*гимнастикой лучше заниматься до завтра*).

Predložka *k* sa v slovenčine, poľštine a ruštine spája s datívom podstatných mien a v poľštine predstavuje knižnú predložku. Vo všetkých troch jazykoch vyjadruje zhodne: neadresný smerový význam «do blízkosti» niekoho / niečoho (*nakloniť sa k sudu, przejść k potoku / schylić ku nam postać, ruszyć ku drzwiom / подойти к окну, наклониться к ребенку*) a význam časovej hranice (*chyliť sa k večeru, bliźni sa k południu / zbliżyć się ku końcowi / к утру бред прошеи, приехать к отлету самолета*). V ruštine vyjadruje navyše miestny význam «dotyku, styku» všeobecne (*приклониться к стене / к спинке стула*).

Na základe analýzy vybraných predložiek môžeme konštatovať, že aj napriek spoločnému pôvodu slovanských jazykov sa ich súčasný stav vyznačuje mnohými osobitosťami, ktoré sú spôsobené divergentným vývinom slovanských jazykov. Pri predložkách sa to prejavuje tak v rovine formy, ako aj obsahu.

Literatúra

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Inny słownik języka polskiego. Tom 1–2 / Red. M. Bańko. Wyd. I. Warszawa, 2000.
- Krátký slovník slovenského jazyka / Red. J. Kačala. 4. vyd. Bratislava, 2003.
- Horák E. Metodologické a teoretické východiská opisu sémantiky slovanských predložiek // Slovenská reč. 1976. Roč. 41. Č. 2. S. 85–102.
- Kopečný F. Základní všeslovanská slovní zásoba. Brno, 1964.
- Kopečný F. Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 1. Praha, 1973.
- Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Wyd. I. Warszawa, 1971. S. 231, 333–338.
- Štec M. Staroslovenčina a cirkevná slovančina. Prešov, 1997. S. 170–171.
- Vojteková M. Vokalizácia predložiek v spisovnej slovenčine a spisovnej ukrajinčine v širšom slovanskom kontexte // Slovensko – ukrajinské vzťahy v oblasti histórie, kultúry, jazyka a literatúry. Vedecký zborník Múzea ukrajinskej kultúry vo Svidníku. Zv. 24. Svidník, 2007. S. 385–394.

Odzwierciedlenie etniczno-kulturowej i językowej tożsamości Słowian w świetle tradycyjnej zoonimii ludowej i terminologii zoonimicznej

S. Warchoł

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej (Lublin, Polska)

*Słowianie, etnoogeneza, zoonimia ludowa, tradycja, formanty zoonimiczne /
Славяне, этногенез, народная зоонимия, традиция, зоонимические форманты*

1. Celem referatu jest przedstawienie w świetle tradycyjnej słowiańskiej zoonimii ludowej i terminologii zoonimicznej etniczno-kulturowych i językowych związków Słowian od czasów prasłowiańskich do współczesnych. Podstawę materiałową w tym zakresie stanowi opracowany przeze mnie i na bieżąco publikowany pięciotomowy *Słownik etymologiczno-motywacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej*, tom I tego *Słownika* ukazał się w druku (Lublin 2007), zaś tom II, obejmujący nazwy własne krów, będzie opublikowany na początku 2009 roku.

2. W referacie chodzi przede wszystkim o wykazanie, że te niezwykle silne związki językowe i kulturowe, obrzędowe, wyznaniowe itp., jakie łączyły wspólnotę słowiańską w okresie przedchrześcijańskim, mimo późniejszego podziału Słowian na trzy odłamy: południowy, wschodni i zachodni, w tradycyjnej zoonimii ludowej zachowały się do chwili obecnej. Przetrwały one przede wszystkim w terminologii zoonimicznej i zoonimii tych gatunków zwierząt, głównie krów, wołów, psów, także owiec i kóz oraz kur i gęsi, które od czasów pra-

słowiańskich do współczesnych są przez lud wiejski najbardziej cenione. Świadczy to również o niezwykle silnym przywiązaniu Słowian do hodowli zwierząt, które niejednokrotnie, w różnych związkach rodowych, traktowano jak członków rodziny. Okoliczności te dowodzą również, że od pradziejów Słowianie związani byli głównie z rolnictwem i pasterstwem, a wyjątkowo silne przywiązanie ludu wiejskiego do ziemi i tradycji rodzinnej jest w różnych krajach słowiańskich zachowane do dziś.

3. W świetle odpowiednio wybranych zoonimów, zarówno struktur prostych, jak też derywowanych, zwłaszcza z typowymi dla zoonimii gwarowej formantami z elementem -ch- / -sz-, -l-, -*njь- (-ń-), -k-, -c-, pragniemy też wykazać, że etnoogenezę Słowian należy wiązać z obszarem wschodnim, czyli z dorzeczem środkowego Dniepru i ewentualnie górnego Donu, zaś wykreowanie się ludu prasłowiańskiego jako określonej wspólnoty etniczno-językowej sięga, według chronologii względnej, co najmniej V wieku przed n. e. W okresie tym od południowego wschodu z obszarem Prasłowian sąsiadowały zapewne ludy pochodzenia indoirańskiego.